АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Г.Д. ГУМБА

КАВКАЗОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник статей

Сухум, 2026

УДК 94(5)
ББК 63.3(5Абх)я4
Г 94

Научный редактор – доктор исторических наук *А.С. Мирзоев*
Рецензент – доктор исторических наук, профессор *О.В. Маан*

Г.Д. Гумба. Кавказоведческие исследования. Сборник статей. – Сухум: АГУ, 2026. – 271 с.

В сборнике «Кавказоведческие исследования» представлены труды по этнической и политической истории, исторической географии Абхазии и Кавказа, написанные и опубликованные автором в разное время в научных изданиях Абхазии, Армении и Российской Федерации.

Книга предназначена для историков, педагогов, студентов, а также всех интересующихся историей и культурой народов Кавказа.

Г/Р 978-5-155-26-04026

© Г.Д. Гумба, 2026

К ВОПРОСУ ИДЕНТИФИКАЦИИ РЕКИ ЭГРИС-ЦКАЛИ ДЖУАНШЕРА ДЖУАНШЕРИАНИ

Изучение ономастики античной и средневековой Колхиды, включающее идентификацию упоминаемых в источниках этнонимов, топонимов и гидронимов, а также установление их преемственности с современной номенклатурой, сопряжено со значительными трудностями. Они обусловлены не только фрагментарностью и скудостью материала, но и необходимостью методически корректного подхода к его анализу и интерпретации. Особую сложность представляют средневековые источники, где традиционные античные наименования зачастую соседствуют с современными автору или даже проецируются в древнюю эпоху. В этой связи точное определение значений этнонимов и идентификация географических объектов Колхиды приобретают первостепенное значение. От успешности решения этих задач во многом зависит прогресс в исследовании проблем этногенеза абхазского и грузинского народов и реконструкции путей их исторического развития.

К числу таких дискуссионных объектов относится гидроним Эгрис-цкали, фигурирующий в грузинских источниках. Вопрос его идентификации, имеющий ключевое значение для установления этнополитических границ Эгриси (Лазики) в различные периоды, остается предметом полемики в историографии. Диапазон предлагаемых локализаций в современной научной литературе чрезвычайно широк — от реки Кодор на западе до Риони на востоке[1].

[1] Во избежание повторений, уже много раз высказанных в специальной литературе, мы намеренно не будем останавливаться на детальном анализе существующих точек зрения (*сводку литературы см. Воронов 1998*). Хотя

Подобный разброс мнений связан не столько с тенденцией к модернизации исторической географии, хотя и это имеет место, сколько со сложностью интерпретации самих источников. Гидроним Эгрис-цкали («Эгрисская/Мегрельская река») функционирует как этногидроним, то есть название, производное от этнонима и привязанное к территории проживания соответствующей этнической группы (эгров/мегрелов)[2]. Следовательно, его идентификация напрямую зависит от реконструкции ареала расселения эгров в ту или иную эпоху. Поэтому при попытке локализации в каждом конкретном случае необходимо исходить как из контекста источника, так и из соответствия его данных известным этнополитическим реалиям описываемого времени.

при знакомстве с литературой не может не сложиться мнение, что, может быть, именно углубленный анализ вопроса о причинах имеющихся расхождений окажется сегодня наиболее эффективным способом решения данной проблемы.

[2] Вопросы происхождения и этнического содержания термина «егры»/агруа» в более ранние периоды в научной литературе пока еще не определены с достаточной ясностью. По мнению Г.А. Меликишвили, этнонимы с элементом «агр/арг/егр/екр» являются характерными лишь для племенных названий западно-грузинской этнической группы» *(Меликишвили 1959: 69).* Однако, к сожалению, это утверждение историко-географически и лингвистически надлежащим образом не обосновано. Этнотопонимы с основой «арг/агр/акр/егр» встречаются как на территории Южного и Северного Кавказа, так и далеко за ее пределами, и, конечно, было бы совершенно неправомерно предполагать, что во всех этих случаях мы имеем дело лишь с одной этнической группой − западногрузинской. Согласно Д.И Гулиа, этноним егры (агруа) и производное от него мегрел происходят от абхазского названия жителей приморья − «агруа», где «ага» − «прибрежье» (морское), «р» − суф. мн. числа, «уа(а)» − «человек» («люди»), т. е. − «поморяне», «прибрежные люди» *(Гулиа 1986: 79–80).* В связи с этим чрезвычайный интерес представляет свидетельство древнеармянского географа о том, что р. Чорох на егерском языке назывался Акампсис *(Ашхарацуйц, 42).* В компоненте «пс» (Акам-пс-ис) специалисты языковеды единодушно видят древнее абхазо-адыгское слово «вода». В таком случае предположение Д.И. Гулиа, безусловно, становится более вероятным. Так или иначе, вопрос этнической принадлежности эгров в древности пока остается открытым.

Так, описывая события рубежа нашей эры, Леонти Мровели именует Эгрис-цкали нижнее течение реки Чорох. Именно в долине нижнего Чороха армянские источники фиксируют область Егерацик. Это позволяет предположить, что в указанный период эгры концентрировались в бассейне Чороха, в области Егерк, что и обусловило перенос этногидронима на эту реку (см.: *Гумба 2003: 121–125*).

На рубеже эр под давлением расширяющейся на северо-запад Армении часть племен юго-восточного Причерноморья, включая основную массу эгров, перемещается во внутренние районы Западного Закавказья. Вместе с носителями этнонима мигрирует и связанный с ними гидроним Эгрис-цкали, который раннесредневековые грузинские авторы фиксируют уже в глубине Колхиды.

Во второй половине V в. пространство между крепостью Цихе-Годжи (Археополис, на левом берегу Техури) и рекой Эгрис-цкали становится объектом военного конфликта между Византией и Картлийским царством. Согласно «Жизни Вахтанга Горгасала», приписываемой Джуаншеру Джуаншериани, в 50–70-е гг. V в. картлийский царь Вахтанг Горгасал (456–502) вел борьбу с византийцами за эту территорию[3].

Джуаншер сообщает, что в 60-х гг. V в. византийские войска заняли земли между Эгрис-цкали и Цихе-Годжи. Критически важным является точность перевода ключевого пассажа. В

[3] Следует уточнить, что к тому времени (V в.) Картлийское царство входило в состав Персии, являлось частью административной единицы Сасанидской империи – «Кустак Капкох» («Кустак Кавказ») и подчинялось непосредственно персидскому наместнику (марзпану) Картлийского марзпанства. В Картлийское марзпанство, помимо Картлийского царства, входили северные области Великой Армении − Гугарк и Цанарское княжество. Соответственно Картлийское царство выступало проводником интересов Персии, и война Картлийского царства с Византией, о которой сообщает Джуаншер, является, по сути, одним из эпизодов борьбы за сферы влияния между двумя державами того времени − Византией и Персией.

древнеармянском переводе хроники сказано кратко: «Выступили греки и заняли земли между Эгрис-цкали и Цихе-Годжи» *(Абуладзе 1953: 48)*. Однако в доступных переводах с древнегрузинского наблюдаются существенные разночтения, влияющие на интерпретацию:

Перевод Г. Цулая (вариант 1): «В ту же пору появились греки в Абхазии, ибо владели всей территорией в нижнем течении Эгрис-Цхали, а (отныне) захватили земли от Эгрис-Цхали до Цихе-Годжи» *(Мровели 1979: 81)*.

Перевод Г. Цулая (вариант 2): «В ту же пору явились греки из Абхазии, ибо владели они землями в низовьях Эгрис-цкали, затем захватили земли от низовий Эгрис-цкали и до (крепости) Цихе-Годжи» *(Джуаншер 1986: 61)*.

Перевод Г. Амичба: «В то же время греки выступили из Абхазии, ибо грекам принадлежала вся сторона ниже (к западу) Эгрис-цкали, и заняли от Эгрис-цкали до Цихе-Годжи» *(Амичба 1988: 44–45)*.

Различия в том, откуда «явились» греки (в Абхазию или из Абхазии) и где именно находились их владения (в низовьях, к югу или к западу от реки), кардинально меняют историко-географическую картину. Следует отметить, что в оригинальном тексте, по всей видимости, говорилось о выступлении греков в Абхазию. Однако позднейшие комментаторы, учитывая, что термин «Абхазия» у Джуаншера может обозначать все Западное Закавказье (что для V в. является анахронизмом), часто «исправляли» текст. Наиболее аутентичным, вероятно, следует считать чтение, близкое к исходному: «В то же время греки выступили в Абхазию, грекам принадлежала вся сторона южнее Эгрис-цкали, и заняли земли между Эгрис-цкали и Цихе-Годжи».

Затем Джуаншер говорит о том, что картлийский царь Вахтанг Горгасал «во главе большого войска картлийского двинулся по Абхазской дороге. Неустрашимо и стойко начал завоевывать он крепости Абхазии, ибо царь греков − великий Леон − в

ту пору был занят в войне с персами, почему и не мог он отправить в Абхазию войско (против Вахтанга). За три года (Вахтанг) забрал все крепости Абхазии вплоть до самого Цихе-Годжи» *(Джуаншер 1986: 67)*.

Далее описываются военные действия между византийскими и картлийскими войсками, которые завершились заключением мирного договора между византийским императором Львом (457−474 гг.) и Вахтангом Горгасалом: «И выведал Кесарь пределы владения Греции, страну на побережье моря, что есть Абхазия, и сказал (Вахтангу) следующее: «От Эгрис-цкали до реки Малой Хазарии − это владения Греции со времен Александра, которые нынче ты захватил силою у нас. Теперь же верни их нам обратно, и когда возьмешь жену свою, мою дочь, тогда дам через нее эту страну. И отдал (кесарь) в приданное землю между Эгрис-цкали и Клисурой; а остальную Абхазию обратно отдал Вахтанг грекам» *(Джуаншер 1986: 78)*.

Земли между Эгрис-цкали и Цихе-Годжи — это, как верно отметил Ю.Н. Воронов, область Кегретика античных авторов, расположенная к востоку от Цихе-Годжи (Археополиса) *(Воронов 1998: 76–77)*. Поход Вахтанга шел с востока на запад и завершился у крепости Цихе-Годжи, где находилась оборонительная система Клисура. Предлагаемое некоторыми исследователями отождествление Эгрис-цкали со средним или верхним течением Риони *(Воронов 1998: 77; Бгажба 2003: 66)* маловероятно. Согласно источникам, Кегретика («Егревике, которая есть собственно Егр») *(«Ашхарацуйц»: 26)* располагалась по обоим берегам Риона, следовательно, Рион не мог служить её западной границей.

Границы Кегретики (Егревике, «Внутренняя Эгриси» грузинских источников) на западе проходила по реке Техури до района ее впадения в Риони; на юге – от Абаши до верховьев рек Губазеули и Супсы; на севере − по Эгрисскому и Рачинскому хребтам; на востоке − по реке Квирила до впадения в нее Дзирулы,

западнее Шорапани. Восточный предел Егревике («собственно Егр») по реке Квирила совпадает с политической границей Лазского царства (Эгриси) с Картлийским царством. По реке Квирила Лазское царство (Эгриси) граничила с областью Аргвети, а последняя входила в состав Картлийского царства еще со времен становления последнего и являлась составной частью этого царства до ее упразднения в 523 г.

Ключевой момент, часто упускаемый из виду: в древнегрузинских источниках Эгрис-цкали выступает прежде всего как граница между Картлийским царством и Эгриси (Лазикой), а не между Абхазией и Эгриси. Об этом прямо говорит «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии»), согласно которому река Эгрис-цкали была установлена как западный рубеж Картли ещё со времён Александра Македонского. «И держал при себе царь Александр (Македонский. – *Г. Г.*) сына царя Ариан-Картли Азо, и дал ему в резиденцию Мцхета, назначив границами Эрети, Эгрис-цкали, Армению и Црольскую гору, и ушел» *(«Обращение Грузии» 1989: 23).*

Следовательно, идентификация реки Эгрис-цкали Джуаншера находится в прямой зависимости от определения границы Картлийского царства с Эгриси в раннем средневековье. Эта граница устанавливается достаточно точно.

Образование Картлийского царства древнегрузинская историческая традиция связывает с легендарным походом Александра Македонского в Картли. По этой же традиции Александру Македонскому приписывается и установление границ Картлийского царства. Согласно вышеприведенному сведению «Мокцевай Картлисай», Александр Македонский назначил границами Картли: на западе – Эгрис-цкали, на востоке – Эрети, на юге – Армению, на севере – Црольскую гору. С какой рекой следует идентифицировать Эгрис-цкали «Мокцевай Картлисай», по которой проходила западная граница Картлийского царства, устанавливается достаточно определенно свидетельством Леонти

Мровели. Согласно Мровели, при образовании Картлийского царства в ее состав была включена в качестве отдельного эриставства и область Аргвети (Маргви). Первый картлийский царь Парнаваз (конец IV − начало III в. до н. э.) отправил в Аргвети (Маргвети) одного эристава «и дал [ему земли] от Малой горы, которая есть Лихи, до границы Эгриси, выше Риона**.** И этот же Парнаваз построил две крепости − Шорапани и Димну» (*«Картлис цховреба» 24*)[4]. Как уже отметили, границей между областью Аргвети (Маргвети) и Эгриси служила река Квирила. Следовательно, по этой реке проходила граница Картлийского царства с Эгриси и р. Эгрис-цкали, являвшейся по древнегрузинской исторической традиции границей Картлийского царства с Эгриси, еще со времен Александра Македонского, следует отождествлять с р. Квирила.

Река Квирила (Эгрис-цкали) была границей не только между Картлийским царством и Эгриси, но и демаркационной линией сфер влияния на Южном Кавказе в I тыс. н. э. великих держав: сначала Рима и Персии, затем Византии и Персии. Пограничная линия раздела сфер влияний вышеуказанных империй на Южном Кавказе проходила по западным окраинам Тао (Тайк), Кларджети, по Месхетинскому хребту, по р. Квирила до Главного Кавказа *(Еремян 1963: 45; Арутюнян 1979: 24).*

Восточное Закавказье, включая Картлийское царство, вместе с областью Аргвети, была включена в состав персидской административной единицы – Кустак Капкох («Кустак Кавказа»). Западное Закавказье, от реки Квирила (Эгрис-цкали) и Месхетинского хребта, находилось в сфере влияния Византийской империи и составляло, по определению В.А. Леквинадзе, «Понтийский лимес» *(Леквинадзе 1969).*

Эта устойчивая линия раздела сфер влияния великих держав, подтверждённая договором 387 г., сохранялась на протя-

[4] Автор выражает признательность Т.А. Ачугба за перевод данного текста с древнегрузинского языка.

жении многих столетий. Вот почему Джуаншер вкладывает в уста византийского императора Льва (457–474) слова, обращенные Вахтангу Горгасалу: «От Эгрис-цкали до реки Малой Хазарии – это владения Греции со времен Александра (Македонского. – *Г. Г.*)» *(Джуаншер 1986: 78)*. Напоминание императора Льва о давно установившейся границе византийского влияния на Кавказе было вызвано тем, что картлийский царь Вахтанг, продвинувшись до Цихе-Годжи (Клисура) на реке Техури, нарушил ее.

Византийский император выдает свою дочь за Вахтанга Горгасала и в качестве приданного оставляет за ним территорию между Эгрис-цкали и Цихе-Годжи, о чем сообщает Джуаншер. Однако в этом случае грузинский автор вместо Цихе-Годжи употребляет термин Клисура: «И отдал (кесарь) в приданное землю между Эгрис-цкали и Клисурой» *(Джуаншер 1986: 78)*.

Таким образом, Эгрис-цкали Джуаншера Джуаншериани соответствует реке Квирила. В V в. по этой реке проходила устойчивая этнополитическая граница между Картлийским царством и Эгриси (Лазикой), одновременно являвшаяся рубежом византийской сферы влияния. Западная граница Эгриси в этот период проходила по реке Техури (район крепостей Цихе-Годжи/Клисура), отделяя её от Абхазии.

Этнически освоенная территория егров (мегрелов) в позднеантичный и раннесредневековый периоды, видимо, ограничивалась указанной областью Егревике (Кегретика, «Внутренняя Эгриси»). На это указывает хорошо осведомленный об этнополитической ситуации исторической Колхиды в раннем средневековье армянский географ: «Егревике, которая есть собственно Егр». Дело в том, что во всех случаях термин «собственно», «само» в «Ашхарацуйце» употребляется для обозначения областей, чьи названия начинали применяться в собирательном значении, включая в себя области, населенные другими этническими группами.

Этнополитические границы Эгриси по р. Техури (Клисура, Цихе-Годжи) на западе и р. Квирила (Эгрис-цкали) на востоке сохранялись до VIII в. В это время произошли кардинальные изменения: абхазский царь Леон II завоевал все Западное Закавказье и прочно включил в состав Абхазского государства. Это, естественно, повлекло за собой и изменения долгое время существовавших этнополитических границ региона. В Абхазское государство вошли не только земли собственно Эгриси от р. Техури до р. Эгрис-цкали (Квирила), но также и часть территории Картлийского царства − область Аргвети. Изменение устойчиво существовавшей в течение длительного времени границы Картлийского царства с Эгриси по р. Квирила (Эгрис-цкали) не могло не отразиться в источниках. Так, грузинский летописец не просто указывает, что абхазский царь Леон II завладел Эгриси, а специально подчеркивает − «вплоть до Лихи (Лихский хребет. *− Г. Г.*)» *(Амичба 1988: 57).*

Ликвидация старой границы по Квириле и начавшиеся процессы грузинизации восточных районов Эгриси привели к смещению этнических рубежей и, как следствие, к постепенному переносу гидронима Эгрис-цкали далее на запад, что и породило последующую путаницу в идентификации.

Изменение этнической территории егров происходило и в ее западных районах. К тому времени Абхазия переживает бурный социально-экономический, политический и культурный подъем. Такие периоды обычно сопровождаются достаточно высоким уровнем роста населения (т.н. «демографический взрыв»), что, в свою очередь, способствует ведению агрессивной внешней политики правящей верхушкой государства по отношению к соседним странам с целью расширения территории. Захват и присоединение Эгриси к Абхазскому царству вело, несомненно, и к этническому освоению абхазами этой территории. Неслучайно восточная граница одной из административных единиц Абхазского царства – Бедийского – проходит не по реке Теху-

ри, где раньше проходила этнополитическая граница Абхазии с Эгриси, а уже по реке Цхенисцкали *(Анчабадзе 1959: 45)*.

Одним из факторов, способствовавших этническому освоению Эгриси (Лазики) абхазами, явилось также превращение г. Кутаиси во второй, после Анакопии, стольный город Абхазского государства, что, безусловно, должно было вызвать переселение в эти места определенной части абхазской феодальной знати[5].

Источники и литература

Абуладзе 1953: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал И.В. Абуладзе. Тбилиси, 1953.

Амичба 1988: Амичба Г.А. Абхазия и абхазы в средневековых грузинских повествовательных источниках. Тбилиси,1988.

Анчабадзе 1959: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI − XVII вв.). Сухуми, 1959.

Арутюнян 1979: Арутюнян Б.А. Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елишэ // «Кавказ и Византия». Вып. 1. Ереван, 1979.

Ашхарацуйц: Институт древних рукописей им. Маштоца. Матенадаран. Рук. № 582. Ереван.

[5] Именно после превращения Кутаиси во вторую столицу Абхазского царства и появляется здесь, надо полагать, топоним Гумбара. Так до сих пор называется местность в Кутаиси, где предположительно находилась резиденция абхазских царей, подтверждением чему служат сохраненные здесь остатки крепостных сооружений. Если учесть, что, по одному из абхазских исторических преданий, абхазский царь (Апсха) был Гумба//Гунба (см. *Инал-ипа 1988: 325*), то, безусловно, название резиденции абхазских царей в Кутаиси − Гумбара («р» − показатель мн. числа) не может не привлечь к себе внимания. Во всяком случае, такое совпадение весьма сложно относить к категории случайных явлений. Не исключено, что дальнейшие исследования в этом направлении в какой-то мере могут пролить свет на не разрешенную до сих пор проблему происхождения абхазской царской династии.

Бгажба 2003: Бгажба О.Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение. Вып. 2. Сухум, 2003.

Воронов 1998: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Сухум, 1998.

Воронов 1988: Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1988.

Гулиа 1986: Гулиа Д.И. История Абхазии. Собр. соч. Т. 6. Сухум, 1986.

Гумба 2003: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI в. Леонти Мровели // Абхазоведение. Вып. 2. Сухум, 2003.

Гумба 2004: Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли в античный период (находится в печати).

Джуаншер 1986: Джуаншер Джуаншериани. Жизнь Вахтанга Горгасала. Тбилиси, 1986.

Еремян 1963: Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу». Ереван, 1963.

Инал-ипа 1988: Инал-ипа Ш.Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). Сухум, 1988.

«Картлис цховреба» 1955: Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст, установленный по всем основным рукописям С.Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1955.

Обращение Грузии 1989: Обращение Грузии / ред. обраб., исслед. и комм. М.С. Чхарташвили). Тбилиси, 1989.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Мровели 1979: Мровели Леонти. Жизнь Картлийских царей. М.,1979.

Леквинадзе 1969: Леквинадзе В.А. «Понтийский лимес» // ВДИ. № 2.

ЕЩЕ РАЗ О ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ АБХАЗИИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Определение исторической динамики этнических и политических границ является значимым для комплексного изучения истории любого народа, поскольку в пространственных рамках наиболее концентрированно и рельефно проявляются этнические, политические, демографические и социальные процессы. Границы служат своего рода индикаторами этих процессов, в силу чего вопросы исторической географии традиционно вызывают оживленные дискуссии в научной литературе. Не является исключением и проблема реконструкции этнополитических рубежей Абхазии в древности и средневековье, неизменно привлекающая пристальное внимание исследователей.

К сожалению, ввиду отсутствия собственно абхазских письменных источников раннего периода (если таковые и существовали, что весьма вероятно, судя по упоминанию в древнегрузинской хронике, они до сих пор не обнаружены), исследователям приходится опираться на свидетельства иноязычных памятников — греко-латинских, персидских, арабских, армянских, грузинских, турецких и других. Однако информация, содержащаяся в них, часто неполна, фрагментарна и, за редким исключением, субъективна, отражая в первую очередь интересы государства или этноса, к которому принадлежал автор. Поэтому, опираясь лишь на данные иностранных источников, чрезвычайно сложно восстановить исчерпывающую и объективную картину древней и средневековой истории Абхазии. Тем не менее сравнительный анализ разноязычных свидетельств в сочетании с данными археологии, лингвистики и смежных дисциплин позволяет в той или иной степени приблизиться к реконструкции исторической реальности.

К числу таких дискуссионных проблем относится вопрос о восточной (точнее, юго-восточной) границе Абхазии в раннесредневековый период. Сведения о ней сохранились в греко-латинских, армянских и грузинских источниках. Несмотря на их давнее введение в научный оборот и оживленную полемику, вопрос до сих пор нельзя считать решенным. В современной историко-географической литературе диапазон локализации этой границы варьируется от реки Келасур (в районе Сухума) до реки Рион (обзор историографии см.: *Нюшков 2013*).

Автор настоящей статьи также обращался к данной проблеме. Сопоставительный анализ сообщений «Ашхарацуйца» («Армянской географии VII века»), греко-латинских и грузинских источников привел к выводу, что в V в. восточная граница Абхазии проходила по нижнему течению реки Рион — от устья до впадения в нее реки Техур, далее по Техуру до Эгрисского хребта, затем поворачивала на северо-запад по гребню этого хребта до реки Ингури, после чего шла на север до Главного Кавказского хребта *(Гумба 2003: 124; Гумба 2004: 88).*

Однако имеющийся материал содержит и определенные противоречия. В «Ашхарацуйце» указано, что река Вишап (Дракон), разделявшая Абхазию и Эгри (Лазику), берет начало в Алании. Под «Аланией» в данном контексте подразумевается не центральный район Северного Кавказа, а территория к югу от Главного Кавказского хребта. В 50-е гг. VI в. византийцы передали западно-аланскому объединению крепость Бухлоон (совр. Пахулан) на Ингури. Согласно Агафию Миринейскому, это было сделано «чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии, и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним» *(Агафий, III, 15).* С этого времени на земли к югу от Главного Кавказского хребта, вплоть до района Бухлоона и Эгрисского хребта, распространилось влияние западно-аланского объединения, что и нашло отражение в источ-

нике. Такое положение сохранялось с середины VI в. вплоть до VIII в., когда эта территория была завоевана абхазским царем и включена в состав Абхазского царства. Таким образом, если истоки реки Дракон, служившей границей, находились у подножия Главного Кавказского хребта, а истоки Техура — у южного склона Эгрисского хребта, то отождествление этих рек и, соответственно, проведение по Техуру границы оказывается под вопросом.

Разрешить это противоречие позволяет критический анализ рукописной традиции «Ашхарацуйца». Не во всех сохранившихся списках присутствует указание о том, что река Дракон течет из Алании. В описании границ Эгри (Лазики) сказано: «С запада граница Эгри проходит по реке Дракон до Кавказских гор, [простирающейся] к той ветви хребта, которая отделяет его от Грузии» *(Ашхарацуйц 26)*. Здесь армянский географ, следуя Птолемею, именует «Кавказскими горами» цепь, тянущуюся с запада на восток до Лихийского (Сурамского) хребта, отделявшего Лазику от Картли. Горная цепь, простирающаяся от Ингури на западе до Лихийского хребта на востоке, образована Эгрисским и Рачинским хребтами *(Гумба 2004)*. Следовательно, истоки реки Дракон в этой версии текста находятся в предгорьях Егрисского или Рачинского хребта, а не Главного Кавказского хребта, и по этой причине в источнике нет указания о том, что она течет из Алании.

Крайне показательными в этой связи являются две рукописи «Ашхарацуйца» из книгохранилища Ордена мхитаристов на острове Св. Лазаря в Венеции (№ 1024, 1289). В интересующем нас фрагменте после сообщения о том, что река Дракон, разделяющая Абхазию и Эгри, течет из Алании, следует краткая приписка: «Мовсесу об этом неизвестно».

Для понимания значения этой приписки необходимо учитывать историю источника. В средние века «Ашхарацуйц» приписывался «отцу армянской историографии» Мовсесу Хоренаци

(V в.). Большинство списков сохранилось как приложение к его «Истории Армении». Хотя в XIX–XX вв. авторство Мовсеса Хоренаци было оспорено, а труд был приписан известному армянскому ученому VII в. Ананию Ширакаци. В 1877 г. проф. Петербургского университета Т.К. Патканов опубликовал перевод отрывка Ашхарацуйца на русском языке под названием «Армянская география VII века», благодаря чему этот труд стал известен русскоязычному читателю как творение VII века (см.: *Патканов 1877; Патканов 1883*).

В дальнейшем все же было выявлено, что источник содержит также описание более ранних периодов: 1) вторая половина I тыс. до н.э.; 2) III в. н.э. — первая половина V в., точнее, до 428 г., т.е. до раздела Армении между Сасанидской Персией и Восточно-Римской империей (Византией) *(Абраамян 1944; Еремян 1973: 263).* В последнее время исследования Б.А. Арутюняна убедительно доказывают, что ядро произведения было создано в V в. Мовсесом Хоренаци, а в VII в. подверглось редакции и дополнениям со стороны Анании Ширакаци *(Арутюнян 1997; Арутюнян 2001).*

Судя по всему, переписчики венецианских рукописей, оставившие приписку, работали с несколькими списками «Ашхарацуйца», в части которых сведения, что река Дракон течет из Алании, отсутствовали. Это позволяет заключить, что в оригинальном тексте V в., созданном Мовсесом Хоренаци, содержалось лишь указание на то, что река Дракон (Вишап) является границей между Абхазией и Эгри. Данное обстоятельство снимает сомнения в правомерности отождествления реки Дракон «Ашхарацуйца» с рекой Техур и нижним течением Риона.

Сведения «Ашхарацуйца» позволяют прояснить и кажущиеся противоречивыми сообщения Прокопия Кесарийского о границе между Апсилией и Лазикой. Историк пишет, что «река Фасис, начинаясь с гор Кавказа, впадает в середину полумесячного залива Понта. В этом месте река Фасис служит границей двух

материков. Места, которые идут налево, если смотреть вниз по течению, являются Азией, а направо лежащие называются Европой. В той части, которая принадлежит Европе, находятся все населенные места лазов, на другой же стороне лазы не имеют ни городов, ни укреплений, ни заслуживающего какого-либо внимания поселения» *(Прокопий, VIII, 2)*. Но далее, в том же абзаце, он утверждает, что «на противоположной стороне берега, принадлежащего уже Европе, находится область апсилиев...» *(Прокопий, VIII, 2)*.

Это противоречие снимается, если принять во внимание данные о границе Абхазии и Лазики по Техуру и нижнему Риону, а также учесть характерную для античных авторов путаницу в названиях рек. Прокопий, как и другие греко-латинские авторы, иногда ошибочно называл Фасисом (Рионом) реку Квирила, а его притоками считал верховья Риона и Цхенисцкали *(Меликишвили 1959: 75)*. Таким образом, в первом случае, говоря о поселениях лазов на правом (европейском) берегу Фасиса, Прокопий имел в виду территорию между реками Квирила (которую он принимал за Фасис) и Техур. Именно эта область, известная как Внутренняя Эгриси (Мохерезис), была ядром расселения лазов. Во втором же случае, описывая расположение Апсилии на правом берегу Фасиса, он указывал на правобережье нижнего течения собственно Риона, от устья Техура до моря. Следовательно, сообщения Прокопия не противоречат друг другу, а отражают реальную этнополитическую ситуацию.

Итак, согласно данным «Ашхарацуйца» и Прокопия Кесарийского, в V–VI вв. юго-восточная граница Абхазии проходила по нижнему течению Риона до впадения Техура, затем по Техуру до Эгрисского хребта, далее на северо-запад по хребту до Ингури, откуда поворачивала на север по левобережью Ингури и его правому притоку Накра до перевала Накра на Главном Кавказском хребте. Эти выводы согласуются с археологическими данными: могильники апсилов II–III вв. н.э. обнаружены,

например, в ущелье реки Хоби (с. Чхороцку) и в с. Лиа Цаленджихского района *(Воронов 2006: 306)*.

Что касается сообщения об истоках Дракона из Алании, то, по всей вероятности, оно является добавлением редактора VII в. – Анании Ширакаци, отразившим политическую ситуацию второй половины VI–VII вв., когда после передачи византийцами мисиминской крепости Бухлоон (соврем. Пахулан) Западно-Аланскому объединению сложилась зона влияния западно-аланского объединения на южных склонах Главного Кавказского хребта. Ранее, в V в., такого объединения еще не существовало, а позже, после VIII в., вся территория Западного Закавказья вошла в состав Абхазского государства и не могла именоваться Аланией.

Остается вопрос: какую реку, берущую начало в Алании, Ширакаци мог считать новой границей Абхазии и Эгри в VII в.? Ответ следует искать в динамике внутреннего развития Абхазии. К VII в. процессы консолидации абхазских земель вокруг Абазгии привели к созданию единого политического и этнокультурного пространства, о чем свидетельствует «Ашхарацуйц», объединяющий абазгов и апсилов в стране «Абазов-Псин(ун)» (Апсны) («...Апшилы и Абазги (живут) в приморской стране Абазов – Псин(ун)») *(Ашхарацуйц: 25)*. Периоды такой консолидации обычно сопровождаются демографическим ростом и территориальной экспансией. Источники подтверждают, что Абхазия в VI–VII вв. была густонаселенной страной. Поэтому логично предположить, что к VII в. граница Абхазии могла расшириться на восток от Техура до реки Цхенисцкали, истоки которой действительно находятся у подножия Главного Кавказского хребта, то есть в «Алании» по терминологии того времени. Именно эту реалию и зафиксировал в своей редакции Анания Ширакаци.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В V–VI вв. восточная граница Абхазии проходила по линии: нижнее течение Риона (от устья до Техура) – река Техур – Эгрисский хребет – река Ингури (левобережье) – река Накра – Главный Кавказский хребет.

2. К VII в. в результате процессов внутренней консолидации и экспансии граница Абхазии была отодвинута на восток до реки Цхенисцкали.

3. В VIII в., после завоеваний абхазскими царями западной части Южного Кавказа, юго-восточная граница Абхазского царства достигла Лихского (Сурамского) хребта и реки Чорох.

Источники и литература

Абрамян 1944: Абрамян А. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван, 1944 (на арм. яз.).

Агафий: Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.

Арутюнян 1997: Арутюнян Б.А. «Ашхарацуйц» и проблема четырех Армений. Ереван, 1997 (на арм. яз.).

Арутюнян 2001: Арутюнян Б.А. Система административно-территориального деления царства Великой Армении по «Ашхарацуйцу». Ереван (на арм. яз.).

Ашхарацуйц: Ашхарацуйц Мовсеса Хоренаци. Венеция, 1881 (на древнеарм. яз.).

Библиотека Мхитаристов: Библиотека Ордена Мхитаристов. Венеция, рукописи № 1024, 1289.

Воронов 2006: Воронов Ю.Н. Научное наследие. Т. I. Сухум, 2006.

Гумба 2003: Гумба Г.Д. Об истоках исторической концепции грузинского историка XI века Леонтия Мровели // Абхазоведение. История. Археология. Этнология. Вып. 11. Сухум, 2003.

Гумба 2004$_1$: Гумба Г.Д. К вопросу идентификации р. Эгрис-цкали Джуаншера Джауншериани // Абхазоведение. История. Археология. Sтноягия. Вып. III. Сухум, 2004.

Гумба 2004$_2$: Гумба Г.А Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы Международной конференции, посвященной

76-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая. Сухум, 2004.

Еремян 1973: Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» // ИФЖ. № 3 (на арм. яз.).

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Нюшков 2013: Нюшков В.А. Апсилы и Апсилия в историографии последних десятилетий // Учёные записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. Т. 1. М., 2013.

Патканов 1877: Патканов К.П. Моисей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. СПб., 1887.

Патканов 1883: Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, ч. 226, март.

Прокопий: Прокопий Кесарийский. Война с готами / пер. с греч. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Восточная граница
Абхазии в 7 в. н.э.
Указатели
Граница
Горные хребты
ПОНТИЙСКОЕ МОРЕ
АБАЗГИ
МИСИМИАНЫ
АЛАНИЯ
ДИГОРЫ
ДУАЛЫ
ЛАЗИКА
ЕГРИ
КАРТЛИ
Аргвети
Рачинский хребет
Эгрийский хребет
Мосхийский хребет
Лихский хр.
Пасис
Супса
Петра
Апсар
Хопа
Кутаис
Рион
Кура
Поск
Шьхара
Нальчик
Баксан
Малка
Кубань
Эльбрус
пер.Накра
пер.Клухор
пер.Марух
Бзыбь
Пицунт
Гудоута
Анакуап
Акыуа
Кыыдры
Очамчира
Тал
Археополь
Дракон
Тегури
Шоропани
Губазеули
Эгрисцкали
Рион
Кура
Малка
Псоу

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ

Историческая география древней и средневековой Абхазии охватывает широкий круг проблем. Они касаются пространственных аспектов развития абхазского народа и изучения его истории в пространственном преломлении. Это, прежде всего, проблемы влияния природной среды на исторические процессы, формирование и динамика территориальных различий в жизни народа, исторические изменения окружающей среды и роль в них антропогенного фактора, этнические и политические аспекты динамики географических границ, история коммуникаций и инфраструктуры, география населения и хозяйства, религии и т.д.

Несмотря на проблемы современной исторической географии, связанные с неразработанностью ее теории, неопределенностью объекта и предмета исследований, в абхазской исторической науке наблюдается рост интереса к изучению исторической географии Абхазии и в целом Кавказа. Вместе с тем, помимо общих проблем исследователь исторической географии Абхазии сталкивается с сохраняющимися еще шаблонами и стереотипами, характерными для советской историографии, согласно которым, в частности, политико-административные границы советских республик часто рассматривались как постоянные величины едва ли не во все времена.

Так, современные границы Республики Абхазия (бывшей АССР) между реками Псоу и Ингур нередко рассматриваются как извечные, начиная с древних времен до настоящего времени, что, конечно, не может быть принято. При исследовании ранних этапов истории и вопросов этногенеза любого народа

невозможно ограничиться рамками современных политико-административных границ проживания этого народа. Изменения этнических территорий тех или иных этнических групп (расширение и сужение области проживания, переселение на новые места) происходили на протяжении всей истории человечества. Поэтому древняя история абхазского народа, разумеется, не может быть ограничена политическими границами современной Республики Абхазия, поскольку это означало бы отрицание истории как науки.

В историографии давно уже укрепилось обоснованное мнение от том, что западнокавказская группа исконно кавказской языковой семьи – хаттско-абхазо-адыгская – с V по II тыс. до н.э. расселялась по всему Западному и Центральному Кавказу, Восточному Причерноморью и Малой Азии, образуя единый этнокультурный регион (И.А. Джавахишвили, Н.Я. Марр, Е. Форрер, С.Н. Джанашиа, А. Ушаков, А.С. Чикобава, И.М. Дьяконов, Я.А. Федоров, Ш.Д. Инал-ипа, З.В. Анчабадзе, О.М. Джапаридзе, В.Е Кварчия и др.). Начиная с III тыс. до н.э. происходит распад западнокавказской общности на хаттскую и абхазо-адыгскую, а с конца III – начала II тыс. до н.э. – на абхазскую и адыгскую *(Инал-ипа 1976: 120; Бгажноков 2014: Кишмахов 2012: 45, 98).*

С середины II тыс. до н.э. на Восточном Причерноморье – от Сочи (совр. Российская Федерация) до Орду (совр. Турция) – начинает формироваться колхидская археологическая культура. Большинство исследователей сходятся во мнении, что на отмеченной территории проживал однородный этнический массив со своим языком, распадавшимся на диалекты. Имеющийся к настоящему времени материал содержит довольно убедительную доказательную базу о древнеабхазской этнической принадлежности носителей колхидской культуры. Прежде всего, это лингвистический, топонимический, этнологический (в частности, погребальный обряд с воздушным захоронением, фиксиру-

емый у абхазов с колхидской эпохи до позднего средневековья) материалы *(Инал-ипа 1976: 200–202; Воронов 2010: 169; Кварчия 2015: 237 и др.)*

Однако в исторической литературе существуют и другие точки зрения. Часть исследователей полагают, что создателями и носителями колхидской культуры являлись древнегрузинские мегрело-чанские племена *(Меликишвили 1959: 85; Микеладзе 1974: 35; Лордкипанидзе 1989: 105 и др.)* Не останавливаясь подробно на данной проблеме, поскольку это выходит за рамки нашей темы, отметим некоторые моменты, которые ставят под сомнение данную точку зрения. Дело в том, что выделение мегрело-чанского языка из пракартвельского произошло в VIII в. до н.э., в то время как формирование колхидской культуры восходит ко второй половине II тыс. до н.э., а к XI в. до н.э. на территории Колхиды уже отчетливо наблюдаются признаки этнокультурной стабилизации населения, которая существенно не менялась на протяжении почти всего I тыс. до н.э. Данный факт достаточно ясно свидетельствует о том, что мегрело-чанские племена не могли быть создателями и носителями колхидской археологической культуры.

Более того, в мегрело-чанском языке существует целый ряд слов, заимствованных непосредственно из урартского языка, минуя картвельский *(Меликишвили 1951: 16, 34)*, которые могли явиться лишь результатом длительных этнических контактов. Поскольку в картвельском языке этих заимствованных слов нет, то, соответственно, эти контакты имели место после разделения пракартвельского языка на мегрело-чанский и картвельский, т.е. после VIII–VII вв. до н. э. Урарты жили на территории Армянского нагорья (другого места для урартов просто нет), следовательно, в середине I тыс. до н.э. мегрело-чаны проживали по соседству с урартами, что могло иметь место лишь в восточных областях Малой Азии.

Кроме того, если согласиться с мнением о проживании в Колхиде мегрело-чанских племен в I тыс. до н.э., то в таком случае

остается невыясненным также происхождение значительного влияния абхазского языка на картвельский (грузинский) в области лексики и морфологии, минуя при этом мегрело-чанский язык *(Чикобава 1942: 149–168; Ломтатидзе 1956: 139);* появление абхазской морской терминологии в картвельском языке *(Дзидзария 1999: 35–36),* свидетельствующие о длительных этнических контактах между абхазскими и картвельскими (грузинскими) племенами.

Согласно другой точке зрения, колхи – это западногрузинские (мегрело-чанские) племена, но проживали они к югу от реки Фасис (Рион), а к северу от Фасиса жили древнеабхазские племена – гениохи *(Воронов 2010: Шамба 2005: 168–169; 28, с. 79; Бгажба, Лакоба 2015: 68).* Данная точка зрения опирается в основном на сообщения древнегреческих авторов Геродота и Ксенофонта о колхах.

Однако по сведениям как Геродота, так и Ксенофонта, весьма сложно определить пределы расселения колхов. Согласно Геродоту, «персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемым Красным (Персидский залив. – *Г. Г.*). К северу от них обитают мидяне, выше мидян – саспиры, выше саспиров – колхи, граничащие с Северным морем (Черное море. – *Г. Г.)*, куда впадает река Фасис» *(Геродот: IV, 37).* В другом месте он пишет: «От озера Меотиды до реки Фасис и колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко перейти в Мидию, только между этими странами живет одна народность – саспиры» *(Геродот: I, 104).* Из приведенных сообщений Геродота следует, что хорошо известная древним авторам река Фасис выступает лишь ориентиром определения места проживания колхов на берегу Черного моря, и не более того.

Ксенофонт, побывавший на Восточном Причерноморье вместе с эллинским отрядом, проходившим через Трапезунт при отступлении от Вавилона к Афинам, пишет, что, пройдя макеронов и достигнув границы колхов, эллины вступили в сраже-

ние с отрядом колхов, встретивших их на горном возвышении *(Ксенофонт: IV, VIII, 1–8)* у горного перевала Зигана *(Гумба 2020: 244)*. Эллины одержали победу, после чего спустились к богатым продовольствием колхским селениям в окрестностях Трапезунта и остановились там *(Ксенофонт: VI, VIII, 22)*. Из данного сообщения Ксенофонта вытекает лишь то, что колхи проживали в окрестностях Трапезунта. Ксенофонт не указывает пределы расселения колхов и какие-либо географические ориентиры Колхиды. Сведения Ксенофонта относятся к колхским поселениям, находившимся в окрестностях Трапезунта, и по ним, разумеется, нельзя составить представление обо всем ареале расселения колхов в Восточном Причерноморье.

Тем более что раннеантичным авторам хорошо было известно о расселении колхов к северу от Фасиса – в Диоскурии и Питиунте. Так, согласно автору IV в. до н.э. Псевдо-Скилака Кариандского, Питиунт расположен в пределах Колхиды *(Латышев 1947: XX, 256),* а греческий географ Страбон, обозначая Питиунт и Диоскурию как города Колхиды, пишет далее, что «за Диоскуриадой следует остальное побережье Колхиды и прилегающее к ней после значительного изгиба побережье Трапезунта» *(Страбон: XI, 14).* Таким образом, Колхида простиралась от Питиунта до Трапезунта, а на северо-востоке граница проходила по Эгрисскому и Рачинскому хребтам и в этом отрезке совпадала с южной границей Азиатской Сарматии античных источников *(Гумба 2020: 43).*

В то же время раннеантичные авторы для обозначения населения Колхиды вместо имени *колхи* часто употребляют названия *фасианы (пасианы), гениохи.* Так, Гиппократ (460–374 гг. до н.э.) не упоминает колхов, а рассказывает о фасианах Восточного Причерноморья *(Латышев 1947: XX, 295).* В «Политии» Аристотеля (384–322 гг. до н.э.) указано, что по Фасису жили гениохи, и город Фасис был основан на земле гениохов *(Латышев 1947: XXI, 304)*. В схолиях к Лукану вместо Колхидского цар-

ства упоминается: «Гениохия – государство в Понте» *(Латышев 1947: XXVIII, 330).* Если по Страбону город Диоскуриада расположен на земле колхов (см. выше), то согласно Помпонию Мела «Диоскуриада находится в пределах земли гениохов» *(Латышев 1947: XXVII, 276).* Ксенофонт в окрестностях Трапезунта упоминает колхов (см. выше), а Флавий Арриан называет их гениохами *(Латышев 1947: XXIII, 270).*

Представляется совершенно очевидным, что мы здесь имеем дело не с различными этническими группами, попеременно сменявшими друг друга в Колхиде, а с различными названиями одной и той же этнической общности, судя по всему, древнеабхазской, что доказывал еще Д.И. Гулиа *(Гулиа 1925).* Поэтому, *колхи, гениохи, фасианы* античных авторов более правомерным будет рассматривать как различные, параллельные названия древнеабхазских племен Восточного Причерноморья. Они употреблялись в узком и в широком, политическом смысле для обозначения государственного объединения, известного в источниках как Колхидское царство и собственно страны *Колхида.*

Сказанное подтверждается археологическим материалом, который не дает основание для предположения о том, что на территории Колхиды в I тыс. до н.э. проживали два различных по своему происхождению и этнокультурному развитию племенных союза. Колхидская культура предстает единой культурой с тремя локальными вариантами племенного характера.

Этнополитическая ситуация на Восточном Причерноморье, как во всей Передней Азии, существенно меняется после падения Ахеменидской Персии под ударами войск Александра Македонского. На территории бывшей Ахеменидской империи создается ряд эллинистических государств, среди которых и Понтийское царство. Последнему удается отторгнуть часть территории от Колхидского царства и установить границу по реке Апсар (Чорохи). На рубеже II и I вв. до н.э. при понтийском царе Мидридате VI ослабленное Колхидское царство оказывается в

зависимости от Понтийского царства *(Шелов 1980: 30).* После разгрома Понтийского царства Римом Колхидское царство прекращает свое существование, и на рубеже новой эры раздробленная Колхида подпадает в зависимость от Римской империи.

Все это привело к нарушению экономической и политической стабильности Колхиды, уничтожению и опустошению большинства ее центров, к резкому сокращению числа жителей и их переселению. В результате чего часть древнего коренного населения Юго-Восточного Причерноморья, известная общими названиями *колхи, гениохи, фасианы*, переместилась в северные районы Колхиды. Тем самым была открыта дорога для интенсивного проникновения на оставленные ими опустошенные земли картвельским (мегрело-чанским) племенам, проживавшим ранее в горных областях северо-восточной части Малой Азии *(Меликишвили 1959: 365),* что привело к изменению этнического состава населения на прибрежной полосе Юго-Восточного Причерноморья между Трапезунтом и нижним течением Апсара (Чорохи). Изменившуюся этническую ситуацию в этих местах описывает Флавий Арриан, совершивший в 134 г. плавание по Понту из Трапезунта в Диоскурию *(Латышев 1947: XXIII, 269).* Согласно Псевдо-Арриану «…Местечко Апсар[1] в древности называлось Апсирт, ибо здесь Апсирт был убит Медеей; показывается и гробница Апсирта[2]. Впоследствии название было искажено окрестными варварами, как искажены и многие другие» *(Латышев 1947: XXIII, 277).*

При этом, конечно, нельзя исключать, что проникновение мегрело-чанских элементов в Причерноморье началось еще ранее, после включения в состав Понтийского царства части Колхиды до нижнего течения Чорохи. Неслучайно нижнее течение реки Апсар (Чорохи), служившее границей между Понтийским и Колхидским царствами, носит уже название Эгр-река.

---

[1] Местность недалеко от совр. Батуми.

[2] Апсирт и Медея – сын и дочь колхидского царя Аэта. С именем Апсирт связывается самоназвание абхазов «апсуа».

После распада единого государственного объединения – Колхидского царства проживавшее здесь и составлявшее Колхидское царство население на рубеже новой эры образует уже ряд новых государственных образований – царства махелонов-гениохов, лазов, апсилов, абазгов, санигов.

Источники и литература

Анчабадзе 1964: Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., 1964.

Бгажба, Лакоба 2015: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2015.

Бгажноков 2014: Бгажноков Б.Х. О роли миграций в этногенезе адыгов // Древняя и средневековая культура адыгов. Материалы Международной научно-практической конференции. Нальчик, 2014.

Воронов 2010: Воронов Ю.Н. Древняя Апсилия. Источники. Историография. Археология // Научные труды в 7 т. Т. 3. Сухум, 2010.

Геродот: Геродот. История. Л., 1972.

Гумба 2020: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурой истории. М.

Дзидзария 1999: Дзидзариа О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Материалы Международной научной конференции «Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики». Сухум, 1999.

Джапаридзе 1980: Джапаридзе О.М. К раннему этногенезу кавказских народов // Историко-филологические разыскания. Ч. 1. Тбилиси, 1980.

Джапаридзе 1989: Джапаридзе О.М. На заре этнокультурной истории Кавказа. Тбилиси, 1980.

Инал-ипа 1976: Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.

Кварчия 2015: Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа // абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015.

Кишмахов 2012: Кишмахов М. Х.-Б. Проблемы этнической истории и культуры убыхов. Сухум – Карачаевск, 2012.

Ксенофонт: Ксенофонт. Анабасис. М., 2022.

Латышев 1947: Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе // ВДИ. № 4, 1947; № 1–4, 1948.

Ломтатидзе 1956: Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов // Манатоби. №12. Тбилиси, 1956.

Лордкипанидзе 1989: Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Меликишвили 1951: Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа. Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1951.

Микеладзе 1974: Микеладзе Т.К. Изыскания по истории древнейшего населения Колхиды и восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

Страбон: Страбон. География, М., 1994.

Шамба 2005: Шамба Г.К. Освещение некоторых вопросов истории раннеабхазских племен в сборнике грузинских авторов // Разыскания по истории Абхазии / Грузия. Тбилиси, 1999) // ВАНА. №1. Сухум, 2005.

Шелов 1980: Шелов Д.Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. № 3.

Чикобава 1942: Чикобава А. С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками // Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII.

ФАСИАНЫ (ПАСИАНЫ) И КОЛХИ В СООБЩЕНИИ КСЕНОФОНТА

В историографии, посвящённой древней истории Абхазии и всего Колхидского региона, особое место занимает дискуссия вокруг интерпретации этнонимов «фасианы» («пасианы») и «колхи», встречающихся в античных письменных источниках. Ещё Д.И. Гулиа в своей «Истории Абхазии», анализируя сведения греко-латинских авторов, пришёл к выводу, что данные термины являются синонимами и использовались для обозначения одной этнической общности *(Гулиа, 1925: 72)*. Эта точка зрения была поддержана и получила дальнейшее развитие в трудах абхазских исследователей – Ш.Д. Инал-ипа *(Инал-ипа 1976: 130, 195)*, В.Е. Кварчия *(Кварчия 2015: 184, 188)* и др.

Однако в абхазской исторической науке существует и альтернативная позиция. Ю.Н. Воронов, опираясь на данные Ксенофонта, выдвинул гипотезу о том, что термины «колхи» и «фасианы» обозначают две различные в этногенетическом отношении группы. Согласно его интерпретации, колхи представляли собой древнегрузинские племена в районе Трапезунта, в то время как фасианы являлись древнеабхазскими племенами, проживавшими к северу от реки Фасис (Риони) *(Воронов 2006: 90–91)*.

Именно эта концепция приобрела доминирующее положение в современной абхазской историографии, будучи отражённой в основных учебных пособиях по истории Абхазии *(Бгажба, Лакоба 2007: 32; 2015: 68)*, а также в академическом курсе лекций, изданном Абхазским государственным университетом *(История Абхазии, 2021: 38)*. Более того, в указанных изданиях утверждается, что колхи – племя грузинского происхождения и

обитали не в Восточном Причерноморье, а в районе устья реки Галис (совр. Кызыл-Ирмак) в Малой Азии.

Подобные выводы базируются на определённой трактовке сообщений древнегреческого историка Ксенофонта. Однако детальный анализ его текста позволяет утверждать, что для столь категоричных заключений в источниках отсутствуют достаточные основания.

Сочинение Ксенофонта «Анабасис» содержит исключительно ценные сведения об этнополитической ситуации на Южном Кавказе и в прилегающих регионах Малой Азии в период похода греческих наёмников (401–399 гг. до н. э.). Являясь одним из командиров отряда, Ксенофонт оставил подробное описание народов, населявших земли, через которые пролегал путь греков, что делает его свидетельства первостепенным источником для реконструкции этнической карты региона середины I тыс. до н. э.

Пасианы (фасианы) упоминаются Ксенофонтом дважды. Первый раз – когда отряд, следуя из Армении, переправляется через реку Фасис (верховье реки Аракс). На левом берегу реки их встретили фасианы, а также халибы[1] и таохи[2] *(Ксенофонт: IV, VI, 4).* Фасианы (пасианы) обитали в области Пасиан (совр. Басиан) на левобережье Аракса, между современными Эрзерумом и Сарыкамышем. Этническая группа пасианы, фиксируемая в хеттских и ассирийских источниках ещё со II тыс. до н. э. (апешлайцы/абешлайцы), представляет собой, по всей вероят-

---

[1] В долине Аракса лежала страна не халибов, а халдов, которых нельзя путать с причерноморскими халибами. Халды – это урартские племена, называемые так по имени верховного бога урартов Халд. Ксенофонт, следуя характерной для древних авторов путаницей между терминами *халибы* и *халды,* называет их халибами. То, что речь идет именно об урартских халдах, подтверждается и текстом Диодора Сицилийского, который, как и Ксенофонт, описывает отступление 10 000 эллинов, однако в долине Аракса упоминает не халибов, а халдов *(Диодор: XIV, 29).*

[2] Тоахи (диаухи – из урартских источников) занимали земли к северу от территории пасианов.

ности, одну из ветвей древнеабхазских племён, мигрировавших в этот регион вместе с мушками и урумейцами после падения Хеттского царства. Согласно Ксенофонту, к началу IV в. до н. э. они сохраняли свою этническую идентичность.

После столкновения с объединёнными силами халдов, пасианов и таохов греки продолжили путь через земли скифинов и макронов, выйдя затем к границам Колхиды. На перевале Зигана (в горах Гюмюшхане, юго-восточнее Трапезунта) их атаковал отряд колхов *(Ксенофонт: IV, VIII, 22)*. Преодолев сопротивление, греки достигли Трапезунта и в течение месяца располагались в его окрестностях, в колхских деревнях. Далее, двигаясь на запад вдоль побережья Понта Эвксинского через территории моссинойков и халибов, они прибыли в город Котиору (совр. Орду) в стране тибаренов *(Ксенофонт: V, V, 1–2)*.

Именно здесь, в Котиоре, среди воинов возникли подозрения, что Ксенофонт намерен обманным путём вернуть их на кораблях обратно к реке Фасис, чтобы захватить страну фасианов, которой правил потомок легендарного колхидского царя Аэта *(Ксенофонт: V, VI, 36–37)*. На этом пассаже и строится основной аргумент о противопоставлении колхов и фасианов: якобы колхи обитали у Трапезунта, а страна фасианов располагалась на правом берегу Фасиса-Риони *(Воронов 2006: 90–91)*.

Однако данная интерпретация содержит внутренние противоречия. Греки планировали вернуться в страну фасианов, но по маршруту, описанному Ксенофонтом, они не посещали берегов Фасиса-Риони, а потому не могли возвращаться туда, где никогда не были. Кроме того, возвращение на кораблях из Котиоры (на черноморском побережье) в страну фасианов, расположенную, согласно первому упоминанию, в верховьях Аракса на восточноанатолийском нагорье, было географически невозможно, что не могло быть неизвестно греческим воинам.

Следовательно, логическое осмысление фразы о возвращении «на кораблях в страну фасианов» обретает смысл лишь при

допущении, что отряд действительно проходил через какую-то часть этой страны на побережье Понта Эвксинского. Детальный маршрут, изложенный Ксенофонтом, показывает, что, выйдя к морю у Трапезунта в стране колхов, греки затем проследовали до Керасунта (совр. Гиресун), который также локализуется автором в Колхиде (Ксенофонт: V, III, 2). Далее отряд прошел через земли моссинойков, халибов и достиг города Котиоры (Орду) в стране тибаренов *(Ксенофонт: V, V, 1)*. Таким образом, территория между Трапезунтом и Керасунтом, определяемая Ксенофонтом как колхидская, могла одновременно рассматриваться и как часть «страны фасианов». Это приводит к выводу, что Ксенофонт не противопоставляет два этнонима, а использует их как взаимозаменяемые в широком, политическом смысле для обозначения территории и населения Колхидского царства, которым правил потомок царя Аэта.

В античной традиции термин «колхи» действительно мог употребляться как в узком (этническом), так и в широком (политическом, для обозначения подданных Колхидского царства) смысле. Однако из текста Ксенофонта отнюдь не следует, что он использует его исключительно в первом значении, ограничивая ареал колхов лишь окрестностями Трапезунта. По сведениям Ксенофонта, греки 30 дней жили в колхских деревнях в окрестности Трапезунта, «откуда делали набеги на Колхиду», заключали договоры с другими, «соседними колхами» и т.д. *(Ксенофонт: IV, VIII, 22, 24)*, не давая при этом точных географических границ их расселения. Поэтому, опираясь на его сведения, нельзя составить представление обо всем ареале расселения колхов в Восточном Причерноморье.

Что касается тезиса о разделении ареалов колхов (к югу от Фасиса-Риони) и фасианов (к северу от неё), то он опирается на данные Геродота, хотя в его трудах подобное указание также отсутствует. Как пишет Ю.Н. Воронов, «из данных Геродота следует прежде всего то, что колхи в Колхиде занимали лишь

территорию южнее реки Фасис (совр. Риони), …а северный берег этой реки до Кавказских гор занимали соседи колхов» *(Воронов 2006: 90)*. Однако утверждение, что «северный берег реки Фасиса до Кавказских гор занимали соседи колхов», не имеет подтверждения в источнике. Геродот, говоря о пределах Персидской державы, упоминает колхов и их соседей вплоть до Кавказского хребта, не связывая это описание с рекой Фасис: «даже колхи и их соседи до Кавказского хребта (до этих пор ведь простирается персидская держава, области же к северу от Кавказа уже не подчинены персам) налагают на себя подати в виде добровольных даров» *(Геродот: III, 97)*.

В других пассажах река Фасис фигурирует у него как известный географический ориентир, локализующий страну колхов у побережья Чёрного моря, но отнюдь не как её строгая внутренняя или внешняя граница. Согласно Геродоту, «от озера Меотиды до реки Фасиса и колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода, а из Колхиды недалеко перейти в Мидию, только между этими странами живет одна народность – саспиры» *(Геродот: I, 104)*. В другом месте он пишет: «Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемым Красным (Персидский залив. – *Г. Г.*). К северу от них обитают мидяне, выше мидян – саспиры, выше саспиров – колхи, граничащие с Северным морем (Черное море. – *Г. Г.*), куда впадает река Фасис» *(Геродот: IV, 37, 45)*. Далее в своем труде Геродот упоминает Фасис как о реке в стране Колхиды *(Геродот: IV, 45)*. Из всех сообщений древнегреческого историка следует лишь то, что хорошо известная древним авторам река Фасис выступает лишь ориентиром определения мест проживания колхов на берегу Черного моря, и не более того.

Таким образом, анализ сведений Ксенофонта и Геродота не предоставляет убедительных оснований для трактовки колхов и фасианов (пасианов) как различных этнических групп, разделённых рекой Фасис (Риони). Напротив, имеющиеся данные

свидетельствуют о том, что в античных источниках, включая сочинение Ксенофонта, данные термины выступали как синонимы, употреблявшиеся для обозначения древнеабхазской этнокультурной и политической общности в рамках Колхидского царства.

Вызывает сожаление, что именно ошибочная, слабо аргументированная интерпретация ключевых античных свидетельств, столь важных для древней истории абхазского народа, нашла отражение в современных учебных изданиях по истории Абхазии, что требует внесения соответствующих корректировок в академический нарратив.

Источники и литература

Бгажба, Лакоба 2007: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.

Бгажба, Лакоба 2015: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Учебник для общеобразовательных учебных заведений. 10–11 классы. Сухум, 2015.

Воронов 2015: Воронов Ю.Н. Научное наследие. Т. 1. Сухум, 2006.

Геродот: Геродот. История (в 9 кн.). М.: Вехи, 2008.

Гулиа 1925: Гулиа Д.И. История Абхазии. Сухум, 1925.

История Абхазии 2021: История Абхазии. Курс лекций. Сухум: АГУ, 2021.

Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.

Кварчия 2015: Кварчия В.Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа, или о языке и истории абхазов и абазин. Сухум, 2015.

Ксенофонт: Ксенофонт. Анабасис. М.: Вехи, 2003.

КАМЕННЫЕ СТЕЛЫ – ВИШАПЫ И КАВКАЗСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

На территории Южного Кавказа – от долины Чороха на западе до Гегамского хребта на востоке – в начале XX века были обнаружены уникальные каменные стелы, известные как Вишапы (драконы). Они совершенно обособлены и не связаны ни с одним из археологических комплексов древних памятников региона *(Пиотровский 1939: 25)*.

Исследованию каменных стел Вишапов в научной литературе уделяется большое внимание[1]. Всего их выявлено около 150 экземпляров. Стелы изготовлены из цельного камня, их высота варьируется от 1,5 до 5,5 м. Они часто выполнены в форме рыбы с орнаментами, изображающими змей, быков, баранов или птиц. Как правило, мегалиты устанавливались в горных районах, у берегов озёр, в верховьях рек и искусственных каналов.

Радиоуглеродный анализ и дендрохронология позволяют датировать стелы эпохами неолита, медного и бронзового веков. Сравнительный анализ техники их обработки указывает на бассейн реки Чорох как очаг происхождения, откуда они впоследствии распространились в другие регионы *(Капанцян 1952: 46)*.

Исследователи единодушно связывают Вишапов с древним мифологическим образом, основанным на природных (весеннее возрождение, обилие растительности) и хозяйственных

[1] Они становились предметом специального изучения со стороны Н.Я. Марра, Я.И. Смирнова, Б.Б. Пиотровского, Г.А. Капанцяна, Е.И. Крупнова, В И. Мещанинова, Робакидзе А.И. и др. В последнее годы были созданы специальные научные экспедиции по их изучению и были обнаружены более двух десятков новых стел. В 2011 г. в Институте археологии и этнографии НАН Армении состоялась также международная научная конференция, посвященная итогам изучения Вишапов (см.: *Каменные стелы Вишапы 2015*).

(земледелие, ирригация) аспектах, то есть с божеством весеннего обновления *(Марр, Смирнов 1931: Капанцян 1952: 47; Трубачев 1999: 287).* Вишап почитался как покровитель плодородия, дождя и водных источников, способствующий урожаю и росту растений. Праздники в его честь знаменовали начало весны и возрождение природы. С принятием христианства эти обряды были замещены Пасхой, а сам Вишап трансформировался в отрицательный образ злого дракона *(Марр, Смирнов 1931: 37; Капанцян 1952: 50).*

Этнокультурная принадлежность вишапов

Хотя функция божества Вишапа общепризнана, вопрос о его этнокультурных истоках остаётся дискуссионным. Ещё в IV веке н.э. армянский историк Фавст Бузанд выводил название *Вишап* из иранского *visa* («яд») и *ar* («вода») *(Фавст Бузанд: 69).* Некоторые современные исследователи также поддерживают иранскую версию, интерпретируя *ап* как «вкус» или «сок» и предполагая заимствование культа из Ирана в конце I тыс. до н. э. (см.: *Аджарян 1979: 325; Мифы народов мира 1980: 414*).

Однако эта гипотеза не получила широкого признания. Еще Н.Я. Марр, Я.И. Смирнов, Г.А. Капанцян подчёркивали автохтонное происхождение образа Вишапа, отсутствие его аналогов в иранской мифологии *(Марр, Смрнов 1931: 35; Капанцян 1952: 46)*. Кроме того, Вишап «не известен пехлевийским и персидским оригиналам» *(Аджарян 1979: 325).*

Сторонники иранского заимствования Вишап упускают ряд существенных факторов. Во-первых, отсутствие иранского элемента в ареале Вишапов. Нет никаких данных о проживании иранских племен на территории распространения каменных стел Вишапов – в нагорной полосе от Чороха до Гегамских гор, к северу от реки Аракс. В самом же Иране подобные каменные стелы не известны.

Во-вторых, хронологическое несоответствие. Выделение иранской группы языков из праиндоевропейского относится к рубежу III–II тыс. до н. э., а появление иранских племён на территории современного Ирана – к концу II – началу I тыс. до н. э. Наиболее древние стелы Вишапов датируются III–IV тыс. до н. э., а по некоторым оценкам – даже VI–V тыс. до н. э. *(Ваганян, Ваганян 2009: 110–112).* Таким образом, они воздвигались за тысячи лет до появления иранцев в регионе.

В-третьих, отсутствие образа Вишапа в иранской мифологии. Название Вишап упоминается в Авесте лишь один раз «в качестве собственного имени, обозначающего определённое существо» *(Меликишвили 1954: 414).* В иранской традиции дракон известен как Аждахак, имеющий параллели в ведийской и древнегреческой мифологии и множество соответствий в индоевропейской мифологии.

В-четвертых, семантическая несостоятельность иранской этимологии. Толкование Вишап как «ядовитый сок» (или «вкус», «запах») противоречит его изначальной функции божества весеннего обновления, связанного с живительной водой.

В последнее время выдвигаются альтернативные гипотезы: одни связывают Вишап с санскритским Вишну *(Трубачев 1999: 288; Мирзоян 2010: 22)*; вторые, на основе изображения на каменных стелах змеи, быка и рыбы – с индоевропейской культурной традицией *(Петросян 2023),* а третьи, основываясь, кстати, на тех же изображениях, – с тюркской *(Халилов 2003).*

Однако культы этих животных были распространены по всей древнеземледельческой ойкумене. Их изображения присутствуют во многих регионах мира, что делает подобные выводы недостаточно обоснованными.

Вызывает удивление, что исследователи, признавая связь вишапов с древнейшим населением Южного Кавказа, игнорируют материалы собственно этого древнейшего автохтонного населения – народов исконно кавказской языковой семьи – хаттско-аб-

хазо-адыгского и хуррито-урарто-нахско-дагестанского. Ареал распространения стел (IV–II тыс. до н. э.) полностью совпадает с зоной расселения этих этнокультурных общностей. Поэтому привлечение собственно кавказских материалов могло бы внести ясность в этом вопросе.

Действительно, в хаттском пантеоне присутствует божество Шап (Shap), вариант Уашап (Washap) *(Маккуин 1983: 223).* В хеттских клинописях его имя встречается также в формах KattiShap – «Великий Шап», HissaShap, с неизвестным значением слова Hiss (а) и т.д. Исконное название этого божества Шап. Компонент *ва* (*wa/we (ya/ye)* в названии Вашап//Вешап соответствует хаттско-абхазо-адыгскому личному местоимению «ты»: хат. *we-(и*е); убых. – *we*; абх. – *wa*, адыг. – *wa*, что позволяет интерпретировать Вашап как обращение «О Ты, Шап» (ср. «Уа Анцъа» - «О ты, Бог», «Уа ҳазшаз» – «О ты, создатель наш» и т.д.)

Этимология *Шап*

В абхазском языке *ш* означает «небесный свет», «божественное» (*а-ш-ара* – «светить», «творить»). *Ш* выражает также понятие «ашара» (а-ш-ара) – «делить», «создать», «творить». Помимо имени – *Анца*, абхазы называют Бога также именем «Ашаюы» (А-ша-юы) – «Творитель», «Делитель» (Щазшаз – «Тот, кто создал нас» *(Зухба 1983: 165).* Ряд имен божеств абхазского пантеона, являются производными именно от этого глагольного корня ашара, например, Алышкьынтыр, Ачышашана и др.

П (ап) (адыгское – *пэ*) означает «начало», «передний» (ср. абх. *аапын* – «весна», букв. «время начала»). Таким образом, *Шап* – «божество начала (обновления)», что полностью соответствует его изначальной функции.

Таким образом, каменные стелы отображают хаттско-абхазо-адыгское божество весеннего возрождения, обновления

природы Шап//Вашап. Здесь уместно отметить, что изображение огромной рыбы под названием Вешап найдено и в Колхиде *(Мифы народов мира 1980: 235).* Исследователи выявляют связь каменных стел Вишапов также со сходными менгирами Центрального и Северо-Западного Кавказа *(Миллер 1893: 36; Мещанинов 1925: 402 – 403; Пиотровский 1935: 35; Крупнов 1967: 35)*, а в Туапсинском районе сохранилась местность Куадашап (Куада-шап), где черноморские адыги (шапсуги) проводили культовые обряды, связанные с водой.

Архаичные формы этого имени сохранились и в национальных вариантах: армянском (*Вишап*, *Ушап*, *Ошап*) *(Тер-Мкртчян 1912: 30–36)*; нахских языках (*Ешап*); грузинском (*Вешапи*, *Гвелишапи* – «змей Шап»).

Историко-географический контекст

Возникает вопрос, где и когда хаттско-абхазо-адыгский образ Шап/Вашап был воспринят армянскими, нахскими, грузинскими и др. племенами, которые сегодня географически отдалены друг от друга. Но, как известно, в древности этническая карта Южного Кавказа была совершенно иной, чем ту, которую мы сегодня имеем. Распространение абхазских и адыгских племен абешлов и кашков до верховьев Евфрата, Аракса и южнее, вплоть до долины южного течения Арацани, засвидетельствованы хеттскими и ассирийскими источниками еще во II тыс. до н.э. Каменные стелы же расположены к северу от верховья Аракса в нагорной полосе от долины Чороха до Гегамских гор. Именно в этих местах застает пасианов еще в V веке до н.э. побывавший здесь вместе с греческим отрядом Ксенофонт. По его свидетельству, к тому времени армяне жили на правобережье Пасиса (Фасиса), так в древности называлась верховье Аракса, и понятие Армения еще не распространялось на левобережье Пасиса (Аракса) *(Ксенофонт: IV, 5).* На левобережье Пасиса (Аракса) лежала страна пасианов.

К востоку от пасиан, в араратской (или урартской) долине на левобережье Пасиса (Аракса) – урартийцы, которых Ксенофонт называет халдами по имени их верховного Бога – Халд *(Ксенофонт: IV, 5; Гумба 2017: 262–263).*

Название *абешла, апешла, пасианы, апсилы* хеттских, асирийских, античных и средневековых источников восходит к самоназванию абхазов *апсуа* и *пасианы* Ксенофонта на левобережье реки Пасиса (Аракса) – это древнеабхазские племена. Древнеабхазские племена пасианы, проживавшие на левобережье одноименной реки, граничили с обитавшими на правом берегу той же реки армянскими племенами, видимо, не одно столетие. Этнокультурные контакты между ними способствовали заимствованию армянами культа Шапа/Вашапа.

В свете изложенного интерес вызывает и сохраненное в арцахском (карабахском) диалекте армянского языка, помимо формы Ушап, другого архаичного слова, имеющего непосредственное отношение к исследуемой теме. Вишап (Шап) как божество весеннего возрождения, обновления, озеленения, плодородия было неразрывно связано с водой. В связи с этим интерес представляет обряд вызывания дождя у арцахских армян. Привлекает внимание не столько идентичность этого обряда с абхазским *Зиуоу (Дзиуоу)*, кстати, почти полная, даже в деталях, ибо аналогичные обряды существуют у многих народов мира, сколько его название у арцахских армян – *Дзоли*. Как отмечает Г.А. Капанцян, «армянское «дзоли» связано с именем реки Zula (в Малой Азии. – *Г. Г.*) …с первичным значением воды. Фонетический хеттский Z почти всегда соответствует в сродных словах армянскому «дз», так, что соответствие хеттского Zula армянскому Дзоли вполне правильно» *(Капанцян 1952: 9).*

Zula (Зула) расчленяется на два компонента: Zu - 1a. Zu – это хаттское «вода», и его идентичность с абхазским *зы (дзы*) – «вода» вряд ли у кого-то может вызывать сомнение. «Л(а)» как в хаттском, так и в абхазском языке – суффикс instrumentalis и

образа действия *(Иванов 1985: 39)*. Отсюда Zula (Зула, Дзыла) означает «водой», «с помощью воды», т.е. назначение обряда вызывания дождя арцахских армян отображено в его названии.

Весьма примечательно, что хаттско-абхазское название обряда *Зула//Дзула* сохранилась именно у арцахских армян, в то время как остальные армяне именуют этот обряд иранским названием Нурин. Дело в том, что в силу историко-географических условий армяне Карабаха сохранили архаичные пласты армянской мифологии и языка. Как отмечает Г. Аджарян, в словарном фонде арцахских армян сохранено больше слов и понятий, заимствованных из хеттского и хуррито-урартского, чем в остальных диалектах армянского языка *(Аджарян 1979: 79)*. Здесь же отметим, что переселение армян в Арцах имело место в конце I тыс. до н.э., в период, когда этот регион вошел в состав Армянского царства.

Грузинское Вешапи, скорее, воспринято от армянского Вишап. Что касается «Гвелишапи» – «змея Шап», то, как известно, в народных сказаниях драконы почти всегда ассоциируются со змеями. Естественно, «гвелишап» – «змея – шап» вторично по отношению к шап, и явление сравнительно позднее. Возможно, слово гвели («змея») добавляется в качестве определения, уточнения к непонятному для грузин слову шап.

В нахских языках, слово Ешап обозначает дракон, но как пишет А.О. Мальсагов, «трудно решить вопрос о том, когда этот образ (или понятие, слово) возник и что он первоначально обозначал и как попал он к вайнахам» *(Мальсагов 1970: 87)*. Вайнахское Ешап, скорее всего, усвоено непосредственно от абхазского Шап с закономерным приращением в нахских языках «е» в заимствованных языках. В этом нет ничего удивительного, поскольку во II и I тыс. до н.э. древние абхазы и нахи (чеченцы, ингуши и бацбийцы) этнически граничили по всему периметру Лихского, Мосхийского хребтов и предгорья Центрального Кавказа (См.: *Гумба 2017*).

Под влиянием христианства языческие божества попадали под запрет и подвергались искоренению. Как пишет абхазский этнограф Ц.Н. Бжания, «Христианская пасха святого воскресения Христа заменила у абхазов более ранний, дохристианский языческий весенний праздник, который являлся отражением культа природы, обновления природы, в сущности которого лежит культ умирающей и воскресающей природы, который в свою очередь послужил основой христианского мифа об умирающем и воскресающем боге, в данном случае Христа *(Бжания 1973: 261).*

В таком случае имя божества весеннего возрождения *Шап* с принятием христианства у абхазов должно было попасть под запрет, но сохраниться в названии Пасхи, отрицая уже ее старое название. Действительно, в абхазском названии Пасхи *Амшапы* имеем отрицание божества Шап. А-м-шапы (А-м-ш-апы), где *м* – префикс отрицания. Например, *амра* – «солнце», появилось, когда божество Ра (солнце) попало под запрет; *амца* – «огонь», после запрета «Ца» (огонь) и т.д. *(Гулиа 1926: 18; Акаба 1976: 22).* Следовательно, название древнейшего, уходящего к периоду хаттско-абхазо-адыгской общности, божества весеннего возрождения Шап//Вашап под влиянием христианства трансформировалось у абхазов в название Пасхи – *амшапы (А-м-шапы – «Не Шап»)*[2].

[2] Существует мнение, что слово *Амшапы* является производным от «амш» – день и «п» (апхьатэи) – передний, первый, т.е. «первый день» или начало нового года. Однако слово амш в обозначении «день» в абхазском языке – явление сравнительно позднее. Абхазское *а-мш* – «день» ведет свое происхождение от более древнего *маф*, восходящего к общему абхазо-адыгскому словарному фонду *(Акаба 1976: 24).* С какого времени в абхазском *маф* заменяется на *амш*, судить трудно, так как не имеем исторического словаря абхазского языка. Но как бы не решался этот вопрос, возникновение праздника весеннего обновления, весеннего равноденствия или первого дня нового года восходит к периоду не только праабхазо-адыгской, а, судя по всему, прахаттско-абхазско-адыгской общности, соответственно, его название не могло возникнуть от слова *амш* «день», которого еще не было.

Вместе с тем христианская религия не смогла вытеснить образ божества Шап. Как справедливо отмечает В.Л. Бигуаа, для абхазов «Амшапы не совсем христианская пасха, так как, по сути, ее обрядовая практика уходит в мир традиционной религии народа» и его празднуют все абхазы, независимо от христианского или мусульманского вероисповедания *(Бигуаа 2003: 97, 125).* По-видимому, этим и объясняется то, что Шап//Вашап у абхазов не превратился в злого дракона, а название злого дракона – *Агулшьап* заимствовано из грузинского *Гвелишапи.*

Заключение

Происхождение культа Шап/Вашап/Вишап и связанных с ним каменных стел восходит к хаттско-абхазо-адыгской этнокультурной общности. Из этой этнокультурной среды он распространился среди соседних народов. Каменные стелы Вишапы – не просто археологические памятники, но и важный элемент культурной памяти автохтонных народов Кавказа, отражающий древнейшие земледельческие и мифологические традиции. Они оказали значительное влияние на культуру народов региона, оставили след в коллективной памяти: стали «героями» множества легенд, а их изображения в памятниках декоративно-прикладного искусства встречаются вплоть до XIX века.

Источники и литература

Аджарян 1979: Аджарян Г. Этимологический коренной словарь армянского языка. Т. 4. Ереван, 1979 (на арм. яз.).

Акаба 1976: Акаба Л.Х. Из мифологии абхазов. Сухуми, 1976.

Бигуа 2003: Бигуаа В.Л. Анцахацара. Абхазская традиционная религия. Сухум, 2003.

Бжания 1973: Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов (материалы и исследования). Сухуми, 1973.

Ваганян 2009: Ваганян В.Г., Ваганян Г.А. Ранние образы рыбы, вишапа, дракона и змеи в армянском наскальном искусстве VII-V тыс. до н. э. ArcaLer, 18.04. 2009 // http://www.iatp.am/vahanyan/vishaps.htm

Гулиа 1926: Гулиа Д.И. Божества охоты и охотничий язык у абхазов. Сухуми, 1926.

Гумба 2017: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории. М., 2017.

Дешериев 1963: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

Зухба 1981: Зухба С.Л. Абхазское народное поэтическое творчество. Акуа, 1981 (на абх. яз.).

Иванов 1985: Иванов В.В. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М., 1985.

Каменные стелы Вишапы 2015: Каменные стелы Вишапы / ред. А. Петросян, А. Бобохян. Ереван, 2015.

Капанцян 1952: Капанцян Г.А. О каменных стелах на горах Армении. Ереван, 1952.

Крупнов 1967: Крупнов Е.И. Проблема происхождения осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Ксенофонт: Ксенофонт. Анабасис. М.-Л., 1951.

Маккуин 1983: Маккуин Дж. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.

Марр 1931: Марр Н.Я., Смирнов Я.И. Вишапы. М., 1931.

Мальсагов 1970: Мальсагов А.О. Нарт-орстхойский эпос вайнахов. Грозный, 1970.

Меликишвили 1954: Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.

Мещанинов 1925: Мещанинов В.И. Каменные статуи рыб – вишапы на Кавказе и в Северной Монголии // ЗКВ. Т. 1. 1925.

Миллер 1893: Миллер В.Ф. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках // Материалы по археологии Кавказа. Т. 3. М., 1893.

Мирзоян 2010: Мирзоян Э. Древнейшие армянские мистерии и их трансформации // https://nashasreda.ru/drevnejshie-armyanskie-misterii-i-ix-transformacii/

Мифы нардов мира 1980: Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

Петросян 2023: Петросян А.Е. Древнейший армянский бог грозы, хуррито-урартский Тешшуб/Тейшеба и греческий Тесей: образ и имя // chromeextension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/122540/1/vopon_2023_1_01.

Пиотровский 1939: Пиотровский Б.Б. Вишалы. Л., 1939.

Тер-Мкртчян 1912: Тер-Мкртчян Г.О. Вишап и Ушап в армянской приписке XIV века // Хр. Вост. Т. 1. 1912. Вып. 1.

Трубачев 1999: Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999. С. 287–288.

Фавст Бузанд: Фавст Бузанд. История Армении. Тифлис, 1913 (на древнеарм. яз.).

Халилов 2003: Халилов М. Древние каменные изваяния Южного Кавказа // журн. IRS Наследие. № 8. 2003.

ГАРГАРЫ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ В АНТИЧНЫХ И ДРЕВНЕАРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Гаргары в античных источниках

Одной из неразрешенных проблем кавказоведения является вопрос локализации и этнической принадлежности гаргаров. Гаргары упоминаются у Страбона и помещаются им на северных предгорьях Керавнийских гор. Поэтому определение мест расселения гаргаров находится в прямой зависимости от локализации Керавнийских гор Страбона. Однако в историографии нет единого мнения и по вопросу локализации этих гор. Одна часть исследователей относит Керавнийские горы Страбона к северо-восточным отрогам Кавказского хребта — от горы Казбек и северо-восточнее *(Крупнов 1964: 71; Гамрекели 1961: 48; Гадло 1979: 112)*. Другие отождествляют Керавнийские горы с горным хребтом Кёри-Лам, который тянется параллельно Главному Кавказскому хребту от Дорийского ущелья в Ингушетии до реки Чанты-Аргун в Чечне *(Виноградов, Чокаев 1966: 63)*. Третьи идентифицируют Керавнийские горы Страбона и Плиния Старшего и передвигают их на Западный Кавказ, сопоставляя с линией гор, идущей от Кавказского хребта до Ставропольской возвышенности, соответственно перемещая в эти места и гаргаров *(Акопян 1984: 11–117)*. Керавнийские горы Страбона и Плиния идентифицируют, но сопоставляют их с восточной частью Кавказских гор Н. Адонц *(Адонц 1971: 424)*, К.В. Тревер *(Тревер 1961: 48, 194)*, К. Алиев *(Алиев 1960: 421)*.

Однако сводный и детальный анализ источников ставит под сомнение вышеуказанные точки зрения. Разбор соответству-

ющих разделов Страбона и Плиния о Керавнийских горах позволяет довольно точно локализовать эти горы и выявить ошибочность их отождествления. Анализ сведений Плиния и картографирование племен, располагаемых им между Таманским полуостровом и Керавнийскими горами, показывает, что, как и Птолемей, Керавнийскими горами он называет Андийский хребет, являющийся водораздельным хребтом между реками Аргун и Андийское Койсу *(Гумба 1987: 70–72)*.

Если Керавнийские горы Плиния и Птолемея отождествляются с Андийским хребтом, то этого нельзя сказать о Керавнийских горах Страбона. Керавнийские горы Страбона сопоставлены С.Т. Еремяном с юго-восточной частью Главного Кавказского хребта *(Еремян 1963: 73; Еремян 1984: карта)*, что, как увидим ниже, является единственно возможным.

Страбон упоминает Керавнийские горы дважды, и в обоих случаях речь идет об одном и том же горном хребте. В главе об амазонках Страбон пишет: «В возвышающихся над Албанией горах, по рассказам, живут амазонки. Феофан, участвовавший в походе с Помпеем и бывший у албанов, говорит, что между амазонками и албанами живут скифские племена гелов и легов и что там течет река Мермадаль между этими народами и амазонками. Другие же, в том числе и Метродор Скепсийский и Гипсикрат, тоже знакомые с этими странами, говорят, что амазонки живут рядом с гаргареями на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнийскими» *(Strab. XI, V, 1)*.

В другом месте Страбон уточняет расположение Керавнийских гор, что почему-то упускается из виду. Описывая границы Албании, он сообщает, что албаны живут между «иберами и Каспийским морем, на востоке примыкая к Каспийскому морю, а на западе гранича с иберами; из остальных сторон северная ограничивается Кавказскими горами, они возвышаются над равнинами (албанскими. – *Г. Г.*), и ближайшая к морю называется Керавнийскими» *(Strab. XI, IV, 1)*.

Из приведенных сообщений отчетливо вытекает, что Страбон Керавнийскими горами называет юго-восточную часть Главного Кавказского хребта. На северных предгорьях этого хребта Страбон помещает гаргаров, которые на севере граничат с амазонками. В разделе об амазонках Страбон вновь сообщает о гаргарах: «Мермод, низвергаясь с гор, течет через страну амазонок, через Сиракену и лежащую между ними пустыню и впадает в Меотиду. Гаргареи, говорят, пришли в эти места из Фемискири вместе с амазонками» *(Strab. XI, V, 4)* [1].

Приведенное указание греческого географа, видимо, восходящее к другому источнику, нежели Феофану и Гипсикрату, не только не противоречит сведениям последних, а, напротив, дополняет их. Здесь же следует привести сообщение Плутарха: «Амазонки занимают полосу Кавказа, прилегающую к Каспийскому морю (т.е. Керавнийские горы Метродора и Гипсикрата. – *Г. Г.*), но не рядом с албанами, ибо между ними и ими живут гелы и леги. Амазонки проводят с ними ежегодно два месяца, сходясь вместе у реки Термодонта» *(Plut. Pomp. XXXV)*.

Как видно, река, отделявшая амазонок от гелов, легов и гаргаров, у Феофана выступает под названием Мермадаль, у Страбона в соответствующем разделе — Мермод, у Плутарха — Термодонт. Совершенно очевидно, что все эти названия — всего лишь искаженные варианты наименования одной и той же реки,

[1] В научной литературе было высказано мнение, что данное сообщение Страбона относится к Северо-Западному Кавказу, и соответственно туда переносятся и амазонки вместе с гаргарами. Основанием этому служит якобы указание в другом разделе труда Страбона о том, что сираки живут по реке Ахардей, которая впадает в Меотиду *(Strab. XI, V, 8),* а река Ахардей сопоставляется с рекой Кубань *(Каменецкий 1965: 5; Гаглойти 1964: 46; Акопян 1987: 58)*. Однако В.Б. Виноградов в специальном исследовании по этому вопросу убедительно доказал, что реки Ахардей Страбона и Охарий Плиния – это речная система Маныч-Егорлык *(Виноградов 1966: 38–50)*. Такого же мнения придерживаются В. Томашек, П. Кретчмер, Е. Миннз, М.И. Ростовцев, Л.А. Мацулевич, Е.И. Крупнов, К.Ф. Смирнов и др. (Библиографию см.: *Виноградов 1966*).

и эта река в историографии справедливо отождествляется с рекой Терек *(Крупнов 1964: 71; Виноградов 1966: 45; Виноградов, Чокаев 1966: 82)*[2].

При отождествлении реки Мермод с рекой Терек не может вызвать сомнения и то, что Мермод у Страбона впадает в Меотиду, ибо новейшими исследованиями выявлено, что античные авторы именовали термином «Меотида» не только Азовское море, но также и Каспийское и даже Аральское озеро *(Куклина 1985: 86)*. По всей видимости, в данном отрывке Страбона или его источника Меотидой называется именно Каспийское море.

Говоря о реке Терек (Мермод, Мермадаль, Термодонт), протекавшей между амазонками и гелами, легами у Феофана и Плутарха или гаргарами у Страбона, необходимо подчеркнуть, что следует иметь в виду не ее верхнее течение в Центральном Предкавказье, как это обычно воспринимается, в связи с чем, вопреки всем фактам, туда же перемещаются и амазонки вместе с гаргарами[3], а нижнее течение реки Терек при впадении в Каспийское море. В таком случае кажущиеся противоречивыми на первый взгляд сообщения античных авторов становятся совершенно ясными.

Сомнение может вызывать лишь сравнительная отдаленность нижнего течения Терека от мест расселения гаргаров, гелов, легов (предгорья юго-восточной части Кавказского хреб-

---

[2] Представляется весьма вероятным мнение В.Б. Виноградова, К.З. Чокаева о связи современного названия «Терек» с именем «Термодонт» (Тьера-дон, тьера – «верхний» (на вайнахских языках), дон – «вода», «река» (на иранском), «который напоминал малоосведомленным античным писателям (или их информаторам) название куда более знакомой им реки в Малой Азии — Термодонт)» *(Виноградов, Чокаев 1966*$_1$*: 83)*.

[3] Нельзя не обратить внимание на тот удивительный факт, что исследователи, которые перемещают амазонок в другие районы, будь это Центральный или Северо-Западный Кавказ, почему-то вместе с амазонками туда переносят только гаргар, в то время как гелы и леги, не менее связанные с амазонками, остаются на месте.

та). Но и это противоречие разрешается, если вспомнить, что «географические представления античных ученых о западном побережье Каспийского моря исключали существование современного Дагестана» *(Еремян 1970: 401).* То есть в представлениях античных авторов, в данном случае Метродора, Гипсикрата, Феофана, Страбона и Плутарха, река Терек протекала в непосредственной близости от предгорий юго-восточной части Главного Кавказского хребта, где по данным Метродора, Гипсикрата и Страбона проживали гаргары, а по данным Феофана и Плутарха — гелы и леги. А севернее реки Терек размещаются амазонки, с которыми гаргары, гелы и леги были связаны своеобразным брачным союзом.

Здесь же вспомним, что локализация амазонок к северу от Терека совпадает с расселением савроматов, с бытом которых большинство исследователей связывает легенду об амазонках. Хотя при этом, конечно, нельзя исключать наличие пережитков матриархата у гаргаров, легов и гелов.

Проживание гаргаров в предгорьях указанной части Кавказа подтверждается и выявленными топонимическими образованиями на этой территории: у устья реки Самур находится гора Гаргар; к северу от реки Гондолончай расположено селение Гаргар *(Алиев 1981: 88).* Таким образом, сводный анализ античных источников показывает, что гаргары населяли предгорья юго-восточной части Кавказского хребта.

Проведенная локализация гаргаров античных источников заставляет не согласиться с мнением тех исследователей, которые идентифицируют их с нахскими народами, так как данных о присутствии нахского этноса в этих районах у нас нет. Предполагая отмеченное сопоставление, исследователи обращают внимание на тот факт, что «гаргар» похоже на современное самоназвание ингушей — «галгай» *(Крупнов 1964: 71).* Однако крупный специалист по нахским языкам Ю.Д. Дешериев достаточно убедительно показал лингвистическую и историческую непра-

вомерность возведения самоназвания ингушей галгай («жители крепости, башни») к гаргар *(Дешериев 1963: 53–54, 69–70)*.

Часть исследователей считает слово «гаргар» производным от нахского термина «гаргара» — «близкий», «родственный», «соседний» *(Виноградов, Чокаев 1966: 66; Хазарадзе, Робакидзе 1968: 21)*. Но и данное наблюдение нельзя считать веским аргументом в пользу отождествления гаргаров с ингушами, ибо слово «гаргара» в значении «близкий», «родственный», «соседний» присутствует и в дагестанских языках. И это вполне естественно, так как нахские и дагестанские языки являются близкородственными и составляют одну нахско-дагестанскую группу кавказской семьи. Это дало основание Н.Г. Волковой высказать мнение «об этногенетической связи гаргаров с более широкой языковой группой Восточного Кавказа — предками дагестанцев и вайнахов» *(Волкова 1973: 153)*.

А.А. Акопян поставил под сомнение само реальное существование гаргаров на Кавказе. По его мнению, «единственный рассказ дошедших до нас античных источников, в котором упоминаются гаргареи, относится к легендарному племени «амазонок», а так как «в современной науке мифологический характер амазонок считается бесспорным, то это обстоятельство ставит под серьезное сомнение и историчность гаргареев, соседей амазонок» *(Акопян 1987: 62)*. Что касается упоминания гаргаров в древнеармянских источниках, то, по его мнению, этот термин употребляется в качестве пейоративного названия племен Северо-Восточного Кавказа и населения Албании *(Акопян 1987: 73–74)*.

Безусловно, в рассказе о гаргарах (впрочем, как и о легах и гелах, аутентичность которых признается бесспорной!) очевиден «налёт» легендарности. Однако, подходя критически к интерпретации известных нам фактов, мы должны будем ниже признать историчность гаргаров на Восточном Кавказе.

В рассказе Страбона приводятся две точки зрения людей, «прекрасно знакомых с этими местами», на конкретную лока-

лизацию амазонок на Северном Кавказе. Начинает Страбон с констатации того, что «в горах над Албанией, по рассказам, живут амазонки», одинаково приемлемой для обеих точек зрения. Далее следуют уточнения.

По данным Метродора Скепсийского и Гипсикрата, «амазонки живут рядом с гаргареями, на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнийскими» *(Str. XI, V, 1)* (северные предгорья юго-восточной части Кавказского хребта). А по свидетельству Феофана Митиленского, «между амазонками и албанами живут … племена гелов и легов и … там течет река Мермадаль (нижнее течение реки Терек. — *Г. Г.*) между этими племенами и амазонками» *(Str. XI, V, 1)*.

О проживании легов (гелов) в предгорьях юго-восточной части Главного Кавказа свидетельствуют разнообразные источники (см.: *Минорский 1963: 15; Еремян 1967: 52; Абдулаев, Микаилов 1971: 19*). Следовательно, места проживания гаргаров по Метродору и Гипсикрату полностью совпадают с территорией легов и гелов по Феофану и Плутарху. Такое совпадение мест расселения легов, гелов и гаргаров наводит на мысль, что в этих названиях перед нами различные наименования одной и той же племенной группы. Действительно, территория легов, гелов и гаргаров античных авторов совпадает с местами проживания в прошлом и настоящем лезгин, точнее, народностей лезгинской подгруппы нахско-дагестанской языковой группы – цахуры, рутулы, крызы, будухи, кюринцы, табасаранцы и агульцы.

Если учесть, что «до VI–VII вв. н.э. цахурско-рутульский, крызско-будухский, кюринско-табасаранско-агульский языки представляли собой локальные единицы с выраженной диалектной обособленностью» *(Ибрагимов 1980: 67)*, то станет ясно, почему в древних источниках нет дифференцированных сведений о них, и они называются общим, собирательным именем — леги *(Абдулаев, Микаилов 1971: 19)*. Что касается названия «гелы», то оно не обозначает отдельного племени, а является

лишь формой названия легов, образованной в результате метатезы *(Ихилов 1969: 78–79)*.

Отсюда прослеживается прямая генетическая связь между легами (гелами) античных, армянских и грузинских авторов, лезгами, лакзами арабских авторов и современными лезгинами. Но сами же лезгины (цахуры и рутульцы) называют свою страну Гаргар (Гаргал), где «гаре» означает «люди» («жители», «граждане»), т.е. Гаргар — буквально означает «люди (жители) Гала (Гара)». Название Гаргар присутствует и в топонимии этой территории как на северных, так и на южных предгорьях Кавказского хребта. Более того, Куро-Алазанскую равнину и земли юго-восточнее ее лезгины называют Гал. Отсюда жители этой территории должны были называться гаргар (гаргал) — «жители Гала». И наконец, у цахуров по сей день слово «гаргар» является синонимом слова «народность» *(Ибрагимов 1980: 67)*[4].

Таким образом, выясняется, что территория, примыкающая с юга и севера к юго-восточной ветви Главного Кавказского хребта, у лезгин называлась Гаргар. Следовательно, «гаргар» античных источников происходит от лезгинского названия их страны Гаргар, и гаргары Метродора, Гипсикрата и Страбона — это те же леги и гелы Феофана и Плутарха.

Имена «гаргары», «леги» и «гелы» являлись различными названиями древних лезгин, которые населяли предгорья юго-восточной части Главного Кавказского хребта. Имя «гаргар» происходит от географического названия страны лезгин (гелов и легов) — «жители Гала». У античных авторов эти названия употребляются в качестве этнонима древних лезгин — гаргары у Метродора, Гипсикрата и Страбона, гелы и лети у Феофана и Плутарха.

---

[4] Цахуры в настоящее время живут в Дагестанской Республике (Рутульский район) и Азербайджане (Закатльский и Кахский районы). Этноним «цахур» происходит от названия цела Цах и имеет позднее происхождение.

Исследованиями А.А. Акопяна уточнена северо-западная граница Кавказской Албании. Она проходила «по Джилганскому хребту, по водораздельному хребту рек Рубаса и Уллучая до вершины Джуфудаг, затем на запад по вершинам Алахундаг и Дюльтыдаг до вершины Гутон на Главном Кавказе и далее по вершинам последнего до Дербента» *(Акопян 1987: 35)*. Это дало основание ему прийти к справедливому заключению, что «основное кавказское население античной Албании говорило на языке лезгинской языковой подгруппы *(Акопян 1987: 35)*.

Следовательно, территория расселения лезгинских племен, известная у них под названием «Гаргар», полностью входила в пределы Кавказской Албании. Отсюда название «Гаргар», употреблявшееся для обозначения территории основной части Кавказской Албании, населенной лезгинами (гаргарами), могло выступать синонимом термина «Албания». Это отчетливо прослеживается у древнеармянских авторов.

Гаргары в древнеармянских источниках

Древнеармянские авторы знают гаргаров как одно из основных племен Кавказской Албании. По свидетельству Корюна, Мовсеса Хоренаци и Мовсеса Каланкатуаци, Месроп Маштоц прибыл в столицу Албанского царства, где имел беседу с албанским царем Есвагеном и католикосом Албании Еремией, после чего «он (Месроп Маштоц. – *Г. Г.*) создал письмена гаргарского языка, грубого, жесткого, нескладного и богатого горловыми звуками» *(Мовсес Хоренаци 1913: 110; Корюн 1941: 46; Мовсес Каланкатуаци 1984: 117)*. Просветительская деятельность Месропа Маштоца (361–440) в Албании и Картли, создание грузинского и албанского алфавитов падают на первую половину V века. Столицей Албанского царства до 461 (462) г. был город

Кабала, расположенный на южных предгорьях Главного Кавказского хребта (Керавнийские горы Страбона)[5].

Таким образом, Месроп Маштоц прибыл в город Кабала, т.е. в страну лезгин — Гаргар. Создание алфавита, по-видимому, на одном диалекте лезгинского (гаргарского) языка, безусловно, свидетельствует о политической гегемонии гаргаров-лезгин над другими племенами Кавказской Албании и о том, что именно гаргарами-лезгинами был возглавлен Союз албанских племен. Об этом говорит и использование терминов «гаргар», «леги» (гелы) у античных и армянских авторов в собирательном значении. Термин «Гаргар» мог употребляться в двух смыслах: в узком (этническом) – в значении собственно лезгин, населявших территорию Гаргареи, и в широком (политическом) – в обозначении всего Албанского царства, заменяя при этом термин «Албания». Подтверждение сказанному находим в древнеармянских источниках.

При перечислении кавказских племен, составляющих войска маскутского (массагетского) царя Санесана при нападении на Армению, Фавстос Бузанд употребляет термин «гаргар» в узком (этническом) значении *(Фавстос Бузанд 1912: 24).* В том же смысле употребляет термин «гаргар» также Мовсес Каланкатуаци в сообщениях о народах, проживавших в предгорьях юго-восточной части Главного Кавказа *(Мовсес Каланкатуаци 1984: 60).*

Об идентификации терминов «гаргар» и «албан» в широком, собирательном значении свидетельствуют Мовсес Хоренаци и Товма Арцруни. Так, левобережье реки Кура – современная Ширванская равнина, у Мовсеса Хоренаци в одном сообщении названа «Албанское поле», в другом — «Гаргарское поле» *(Мо-*

[5] В 462 г. Албанский царь Вече II «отрекся» от престола, после чего страной правили персидские наместники – марзпаны. Столица уже Албанского марзпанства была перенесена в город Партав (Барда), на правобережье реки Кура.

всес Хоренаци 1913: 131, 221). Товма Арцруни пишет: «Буга взял свое многочисленное войско… спустился на Гаргарское поле и двинулся к большому городу Партав …на албанского князя» *(Товма Арцруни 1917: 95).* В то же время столицу Албанского марзпанства он помещает в стране гаргаров: один из военачальников Буги по имени Иса «достиг Партава, страны гаргареев» *(Товма Арцруни 1917: 106).*

Идентификация терминов «гаргар» и «албан» выявляется и в «Ашхарацуйце» («Землеописании») армянского историка XIII века Вардана Аревелци. Из дошедших до нас рукописей «Ашхарацуйца» Вардана Аревелци по интересующему нас сообщению существуют разночтения:

- Գողարացիք Ճաքի է (Годарацик есть Шаки) – в 7 рукописях;
- Գուգարացիք Ճաքի է (Гугарацик есть Шаки) – в 6 рукописях;
- Գավգարացիք Ճաքի է (Гавгарацик есть Шаки) – в 5 рукописях;
- Գարգարացիք Ճաքի է (Гаргарацик есть Шаки) – в 3 рукописях;
- Գագարացիք Ալանք է (Гагарацик есть Алания) – в 3 рукописях;
- Գումարացիք Ճաքի է (Гумарацик есть Шаки) – в 1 рукописи;
- Գոգարացոց Ճաքի է (Гогарацоц есть Шаки) – в 1 рукописи;
- Գոգացիք Ճաքի է (Гогацик есть Шаки) – в 1 рукописи;
- Գոգայ Ճաքի է (Гога есть Шаки) – в 1 рукописи.

Публикатор критических текстов «Ашхарацуйца» Вардана Г. Берберян отдает предпочтение чтению «Գուգարացիք Ճաքի է» («Гугарацик есть Шаки») и вносит его в основной текст. Однако известно, что Гугарк — это историческая область Армении, охватывавшая территорию от Тайка (Тао) на западе до

долины реки Дебеда, правого притока реки Куры, на востоке, т.е. современную северную Армению и южную Грузию. А область Шаки, с одноименным городом Шаки (Нуха), по данным многих древних письменных источников (армянских, грузинских и арабских), находилась в Албании, на южном предгорье юго-восточной части Главного Кавказа (Керавнийские горы Страбона). Между указанными областями лежала обширная территория.

В научной литературе исследованию указанного свидетельства «Ашхарацуйца» Вардана посвящена монография Д.Л. Мусхелишвили, в которой автор приходит к заключению, что Гугарком называлась Восточная Грузия, а гугарами – восточные грузины. Опираясь на «Гугарацик есть Шаки» («Գուգարացիք Շաքի է»)[6], он пишет: «Так как определенные армянские источники гугарами называют собственно восточных грузин… то должно быть ясным, что в интересующей нас фразе Вардан отразил лишь реальную, современную ему культурно-политическую обстановку, а именно, что в его время «Шаки» являлся обыкновенной восточно-грузинской провинцией» *(Мусхелишвили 1982: 68–69)*.

Однако такое толкование данного сообщения Вардана неправомерно. Ибо, во-первых, из приведенного текста Вардана не вытекает, что Шаки находится в пределах Гугарка или наоборот, так как смысл данной фразы не допускает подобной интерпретации. «Գուգարացիք Շաքի է» означает «Гугарацик — это есть Шаки», т.е. у Вардана Аревелци понятия «Гугарацик» и «Шаки» равнозначны. Во-вторых, нельзя считать правильным, что Восточную Грузию Вардан называет Гугарк, так как в «Ашхарацуй-

[6] Д. Мусхелишвили в своем исследовании опирается на данные одного списка «Ашхарацуйца Вардана», изданного Сен-Мартеном в 1819 г. (см.: *Мусхелишвили 1982: 69*). Нам кажется, что целесообразнее было бы опираться не на один список первоисточника, а использовать критическое издание «Ашхарацуйца Вардана» Г. Берберяна, в котором собрано 24 списка.

це», как и во всех средневековых армянских источников, Грузия именуется «Вркан», «Вирк» и «Гурджистан».

В описании центральных областей Восточного Закавказья в «Ашхарацуйце» сообщается: «Վիրք, որ է Գուրջիստան» («Вирк, это Гурджистан»); «Վրկանի աշխարան ի Գրիմն է» («Страна Вркан в Гриме») *(Ашхарацуйц Вардана: 17)*. То есть передаются различные названия Грузии – Вркан, Вирк, Гурджистан[7]. В сообщении Вардана – «Վրկանի աշխարան ի Գրիմն է» – Грим (Греми) – средневековый город, известный еще до нашей эры *(Кикнадзе 1902: 3)*. Селение с одноименным названием сохранилось поныне и находится в Кахетии, недалеко от города Телави. В средние века Грим (Греми) был сравнительно крупным городом. Неслучайно в XV в. он становится столицей образовавшегося Кахетинского царства.

Однако сообщение Вардана в том виде, в каком оно дошло до нас («Страна Вркан находится в городе Грим»), не поддается никакой логике. В связи с этим следует сказать, что в «Ашхарацуйце» Вардана древнеармянский предлог «ի» (в) часто встречается в конце слова, и это наводит на мысль, что в таких предложениях, в частности в вышеприведенном, такая расстановка предлога «ի» может являться результатом влияния новоармянского синтаксиса, где древнеармянские предлоги заменяются послелогами. Например, «на Дереве» – Ի Վերայ ծառոյն – ծառի վրա.

Если наше предположение верно, то в рассматриваемой фразе имеем: «Грим в стране Вркан». Учитывая также множество ошибок, допущенных переписчиками (см.: *Ашхарацуйц Вардана, с. 4*), такое чтение следует считать правомерным, что и будет соответствовать действительности.

Таким образом, в своем «Ашхарацуйце» в обозначении Грузии Вардан употребляет названия Вркан, Вирк, Гурджистан.

---

[7] «Вирк», «Вркан», «Гурджистан» – это, соответственно, армянское, персидское и арабское названия Картли. Термин «Грузия» – это русское название Картли, возникшее в позднем средневековье.

Название Вркан (Варджан) в значении Грузии использует также автор «Армянской географии VII века» *(Ашхарацуйц: 19)*.

В вышеприведенном сообщении «Ашхарацуйца» Вардана присутствие терминов «Գարգարացիք» (Гаргарацик), а также «Ալանք» (Аланк) вместо «Շաքի» (Шаки) дает основание считать первоначальным чтение «Գարգարացիք Շաքի է» («Гаргарацик – это Шаки») или «Գարգարացիք Ալանք է» («Гаргарацик – это Алания»), как это сохранилось в соответствующих рукописях. Известно, что в армянском языке термин «Աղվանք» (Албания) часто встречается в форме «Ալանք» (Алания), что, несомненно, имеет место и в данном случае. Это подтверждается тем, что в другой фразе Вардана, касающейся Албании, в 20 рукописях вместо «Աղվանք» (Албания) встречается «Ալանք» (Алания) – «Ալանք Շրվան է» («Алания есть Ширван») *(Ашхарацуйц Вардана: 17)*. Следовательно, в трех рукописях имеем «Գարգարացիք Աղվանք է» («Гаргарацик – это Албания»).

То, что в приведенном сообщении «Ашхарацуйца» Вардана оригинальным является сохраненное в трех рукописях чтение «Գարգարացիք Շաքի է» (или «Աղվանք է») (Гаргарацик – это Шаки или Гарагарацик – это Албания) как единственно возможное, становится бесспорным, если вспомнить политическое положение в Восточном Закавказье в период после X–XII веков н.э. После ослабления Арабского халифата, в состав которого входили страны Восточного Закавказья, в разных областях империи возникают независимые государства. В Восточном Закавказье начиная с X века сложились следующие государства: царства Ширвана, Гянджи, Дербента и среди них, в начале X в. – Албанское царство со столицей Шаки *(Тер-Гевондян 1960: 138; Улубабян 1981: 81)*.

Это новое царство на территории исторической Кавказской Албании в армянских источниках известно как «Албанское царство», в грузинских – как «Эретское», а в арабских – как «царство Шаки». Граница образовавшегося нового царства на терри-

тории Албании на западе «проходила немного западнее селений Веджини и Гаваза (Ахалсопели), на Иорском плато – немного восточнее Нареджийского монастыря и селения Бодбе. С востока Шаки граничил с маленьким царством Кабалой» *(Мусхелишвили 1982: 37)*.

Следовательно, границы Шекинского царства охватывали территорию, которая была известна ранее как Гаргар. «Ашхарацуйц» Вардана в средние века и позже использовался как учебник по географии *(Антабян 1987: 109)*. Кроме описания известных автору стран и народов, для полноты изучения вместе с современными ему названиями различных областей и стран приводятся также и более древние аналоги. Например, «Գանձակ Գանջա է» («Гандзак это Ганджа»); «Տաշիր Լոռի է» («Ташир – это Лори»); «Վիրք, որ է Գուրջիստան» («Вирк – это Гурджистан») и т.д. *(Ашхарацуйц Вардана: 10–19)*. Поэтому неудивительно, что, говоря о новом царстве Шаки, возникшем на части территории древнеалбанского царства, которая была известна еще как Гаргарское, Вардан Аревелци, наряду с ее названием в то время, сообщает и другие наименования – Гаргар и Албания, т.е. «Гаргария – это есть Шаки» и «Гаргария – это есть Албания».

Во фразе Вардана – «Гаргария – это Шаки» термин «Шаки» употребляется в политическом смысле в значении Албанского царства, как оно было известно арабским авторам. Примечателен и тот факт, что арабские авторы (Баладзори, Ибн-ал-Факих) население царства Шаки называют удами (т.е. удинами) (см.: *Крымский 1938: 391*), являющимися прямыми потомками кавказских албанцев, язык которых также относится к лезгинской подгруппе[8]. В своем труде «Всеобщая история» Вардан Аревелци это Албанское царство называет также и «царством Шаки» *(Вардан Аревелци 1861: 166)*.

[8] Удины и ныне проживают в Варташене и Нидже (Азербайджан) и Октомбери (Грузия).

Таким образом, данное сообщение Вардана следует интерпретировать как «Гаргария – это Шаки», где оба понятия («Гаргария» и «Шаки») равнозначны и употребляются в широком, политическом значении. Территория исторической Албании в «Ашхарацуйце» Вардана Аревелци разделена на две части в соответствии с политическим положением в Восточном Закавказье в конце X – начале XIII века: царство Ширван и Шакинское царство. Описывая одну из этих политических единиц, Вардан уточняет: «Աղվանք Շրվան է» («Албания – это Ширван»), т.е. современный Ширван (государство Ширваншахов) – это то же, что и древняя Албания или ее часть. В отношении другой политической единицы имеем: в трех рукописях – «Гаргария – это Албания», а в трех других рукописях – «Гаргария – это Шаки», т.е. современное царство Шаки – это то же, что и древняя Албания и Гаргария.

После публикации моей статьи, посвященной анализу вышеприведенного сообщения «Ашхарацуйца» Вардана *(Гумба, 1987)*, академик АН Азербайджанской ССР З. Буниятов опровержению вышеизложенной интерпретации сведений Вардана Аревелци посвятил специальную статью *(Буниятов 1987)*. Он пишет: «Владения албанского князя Сахля ибн Сунбата находились на правобережье реки Куры и, соответственно, на левобережье реки Аракса. …Областью, которой владел Сахл, была область Шаки, центром которой была одноименная крепость, и существовала она на месте нынешнего села Шаки в Зангезуре (по З. Буниятову Зангезур находится на правобережье реки Куры! – *Г. Г.*). … и события, связанные с албанским князем Сахлом и албано-сюникским князем Васаком, происходили именно в Зангезурском Шаки» *(Буниятов 1987: 117)* [9].

[9] Безосновательность критики предложенной мною интерпретации сведений «Ашхарацуйца» Вардана со стороны З. Буниятова и неправомерность его утверждения о том, что Сахл ибн Смбат владел с. Шаки в Сюнике и, тем более, не существовавшей областью Шаки, на основании неопровержимых

Однако здесь явное недоразумение, поскольку совершенно не ясно, какое отношение имеют владения Сахля ибн Смбата и события, связанные с Сахлом и Васаком, которые жили в середине IX века, к вышеприведенному сообщению «Ашхарацуйца» о Шакинском царстве, сложившемся в X веке. То, что в «Ашхарацуйце» Вардана имеется в виду именно Албанское Шаки на левобережье реки Куры, отчетливо вытекает из его текста. После нескольких вступительных слов о северных народах Вардан начинает описание стран Восточного Закавказья с севера:

«Гаргарацик – это Шаки.

Албания – это Ширван.

Ути находится у устья Ерасха, между Арцахом и рекой Кура, которая есть Ќур.

Арцах – это Хачен.

Дизапаитн – это Диза и Варанда.

Гандзак – это Ганджа со своей областью и Закамом, до равнины Гаг.

Область Гардман – это Картманик.

Большой Сюнис и Малый Сюнис, где находится престол апостола Евстафия, который называется Татев, и монастырь Цицерн и Балаберд» *(Ашхарацуйц Вардана: 10–19).* Далее идет описание центральных областей Армении.

З. Буниятов сетует, что «не надо было ссылаться на Фавстоса Бузанда через Н. Адонца (цитата из ссылки неточна!), а лучше было бы дать факсимиле всех рукописей «Ашхарацуйца», ибо из его свидетельства вытекает, что Шаки расположен в пределах Гугарка, который находился на правобережье реки Куры» *(Буниятов 1988: 118).*

фактов доказана в статье А. Карагезяна, написанной в связи с указанной публикацией З. Буниятова *(Карагезян 1988: (ВОН, 1988, 3)*. Об ошибочности мнения З. Буниятова о том, что в данном сообщении Вардана имеется в виду с. Шаки в Сюнике, подробно было изложено нами также в докладе на конференции профессорско-преподавательского состава Ереванского госуниверситета в декабре 1987 г.

Здесь опять приходится недоумевать. Цитата, взятая нами из труда Фавстоса Бузанда, полностью соответствует оригиналу (см.: *Гумба 1987: 72; Фавстос Бузанд 1912: 162)*, и потом у Н. Адонца нет этой цитаты! В нашей статье приведены также факсимиле всех рукописей «Ашхарацуйца» на языке оригинала (см.: *Гумба 1987: 65*).

И, наконец, согласно З. Буниятову, Зангезурское с. Шаки находилось в пределах Гугарка *(Буниятов 1988: 118)*, т.е. Сюник (Зангезур), Арцах (Карабах) и Утик превращаются в Гугарк, причем Сюник и Арцах перемещаются на побережье реки Куры! Абсолютная несостоятельность утверждений З. Буниятова столь очевидна, что дальнейшие комментарии представляются излишними.

Таким образом, в обозначении Кавказской Албании параллельно с термином «Албан» употреблялся также и «Гаргар». По-видимому, этим и объясняется столь широкое распространение термина «гаргар» на Восточном Кавказе. Если название «гаргар» имеет удовлетворительную этимологию на лезгинском языке, то вопрос происхождения термина «албан» все еще вызывает дискуссии. По этимологии «албан» в научной литературе высказаны различные мнения: «горная страна», «равнинная страна» (см.: *Марр 1905: 165; Тревер 1963: 8; Вагапов 1980: 78; Юсифов 1961: 26*).

Однако не исключено, что в названии «албан» имеем топоним иранского происхождения. «Лаб» в иранских языках означает «берег», «устье», а «ан» – показатель множественного числа. В древности реки Кура и Аракс впадали в Каспийское море отдельно, образуя, таким образом, два устья, что по-ирански должно было звучать как Лабан (лаб+ан), отсюда Лабан – Албан (переход Лаб в Алб закономерен с фонетической точки зрения) – название, которое впоследствии перешло на более обширную территорию и населявшие ее племена (подробно см.: *Гумба 1987*).

Возможно, при естественном ходе исторического развития албанских племен, отсутствии неблагоприятных внутренних и внешних факторов, препятствовавших консолидации албанских племен в единую народность под руководством гаргар, последнее название могло бы полностью вытеснить термин «албан». Однако из-за неблагоприятных внутренних и внешних причин албанские племена так и не сплотились в единый народ.

Подытоживая вышеизложенное, приходим к следующим заключениям:

1. По данным античных источников, гаргары локализуются в предгорьях юго-восточной части Главного Кавказского хребта.

2. Термин «гаргар» является географическим названием страны лезгин – Гаргар (Гаргал) – «люди (жители) Гара». У античных и армянских авторов название «гаргар» наряду с «леги» («гелы») употребляется в качестве этнонима одной из дагестанских народностей – лезгин, населявших эту территорию.

3. Составляя основное население античной Албании, лезгины (гаргары) в тот или иной период возглавляли Албанское царство, в связи с чем известное в армянских источниках как Гаргарское.

4. В армянских источниках термин «гаргар» употребляется в двух смыслах: в узком, этническом значении – собственно лезгин (гаргар) и в широком, политическом – в обозначении всей территории Кавказской Албании, заменяя при этом термин «Албан».

Источники и литература

Абдулаев, Микаилов 1971: И.Х. Абдулаев, К.Ш. Микаилов. К истории дагестанских этнонимов лезг и лак // Этнография имен. М.,1971.

Адонц 1971: Н. Адонц. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.

Акопян 1982: Акопян А.А. Гаргары по античным и армянским источникам // ИФЖ. № 4. Ереван, 1982 (на арм. яз.).

Акопян 1987: Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и армянских источниках. Ереван, 1987.

Антабян 1987: Антабян П.Б. Вардан Аревелци. Жизнь и деятельность. Т. 1. Ереван, 1987 (на арм. яз.).

Алиев 1960: Алиев К. К вопросу об источниках Страбона в описании древней Албании // ДАН Азерб. АССР. 1960. № 4.

Алиев 1981: Алиев К. К вопросу о гаргарах и территории их расселения // Доклады АН Азерб. ССР. Вып. 1. Баку, 1981.

Ашхарацуйц: («Армянская география VII века») Geographie de Moise de Corene d'apres Ptolemee. (Texte armenien, traduit en franqais le P.Arsene Soukry. Venise, 1881.

Ашхарацуйц Вардана: Ашхарацуйц Вардана вардапета. Критическое издание Аика Береберяна. Париж, 1960 (на арм. яз.).

Буниятов 1987: З.М. Буниятов. Еще раз о локализации области Шаки (в связи с публикацией Гурама Гумбы) // «Известия» АН Аз. ССР. Серия «Истории, философии н права». № 1. С. 117–118.

Вагапов 1980: Вагапов Я.С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем «А» // Вопросы вайнахской лексики. Грозный, 1980.

Вардан Аревелци 1861: Вардан Бардзрабердци. Всеобщая история. М., 1861 (на арм. яз.).

Виноградов 1965: Виноградов Н.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // Советская археология. № 1.

Виноградов, Чокаев 1966: Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. VII. Вып. 1. Грозный, 1966.

Виноградов, Чокаев 1966$_1$: Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Иранские элементы в топонимии и гидронимии Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИЯЛ. Т. VII. Вып. 2. Грозный, 1966.

Виноградов 1966: Виноградов В.Б. Локализация Ахардей и сиракского союза племен // Советская археология. 1966. № 4.

Волкова 1973: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М, 1973.

Гаглойти 1964: Гаглойти Ю.С. К проблеме появления алан на Северном Кавказе. Известия ЮОНИИ. Т. XIII. Цхинвали, 1964.

Гадло 1979: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа. IV – X вв. Л., 1979.

Гамрекели 1961: Гамрекели В.И. Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961.

Гумба 1986: Гумба Г.Д. Кавказская Албания по «Ашхарацуйцу» Вардана Вардапета (XIII век) // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1986. № 3.

Дешериев 1963: Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

Еремян 1935: Еремян С.Т. Феодальное образование Картли в период марзбанства (Тезисы кандидатской диссертации). Л., 1935.

Еремян 1963: Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу». Ереван, 1963 (на арм. яз.).

Еремян 1967: Еремян С.Т. Страна Махелония (надписи Кааба-и-Зардушт) // ВДИ. № 4.

Еремян 1970: Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII века» // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 8. М., 1970.

Еремян 1984: Еремян С.Т. Царство Великой Армении (IV век) (карта) // История армянского народа. Т. 2. Ереван, 1984 (на арм. яз.).

Ельницкий 1961: Л.А. Ельницкий, Знания древних о северных странах, М., 1961.

Каменецкий 1965: Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э. Автореф. канд. дисс. М., 1965.

Карагезян 1988: Карагезян А. Историко-географические уточнения (в связи с публикацией З. Буниятова «Еще раз о локализации области Шаки») // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1988. № 3. https://arar.sci.am/dlibra/publication/41551/edition/37218/?language=en

Кикнадзе 1902: В. Кикнадзе, Памятники древности Телавского уезда // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Тифлис, 1902.

Корюн 1941: Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1941 (на арм. яз.).

Куклина 1985: Куклина И.Н. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.

Крупнов 1964: Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа. М., 1964.

Крымский 1938: Крымский А. Страницы из истории Северного, или Кавказского Азербайджана (классическая Албания). Шаки // Сборник памяти акад. Н.Я. Марра. М.-Л., 1938.

Летопись Картли 1982: Летопись Картли / пер. и комм. Г. Цулая. Тбилиси, 1982.

Марр 1905: Марр Н. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия). СПб., 1905.

Минорский 1963: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

Мнацаканян 1969: Мнацаканян А. О литературе Кавказской Албании. Ереван, 1969.

Мовсес Каланкатуаци 1984: Каланкатуаци Мовсес. История страны Алуанк. Ереван, 1984.

Мовсес Хоренаци 1913: Хоренаци Мовсес. История Армении. Тифлис, 1913 (на арм. яз.).

Мусхелишвили 1982: Мусхелишвили Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии. Тбилиси, 1982.

Новосельцев 1979: Новосельцев А.П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.

Плутарх: Плутарх. Сравнительное жизнеописание. 1963.

Тер-Гевондян 1960: Тер-Гевондян А. К вопросу о возникновении Двинского эмирата в Армении // Исследование по истории и культуре народов Востока. М., 1960.

Товма Арцруни 1917: Товма Арцруни и Аноним. История дома Арцруни. Тифлис, 1917 (на арм. яз.).

Тревер 1961: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М., 1961.

Тревер 1963: Тревер К.В. К вопросу о культуре Кавказской Албании. М., 1963.

Фавстос Бузанд 1912: Фавстос Бузанд. История Армении. Тифлис, 1912 (на арм. яз.).

Улубабян 1971: Улубабян Б. Топонимы «Алванк», «Албания» и «Аран» // Историко-филологический журнал. № 3. Ереван, 1971 (на арм. яз.).

Улубабян 1981: Улубабян Б. Очерки истории восточного края Армении (V–VII вв.). Ереван, 1981 (на арм. яз.).

Хазарадзе, Робакидзе 1968: Хазарадзе Р.Л., Робакидзе А.И. К вопросу о нахской этнонимике // КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968.

Юсифов 1961: Юсифов Ю.Б. О наименовании «Албания» и «Аран» // Известия АН Азерб. ССР, I, 10. Баку, 1961.

ЮЖНАЯ ГРАНИЦА АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ АНТИЧНЫХ И АРМЯНСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Как известно, для античных авторов было характерно искажение реальной географической карты Кавказа. Схематизм и условность составляемых ими карт приводили к тому, что реальное расположение тех или иных географических и этнических названий иногда сильно изменялось, и такое положение передавалось из источника в источник. Не избежал таких ошибок при нанесении на градусную сетку географических ориентиров Кавказа и Птолемей. Эти просчеты и вызвали те искажения, какие приобретает карта Азиатской Сарматии, построенная на предложенных им данных *(Ельницкий 1961: 71–72)*. Поэтому, конечно, интерпретация сведений древнегреческого географа сопряжена с определенными трудностями для исследователя.

В современной историко-географической литературе довольно большое внимание уделяется определению южных границ Азиатской Сарматии, причем особый интерес вызывает та часть границы Азиатской Сарматии, которая проходила вдоль территории Колхиды, Иберии (Картли) и Албании, но, несмотря на это, ее расположение до сих пор не определено с необходимой точностью и остается причиной научных дискуссий. Прежде чем перейти к установлению южных границ Азиатской Сарматии, следует уточнить, что мы подразумеваем под понятием Азиатская Сарматия. Это необходимо сделать, поскольку в современной литературе разные авторы дают термину Сарматия различные смысловые нагрузки, что вносит еще большую путаницу в картину, нарисованную древними авторами. Прежде всего, упускается из виду двойное значение термина Сарматия – географическое и этническое. На обширной территории, извест-

ной античным ученым под географическими терминами Европейская Сарматия и Азиатская Сарматия, во второй половине I тысячелетия до н. э. проживали многочисленные этносы, имевшие разное происхождение. В тот же период здесь проживали и сарматы, этнически относимые большинством исследователей к ираноязычным племенам. Соответственно, в каждом конкретном случае применения древними авторами вышеуказанного термина необходимо определять его смысловое значение.

Так, например, включение А.С. Скрипкиным в состав Азиатской Сарматии территорий Нижнего и Среднего Подонья и Поволжья, Западного Казахстана и Южного Приуралья, но отнюдь не Северного Кавказа *(Скрипкин 1990: 4. Карты 1–3)* вызвало справедливую, на первый взгляд, критику в научной литературе, а авторитетный кавказовед В.А. Кузнецов охарактеризовал данный факт как «очевидное недоразумение» *(Кузнецов 2000: 174–175)*, что было поддержано многими специалистами. Однако ошибка А.С. Скрипкина заключается лишь в том, что исследователь не уточнил, какое смысловое значение он вкладывает в термин Сарматия. Если допустить, что в данном случае термин Сарматия употреблен А.С. Скрипкиным в этническом смысле (а судя по тому, что при определении территории расселения сарматов ученый опирается на археологические памятники, принадлежность которых к сарматам не вызывает серьезных сомнений у археологов, это действительно так), то исключение из Азиатской Сарматии Северного Кавказа как территории обитания собственно сарматов вполне справедливо. Поскольку если в понятие Азиатская Сарматия вкладывать только этнический смысл, то, безусловно, ареал, который оно охватывает, окажется достаточно узким – во всяком случае, территория Северного Кавказа точно не будет в него входить.

На этой территории развивались иные самобытные археологические культуры – прикубанская, кобанская и каякентско-хорочоевская, и в этом отношении исключение А.С. Скрипкиным

Северного Кавказа из зоны расселения сарматов совершенно правомерно. Однако если речь идет об употреблении термина Сарматия в географическом смысле, то в этом случае данный термин в древних источниках обозначает обширные территории Евразии, разделявшейся античными авторами на Европейскую и Азиатскую Сарматию, в которую включался также и Северный Кавказ.

Смешение географического и этнического смыслов термина Сарматия (или Азиатская Сарматия) приводит и к той крайности, когда в этот термин вкладывается только лишь этнический смысл. Так, например, иногда предпринимаются попытки отнести все население территории, охватываемой географическим термином Азиатская Сарматия, в том числе и Северный Кавказ, к собственно сарматским племенам, под которыми подразумевают ираноязычные *(Гаглойти 1995; Гаглойти 2007; Туаллагов 2001; Туаллагов 2004)* или тюркоязычные *(Мизиев 1986; Лайпанов, Мизиев 1993)* племена, что на самом деле является не чем иным, как очевидным недоразумением.

В современной литературе иногда встречается также ничем не подкрепленное, а потому ничем не оправданное утверждение, будто Северный Кавказ назывался Сарматией в силу численного преобладания и политического господства там сарматов (З.И. Ванеев). Хорошо известно, что на территории, именовавшейся Сарматией (Европейской и Азиатской) не было единого политического пространства, а вместо него существовал ряд крупных государственных образований (достаточно вспомнить Боспорское царство, владения которого лежали в Европейской и Азиатской частях Сарматии). Что касается собственно Азиатской Сарматии, то, по данным многочисленных античных источников, здесь проживало достаточно большое количество народов, относящихся по своему происхождению и языку к совершенно разным этносам. Эти народы были объединены в несколько крупных политических образований (сираки, аорсы,

царские сарматы и др.), которые находились во враждебных отношениях и вели между собой жестокие войны за сферы влияния и господства.

Среди этих объединений собственно сами сарматы (царские и конееды) занимали довольно скромную область в низовьях реки Танаис, а потому говорить о каком-либо политическом господстве сарматов на территории, известной как Азиатская Сарматия или Сарматия, конечно, не приходится. Безусловно, Птолемей и армянский географ, как и другие древние авторы, термин сармат употребляют также и в этническом смысле – когда речь идет о собственно сарматах, живших в низовьях Танаиса (царские и конееды). Но в том случае, когда дело касается всей территории Азиатской Сарматии, термин Сарматия имеет исключительно географическое значение и не несет в себе никакого иного (этнического или политического) смысла.

У античных авторов под термином Азиатская Сарматия в его географическом смысле подразумевается не только Северный Кавказ, но и, как мы увидим ниже, часть Южного Кавказа. Южную границу Азиатской Сарматии, пролегавшую, по мнению древних авторов, по северным пределам Колхиды и Иберии (Картли), в современной историко-географической литературе принято проводить по Главному Кавказскому хребту. Представляется, что это вызвано, прежде всего, трактовкой античных письменных свидетельств с позиции современных знаний о историко-географических реалиях Кавказа, в то время как в представлении древних авторов, в том числе и Птолемея, эти реалии могли быть совершенно иными. Так, племена, проживавшие южнее Главного Кавказского хребта − сваны, двалы, санары (цанары), туск (туши), были включены и Птолемеем, и автором «Армянской географии» в пределы именно Азиатской Сарматии.

В специальной литературе давно отмечено, что в античный период «двалы занимали обширную территорию Главного Кав-

каза − от ущелья Терека (Дарьял) на запад до Сванетии» *(Гамрекели 1961: 66, 134)*. Санары (цанары) и туски (туши) также, как известно, занимали территорию южнее Главного Кавказского хребта − от Дарьяльского ущелья и реки Арагви на западе до Дагестана на востоке. Полосу земель, расположенных между Главным Кавказским хребтом и северными границами Колхиды и Картли, в том числе и Сванетию, на западе до северной пограничной линии Албании на востоке, Птолемей включает в пределы Азиатской Сарматии. Следовательно, данные, приведенные Птолемеем, не дают нам оснований прочерчивать границу Азиатской Сарматии по Главному Кавказскому хребту. Детальный сопоставительный анализ сведений, изложенных Птолемеем и автором «Ашхарацуйца», позволяет довольно точно определить южную пограничную линию Азиатской Сарматии.

По данным Птолемея, «с юга Азиатская Сарматия ограничивается частью Эвксинского Понта, простирающейся отсюда (Таманский полуостров. – *Г. Г.*) до реки Корак, и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря» *(Pt. V, VIII, 7)*. Реку Корак большинство ученых справедливо отождествляют с современной рекой Кодор *(Ельницкий 1938: 315–316; Бгажба 1964: 105; Инал-ипа 1976: 181; Воронов 1998: 45)*. А поскольку в основе греческого слова Коракс (Корак) лежит второе абхазское слово – «Куараш» («белокаменный берег») *(Маан 2001: 31–32)*, думается, вопрос тождества Коракса и Кодора можно считать в основном доказанным.

Тем не менее исследователи, выхватывая из общего контекста слова Птолемея о том, что «Сарматия простирается до реки Корак, и пограничной чертой Колхиды», рассматривают их как указание древнегреческого географа на реку Корак как границу Колхиды. Поэтому, видимо, учитывая, что Птолемей в пределы Колхиды включает и город Диоскурию, некоторые исследователи (Б.А. Куфтин, Н.Ю. Ломоури, М. Инадзе и др.) отождест-

вляют Корак с рекой Бзыбь. Однако, представляется, что такое мнение основано на не совсем верной интерпретации сведений Птолемея.

В связи с тем, что интересующий нас текст часто цитируется в литературе выборочно, что ведет к определенному искажению целостности картины, изображенной греческим географом, приведем этот текст полностью. Итак, Птолемей пишет: «С юга Азиатская Сарматия ограничивается частью Эвксинского Понта, простирающейся отсюда до реки Корак, и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, идущей отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря; описание этой стороны такое: 8. За Корокондамой в Понте опять: Германосса, Синдская гавань, деревня Синда, (далее идет перечисление пунктов, расположенных вдоль Черноморского побережья, до реки Корак. – *Г. Г.*) … устье реки Корак, затем предел у боковой границы Колхиды. Следующий за ним [предел] идет по границе Иберии; здесь находятся Сарматские ворота, затем предел вдоль Албании до Гирканского моря» *(Pt. V, VIII, 7, 8, 11)*.

Как видим, из процитированного сообщения вовсе не следует, что река Корак являлась пограничной чертой Колхиды – в противном случае пришлось бы признать, что эта река была границей Азиатской Сарматии не только с Колхидой, но также с Иберией и Албанией. В данном случае фраза Птолемея «пограничная черта Колхиды» не относится к реке Корак, и речь идет не о границе Колхиды по этой реке, а о пограничной линии Азиатской Сарматии, простиравшейся с запада на восток – от северо-западного бокового предела Колхиды, вдоль северной пограничной черты Колхиды, Иберии и Албании, вплоть до Каспийского моря.

Помимо общего контекста об этом ясно свидетельствуют координаты устья реки Корак (70° 30› – 47°) и предела боковой границы Колхиды (75°–47° 56), то есть того места, откуда начиналась граница Сарматии, пролегавшая с запада на восток вдоль

северного рубежа Колхиды. Следовательно, граница Сарматии доходила до устья реки Корак (Кодор), затем сворачивала на северо-восток, шла до предела северо-западной боковой границы Колхиды и от этой точки двигалась на восток, вдоль северных пределов Колхиды, Иберии и Албании, достигая в конце Каспийского моря.

У Птолемея мы также можем найти четкие ориентиры для определения границы Азиатской Сарматии, проходившей вдоль границы Колхиды, но этот факт почему-то выпадает из поля зрения исследователей. Так, координаты границы Азиатской Сарматии у северного бокового рубежа Колхиды (75°–47°), указанные Птолемеем, соответствуют координатам той точки Кораксийского (Кодорского) хребта (75°–47°), «которой оканчиваются горы, идущие вдоль Колхиды и Иберии и называемые Кавказскими»[1]. Координаты западной точки предела этих же Кавказских гор соответствуют 75°–47° *(Pt. V, VIII, 14)*. Конечно, учитывая известные ошибки в системе координат Птолемея, весьма рискованно делать какие-либо выводы[2], опираясь на его расчеты, но в данном случае это несущественно.

Нам лишь важно подчеркнуть, что, по представлению Птолемея, координаты границы Азиатской Сарматии, расположенной у предела северо-западного бокового рубежа Колхиды, и координаты западных отрогов Кавказских гор – в том месте, где они заканчиваются, соединяясь с Кораксийским (Кодорским) хребтом, совпадают. От этой точки на восток пролегала пограничная линия между Азиатской Сарматией и Колхидой, а севернее этой черты, уже в пределах Азиатской Сарматии, Птолемей разместил сванов и двалов.

---

[1] О неправомерности перевода данного отрывка: «…и гора Корак, которой оканчиваются горы, идущие через Колхиду и Иверию…» см.: *Акопян 1987: 25.*

[2] По долготе ориентиры Птолемея отличаются от современных примерно на 20–25 градусов (больше), а по широте на 10–15 градусов (больше).

Если взглянуть на географическую карту Кавказа, станет очевидным, что Кавказскими горами, по которым проводилась южная граница Азиатской Сарматии с Колхидой, Птолемей называет горную цепь, состоящую из Эгрисского и Рачинского хребтов и проходящую параллельно Главному Кавказскому хребту, от реки Ингура у подножия горы Ходжалы Кодорского хребта до северных отрогов Лихского хребта. В этом случае казавшиеся противоречивыми сведения Птолемея становятся ясными и логичными. Южная граница Азиатской Сарматии в Западном Закавказье, таким образом, пролегала с запада на восток по Черноморскому побережью до устья реки Корак (Кодор), где сворачивала на север-восток и шла по реке Корак (Кодор), видимо, до местности Наа, затем – по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгрисского хребта, а далее – на восток, по вершинам горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, до северного отрога Лихского хребта.

То, что граница Азиатской Сарматии на севере Колхиды проходила именно по указанной горной цепи, подтверждается также и данными «Ашхарацуйца». Согласно «Армянской географии» южная граница Азиатской Сарматии пролегала по Черноморскому побережью, до впадения в Черное море «реки Коракса, то есть Вороны, по Кавказским горам, по границам Иберии и Албании до Каспийского моря» *(Ашхарацуйц: 25)*. Эти слова являются простым повторением информации, восходящей в конечном счете к Птолемею, однако сведения, заключенные в оригинальных частях древнеармянского источника, не только подтверждают, но и уточняют расположение границы Азиатской Сарматии с Колхидой. Так, племена, проживавшие южнее Главного Кавказского хребта, – сваны, рачаны, такуйры, кутеты, двалы, цехойки, в «Ашхарацуйце» включены в пределы Азиатской Сарматии *(Ашхарацуйц: 26; Еремян 1973: 263–264).* Места их расселения известны довольно хорошо (см. ниже), и при картографировании отчетливо выявляется, что племена эти

занимали полосу территории, расположенную между Главным Кавказским хребтом и горной цепью Эгрисского и Рачинского хребтов.

Кроме того, при описании пределов собственно Колхиды сведения о которой «основаны, по всей видимости, на личном опыте» армянского географа *(Цулая 1980: 76)*, сообщается: «ԺԹ. Աշխարհ Ասիոյ Կողքիս է, որ է Եգր. յրից կալով Պոնտոս ծովուն առ երի Սարմատիոյ, ի մտից Դռակոն գետոյ մինչեւ ցԿաւկաս լեառն եւ ցնորին բազուկ, որ բաժանէ ընդ նա եւ ընդ Վիրս. եւ անտի սահմանի մասամբ ինչ Մեծ Հայոց մինչեւ ցԿապպադովկեան Պոնտոս» *(Ашхарацуйц: 37)*. «Девятнадцатая страна Азии – Колхида, то есть Егр, которая расположена на востоке от Понтийского моря, возле Сарматии. С запада граница [Колхиды. – *Г. Г.*] проходит по реке Дракон до Кавказских гор, к той ветви хребта, которая отделяет Колхиду от Грузии. Здесь Колхида частично граничит также с Великой Арменией до Каппадокийского Понта».

Река Дракон, по которой автор «Ашхарацуйца» проводит западную границу Колхиды, справедливо сравнивается с рекой Докон, встречающейся у Агафия при описании военных действий византийцев в Лазике *(Бутба 2001: 93–94)*. Докон Агафия еще Б.А. Куфтиным вполне убедительно идентифицирован с рекой Техури, притоком Риона (*Куфтин 1949: 112–113;* см. также: *Воронов 1998: 154*)[3], следовательно, реку Дракон (Докон) «Аш-

[3] «Фазис и Докон, стекая с Кавказских гор по различным руслам и вначале очень далеко отстоя друг от друга, здесь вследствие изменения местности постепенно сближаются друг с другом, отделяясь небольшим пространством, так что римляне, прорыв новое русло и преградив реку Фазис плотиной, направили ее течение в Докон. Таким образом, обе эти реки в восточной части Острова соединяются и окружают местность. Отсюда они делятся, производя разные повороты и изгибы, и охватывают большое пространство. Пройдя дальше на запад, сближаются и почти сливаются, так что все, ими охваченное, образует остров» *(Агафий, II, 21)*. Упоминаемый Агафием остров как раз и находится вблизи слияния Техури с Рионом и носит

харацуйца», по которой проходила граница Абхазии и с Колхидой (Эгриси древнегрузинских источников), следует отождествлять с рекой Техури.

Река Техури берет свое начало у южных отрогов Эгрисского хребта и впадает в реку Риони южнее совр. Абаши. Таким образом, становится ясным, что армянский географ проводит пограничную линию между Колхидой и Абхазией по нижнему течению реки Риони, до места впадения в нее реки Техури (Дракон), далее ведет эту линию на север, по течению Техури, до ее истока у южного отрога Эгрисского хребта («по реке Дракон до Кавказских гор»). Отсюда граница Колхиды пролегает на восток, «к той ветви хребта, которая отделяет Колхиду от Грузии», то есть к северному отрогу Лихского хребта. Следовательно, армянский географ, как и Птолемей, прочерчивает границу Азиатской Сарматии с Колхидой по горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов до Лихского (Сурамского) хребта.

Такой подход прослеживается и в грузинских источниках, согласно которым территория севернее Эгрисского и Рачинского хребтов располагалась вне пределов Эгриси (Колхиды). Эта территория находилась также вне пределов зависимости и влияния Рима, Византии и Персии. Рим, а затем и Византия строят мощные оборонительные сооружения (Клисура) для защиты своих внешних границ в Западном Закавказье не по Главному Кавказскому хребту, а именно по линии горной цепи Рачинского и Эгрисского хребтов *(Воронов 1998: 155–156).* В связи с этим исследователи с удивлением отмечают, что земли, лежащие между Главным Кавказским, Эгрисским и Рачинским хребтами, выглядят как бы выпавшими из общего контекста истории Колхиды (Эгриси) и пытаются найти различные объяснения этому, по их мнению, странному и непонятному явлению *(Брагвадзе, Капанадзе 2010: 56).*

грузинское название Инсулети – от латинского insula (остров). Здесь находится и селение Исула (Инсула).

На самом деле здесь все предельно ясно. Дело в том, что область севернее Эгрисского и Рачинского хребтов не входила в историческую Колхиду как в древности, так и в раннем средневековье. Еще Геродот в V в. до н.э. отграничивал эти земли от Колхиды. Так, рассказывая о народах Западного Закавказья он пишет: «…колхи и их соседи до Главного Кавказа…» *(Геродот: III, 97).* Соседями колхов до Главного Кавказского хребта античный историк называет население, проживавшее на территории, расположенной к северу от Эгрисского и Рачинского хребтов до Главного Кавказа.

Такую же картину этнического и политического размежевания населения по линии Эгрисского и Рачинского хребтов армянский географ рисует и для раннего средневековья, но в этом случае область к северу от Колхиды (Эгерии) он называет Аланией. Так, например, он сообщает, что река Дракон, служившая границей между Абхазией (Апсны) и Лазикой (Эгер), вытекает из Алании. И если в приведенном выше фрагменте река Дракон отождествляется с рекой Техури и отражает границу между Абхазией и Лазикой в V в., то реку Дракон, берущую начало в Алании, следует отождествлять с рекой Цхенис-цкали, впадающей в Риони восточнее Техури и берущей свое начало в предгорьях Главного Кавказского хребта.

В данном случае в «Ашхарацуйце» отображена этнополитическая ситуация VII в., когда восточные границы Абхазского царства были расширены от реки Техури до реки Цхенис-цкали, а границы Западно-Аланского объединения охватывали на юге территорию до Эгрисского хребта[4]. Поэтому, согласно «Аша-

[4] Во второй половине VI в. византийцы передали Западно-Аланскому объединению крепость Бухлоон (совр. Пахулан) на берегу Ингура к юго-западу от Эгрисского хребта. Согласно Агафию Миринейскому, это было сделано «чтобы послы более отдаленных народов, собираясь там, получали субсидии, и чтобы больше не было необходимости привозящему деньги огибать предгорья Кавказских гор и самому идти к ним» *(Агафий, III, 15).* С этого времени на территорию, лежавшую между Эгрисским и Главным Кавказ-

харцуйцу», река Дракон (в данном случае Цхенис-цкали) берет начало в Алании[5].

Если граница Колхиды по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, согласно данным Птолемея и армянского географа, совпадает с рубежами Азиатской Сарматии, то этого нельзя сказать относительно западной, вернее, северо-западной границы Колхиды. Так, Птолемей проводит пограничную черту Азиатской Сарматии по реке Кодор (Корак), но при описании Колхиды называет в ее составе Диоскурию, располагавшуюся северо-западнее Кодора.

В то же время в другом месте он прочерчивает северо-западную границу Колхиды по реке Корак (Кодор) *(Pt. V, IX, 1)*. По «Ашхарацуйцу», северо-западная граница Колхиды (Егр) в V в. пролегала по реке Техури, а в VII в. – уже по реке Цхенис-цкали, то есть в обоих случаях проходила юго-восточнее реки Корак (Кодор) и также не совпадала с границей Азиатской Сарматии. Здесь, разумеется, нет ничего противоречивого, ибо границы Азиатской Сарматии нельзя путать с политическими границами тех или иных стран, так как они не всегда совпадают[6].

ским хребтами, вплоть до VIII в. распространялось влияние Аланского объединения, в связи с чем в источниках, в частности, в «Ашхарацуйце», она именуется Аланией.

[5] Такая этнополитическая ситуация существовала вплоть до VIII в. В VIII в. абхазский царь Леон II завоевывает всю территорию Западного Закавказья и прочно включает ее в состав Абхазского царства. Территория, лежавшая между горной цепью Эгрисского и Рачинского хребтов и Главным Кавказом, была разделена на две отдельные административные единицы в составе Абхазии (Рача-Лечхумское и Сванское).

[6] Видимо, ошибочное отождествление границ Азиатской Сарматии с политическими рубежами Колхиды вводит в заблуждение тех исследователей (Н. Ломоури, М. Инадзе и др.), которые вопреки всем фактам переносят р. Корак Птолемея на северо-запад от Диоскурии и сопоставляют ее с рекой Бзыбь. При этом, что кажется весьма странным, те же авторы совершенно игнорируют сведения «Ашхарацуйца» по данному вопросу.

В отличие от границ Азиатской Сарматии, политические границы Колхиды в разные эпохи, естественно, менялись. И в вышеприведенных отрывках из греческого и армянского источников переданы этнополитические реалии Колхиды различных исторических периодов. Подробный анализ данных о границах Колхиды, обозначенных Птолемеем и армянским географом, выходит за рамки нашей темы. Тем не менее нужно отметить, что в описании Колхиды у Птолемея отчетливо прослеживаются два хронологических напластования[7]: первое – этнополитическая ситуация IV–III вв. до н. э., когда Диоскурия входила в состав Колхиды, и второе – этнополитическая ситуация начала новой эры, сложившаяся на территории исторической Колхиды в период завоевания Рима и появления здесь новых этнических элементов, в частности лазов.

В «Ашхарацуйце», как уже было отмечено, в одном случае указана граница Лазики с Абхазией V в., проходившая по реке Техури и нижнему течению Риони, а в другом – новая граница, сложившаяся к VII в. и пролегавшая по реке Цхенисцкали.

Таким образом, в Западном Закавказье южная граница Азиатской Сарматии проходила по Черноморскому побережью до устья реки Кодор (Корак), откуда сворачивала на северо-восток и шла по реке Кодор до местности Наа, затем – по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгрисского хребта, далее – на восток, по горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, до северного отрога Лихского хребта.

От северного отрога Лихского хребта на восток южная линия Азиатской Сарматии проходит вдоль северной границы Картли, пересекая Сарматские ворота (см. выше). И здесь для определения пределов Азиатской Сарматии исключительное значение приобретает локализация Сарматских ворот Птолемея на грани-

[7] Об этом говорит также и упоминание Птолемеем города Диоскурии, к его времени уже давно не существовавшего. Древняя Диоскурия (современный Сухум) в Римскую эпоху называется уже Севастополис.

це с Картли. В научной литературе Сарматские ворота Птолемея обычно отождествляются с Дарьяльскими воротами (Н.Ю. Ломоури, Д.Л. Мусхелишвили и др.) или с проходом Панаури, находившимся недалеко от истоков Арагви (Г.Г. Мкртумян), что, как увидим ниже, противоречит данным Птолемея.

Дело в том, что в связи с Центральным Кавказом Птолемей упоминает Сарматские ворота дважды, каждый раз локализуя их в разных местах. В этом нетрудно убедиться, если сравнить координаты ворот в обоих случаях: Сарматские ворота, находящиеся на границе Азиатской Сарматии, у северного предела Картли, имеют координаты 77° – 47°, а Сарматские ворота, расположенные уже не на границе, а во внутренних районах Азиатской Сарматии, имеют координаты 81° – 48° 30› *(Pt. V, VIII, 11, 14)*.

Ясно, что Птолемей говорит о двух разных Сарматских воротах, расположенных в первом случае на южном, а во втором – на северном конце главной перевалочной дороги Центрального Кавказа Дарьяльского ущелья, соединяющего Северный и Южный Кавказ. Северные Сарматские ворота, находившиеся во внутренних районах Сарматии, соответствуют Дарьяльским воротам (Аланские ворота, Крестовый перевал), располагавшимся у Главного Кавказского хребта. А под Сарматскими воротами на южном конце перевалочной дороги подразумеваются ворота на границе Картли и Азиатской Сарматии. На севере и северо-востоке от этих ворот, за пределами Иберии (Картли) Птолемей размещает санаров и тушин.

Местоположение Сарматских ворот на границе с Картли можно довольно точно определить по тексту «Ашхарацуйца». Как и Птолемей, армянский географ говорит о двух воротах, расположенных на северном и южном концах перевалочной дороги Центрального Кавказа: «Եւ `ի Նոյն յետ Արդոզեան ազգին բնակեն… Ծանարքայ՝ յորում Ալանաց դուռն. Եւ միւս դուռն որ ասի Ծեքեն, համանուն ազգի». «И в тех же [Кавказских] горах проживают… цанары, у которых Аланские ворота,

и другие ворота, называемые Цекен, соименного племени…» *(Ашхарацуйц: 26)*[8].

Аланские (Дарьяльские) ворота «Ашхарацуйца» соответствуют северным Сарматским воротам Птолемея, находившимся у Главного Кавказского хребта, а Цекенские (или Цилканские) ворота – южным Сарматским воротам Птолемея. Цилканские ворота (южные Сарматские ворота Птолемея) надежно локализуются в пределах территории проживания соименного племени цилкан (цикан), в районе слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, рядом с местностью Живали (Живани). Если судить по сохранившемуся до наших дней в Мцхетском районе современной Грузии топониму Целкани, в те или иные периоды территория расселения цилкан (цикан) простиралась, видимо, южнее области Живали. Помимо местности Цилкани, в этом районе древнегрузинским авторам были известны Цилканские горы и Цилканская дорога *(Летопись Картли 1982: 74)*.

Согласно «Ашхарацуйцу», именно через ворота Цилкан проходила пограничная линия, отделявшая Азиатскую Сарматию от Картли. Земли к северу от Цилканских ворот, на которых проживали цхаваты, гудамакары, хевсуры, пшавы (похи, пховы) и др., включены армянским географом в Азиатскую Сарматию, а области Мцхета и Базалети, примыкавшие к Цилканским воротам с юга, – в Картли *(Ашхарацуйц: 27; Меликишвили 1959: 124–125; Еремян 1980: Мкртумян 1983: 30–33)*.

Слова армянского географа о расположении обоих ворот – и Дарьяльских (Аланских), и Цилканских – в пределах Цанарии объясняются тем, что в соответствующем отрывке «Ашхарацуйца» отражено политико-административное деление Восточного Закавказья, сложившееся в период господства здесь Сасанидского Ирана. В этот период территория Цанарии наряду с Картлийским царством и персами была выделена в отдельную

[8] В рукописях «Ашхарацуйца» данное название передается в различных формах: цикен, цекан, цикан, кцекен, цилкан, целкан, цикал, целклан.

политико-административную единицу в составе кустака Кап-Кох (Кавказский край) Сасанидской империи. Территория княжества, а затем царства Цанарии с юга начиналась у населенного пункта Жинвали (Цилканские ворота), а на юго-востоке – у северо-западных границ Албании, и оканчивалась на севере областью, лежащей севернее Дарьяльских ворот, у современной станции Ларс Северной Осетии *(Мкртумян 1983: 52)*. В состав княжества Цанарии входили пшавы, хевсуры, гудамакары, цхаваты, чарталы, цилканы, цова-тушины *(Гумба 1987: 35–40)*[9].

Правомерность предлагаемой локализации южных Сарматских ворот Птолемея и Цилканских ворот «Ашхарацуйца» убедительно подтверждается и тем, что у Птолемея координаты южных Сарматских ворот совпадают с северной границей Иберии: «…следующий за ним [предел] идет по границе Иберии; здесь находятся: Сарматские Ворота 77°–47°, затем предел вдоль Албании до Гирканского моря» *(Pt. V, 8, 11)*. Таким образом, Сарматские ворота Птолемея и Цилканские (Циканские) ворота «Ашхарацуйца», по которым проходила пограничная линия между Азиатской Сарматией и Иберией, соответствуют горному проходу у Жинвали.

Об укрепленных воротах возле Жинвали, на северной границе Картли сообщают многие древние авторы (античные, арабские, ранневизантийские, древнеармянские, древнегрузинские). Плиний, к примеру, называет эти ворота Кавказскими, предупреждая, что не стоит путать их с Каспийскими: «…в этом месте, как раз напротив иберского города Германа, воротами разделены части света. От Кавказских ворот в Гурдинских горах живут валлы и суавы, племена не знакомые с культурой, однако умеющие добывать золото в рудниках. От них до самого Пон-

[9] После падения Сасанидского Ирана цанары возглавили борьбу народов центральной части Южного Кавказа против Арабского халифата, завершившуюся образованием сильного цанарского царства, известного в арабских источниках как Санария, в армянских как Цанарк, в грузинских – Кахети.

та живет множество гениохийских и потом ахейских племен» *(Plin. VI, 30)*.

Как видим, информация Плиния не только перекликается со сведениями Птолемея, но и существенно дополняет их в интересующем нас вопросе. По Плинию (который, кстати, при описании Центрального Кавказа опирался, по его же словам, «на присланные оттуда ситуационные карты»), Кавказские ворота находились «как раз напротив иберийского города Герместа», т.е. Армази, древней столицы Иберии, располагавшейся у слияния рек Арагви и Куры[10]. На севере от этих ворот, в Гурдинских горах, по словам Плиния, проживали валлы и суавы *(Plin. VI. 40)*. Валлы (талы) Плиния отождествляются с двалами, которые, как было отмечено выше, занимали южные склоны Главного Кавказа от Дарьяльского прохода до Сванетии. Суавы убедительно идентифицируются со сванами, проживавшими западнее двалов *(Гамрекели 1961: 44–45)*[11].

Следовательно, Кавказские ворота Плиния нельзя отождествлять с Дарьяльскими воротами Главного Кавказского хребта. Несомненно, здесь речь идет о южных укрепленных воротах

---

[10] «Здесь нужно исправить ошибку многих, даже тех, которые в последнее время принимали участие в походе Корбулона в Армению: они называют Каспийскими те ворота в Иверии, которые, как мы сказали, называются Кавказскими; это название стоит и на присланных оттуда ситуационных картах» *(Plin. VI. 40)*.

[11] Здесь же отметим выявленный В.Н. Гамрекели весьма примечательный факт, а именно: сообщаемое Плинием название гор, находившихся севернее Кавказских ворот − Гурдинские, находит реальное подтверждение в топонимике как южной, так и северной стороны центральной части Главного Кавказа. На территории от Приэльбрусья до Дагестана, по обеим сторонам Главного Кавказского хребта известен ряд горных вершин, имеющих в названии корень горд/гурд/курт/корт. Элемент горд/гурд/курт/корт имеет очевидную вайнахскую этимологию и значит на чеченском и ингушском языках вершина (горы). По мнению Я.С. Вагапова, имя Гурдин-Гордиен означает страна вершин, или горный край, что следует признать вполне приемлемым *(Вагапов 1996: 55–56)*.

главной перевалочной дороги Центрального Кавказа в местности Жинвали. Об этой укрепленной линии, расположенной у слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, скорее всего, ведет речь также и Страбон, описывая дорогу из Северного Кавказа в Иберию: «Со стороны северных кочевников ведет трудный трехдневный подъем, а за ним узкая речная долина вдоль реки Арага, требующая четырех дней пути для одного; конец пути охраняет неприступная стена» *(Str. XI, III, 5).* Очевидно, что неприступной стеной в конце дороги, спускавшейся с Дарьяльского перевала на юг, вдоль реки Арагви (Арага), Страбон называет укрепленные ворота (Цилканские ворота) возле Жинвали.

Строительство укрепленной стены возле Жинвали древнегрузинская историческая традиция относит к началу II в. до н. э., когда здесь, у северных пределов Картли, были воздвигнуты укрепленные ворота (врата каменные) под названием Дарубал, и связывается это с деятельностью царя Картли Мирвана (конец III − начало II в. до н. э.) *(Мровели Леонти: 31).* В литературе ворота Дарубал Леонти Мровели иногда неверно отождествляются с Дарьяльскими воротами, но, как справедливо отмечает в связи с этим Г.В. Цулая, «автор грузинской хроники хорошо осведомлен в географических названиях, прилегающих к Грузии районов, и потому он не … мог исказить название Дарьяльских ворот, которое ему хорошо известно» *(Мровели Леонти: 66–67. Прим. 108).*

Кроме того, Леонти Мровели ясно указывает на то, что ворота Дарубал были построены для сдерживания натиска дурдзуков. Для этой цели укрепления лишь Дарьяльских ворот было, разумеется, совершенно недостаточно, ибо в таком случае остались бы неприкрытыми дороги, шедшие с северо-восточного Кавказа и выходившие через Жинвали к Мцхета. И лишь укрепленные ворота у слияния Пшавской Арагви и Белой Арагви могли надежно закрыть все доступы со стороны как Центрального, так и Восточного Кавказа не только к Картли, но и к Албании и

Армении. Именно поэтому в древнегрузинских источниках данный проход известен также как Дурдзукские ворота *(Картлис цховреба: 74)*.

Свидетельством существования в древности возле местности Живали крепостных ворот, являвшихся границей между Картли и Дурдзукетией, служат сохранившиеся в этом месте полуразрушенные крепостные сооружения, а факт постоянного размещения здесь военных сторожевых отрядов подтверждается археологическими раскопками *(Николайшвили, Чихладзе 1980)*. Сведения об этом можно найти также и у Вахушти: «Живали же находится между слиянием Черной и Белой Арагвы; он крепость устроенная и крепкая; был город и теперь покинут» *(Вахушти 1904: 110)*.

В раннесредневековый период укрепленные ворота у Живали представляли собой часть цепи сторожевых крепостей (башен) или каменной стены, простиравшейся вдоль границы Цанарии с Картли и Албанией. В арабских источниках эта стена известна как Дурдзукская каменная стена, или Дурдзукские ворота. Армянские авторы раннего средневековья называют эту стену не только Циканскими (Цилканскими) воротами, но и И Вирои пахак (Ի Վիրոի պահակ), то есть Иберийское укрепление *(Агатангелос: 45; Мовсес Хоренаци: 53)*, откуда произошло название Юройпаах, встречающееся в ранневизантийских источниках *(Приск Панийский: 62)*[12].

Значимость этих ворот была столь высока, что начиная со II в. до н. э., т.е. со времени строительства, их укреплением помимо Картлийского царства были озабочены также Арме-

[12] Нельзя считать приемлемым ничем не обоснованное мнение о том, что Дзурдзукские ворота находились в Ассиновском ущелье Ингушетии, через которое проходил один из путей, соединявших северокавказскую плоскость с Грузией. Помимо всего прочего, нет каких-либо данных о вхождении в пределы Грузии в античный и раннесредневековый период не только территории Ассиновского ущелья на Северном Кавказе, но и земель, расположенных к северу от Цилканских ворот возле местности Живали.

ния, Иран, Рим, Арабский халифат. По свидетельствам разных источников, Рим и Иран часто занимались восстановлением и обновлением этих ворот[13]. Столь пристальное внимание к воротам, располагавшимся у слияния Арагви с Пшавской Арагви, со стороны крупнейших держав Передней Азии, безусловно, было не случайным. С военно-стратегической точки зрения, проход у Жинвали, называвшийся Цилканскими воротами, Сарматскими воротами, Дарубалом, Дурдзукскими воротами, Иберийским укреплением, имел ключевое значение, ибо в этом месте пересекались дороги, шедшие не только с Северного Кавказа по Дарьяльскому ущелью, но и с горных перевалов Северо-Восточного Кавказа через Аргунский и Ассинский проходы, через Шатили или Ардоти, вдоль Пшавской Арагви. Отсюда одна дорога имела выход непосредственно к столице Картли Мцхета, расположенной в 50 км от Жинвали, а другая через Тианети выходила в долину Алазани и далее вела в Албанию и Армению.

Безусловно, этот проход имел важнейшее значение не только для сдерживания военных вторжений с севера, но и, конечно, для защиты населения, проживавшего севернее ворот, от губительных нашествий на горцев с юга. Так, например, древние каменные укрепления в этом месте были разрушены в VII в. арабским полководцем Мурваном при его вторжении в Цанарию. И, видимо, совсем не случайно название укрепленных ворот (Циканские или Цилканские ворота) на нахских языках буквально означает кровоточащее (место) (цьий эка-н).

Таким образом, Сарматские ворота Птолемея (Цилканские ворота «Ашхарацуйца»), через которые проходила граница между Азиатской Сарматией и Картли (Иберия), следует отож-

[13] Так, например, во времена римского императора Веспасиана (69–79 гг.) крепостные стены к северу от Мцхеты (Цилканские, или Сарматские ворота) были укреплены римлянами, о чем свидетельствует найденная здесь греческая надпись, датируемая 75 г. н. э. (см.: *Амиранишвили 1928: 195*). В то время здесь находился римский гарнизон, защищавший подступы к границам Римской империи *(Schur W. 1923: 34–35).*

дествлять с горным проходом у слияния рек Арагви и Пшавская Арагви, рядом с местностью Жинвали. От этих ворот на юго-восток граница Сарматии простиралась по северным пределам Албании. К сожалению, Птолемей, как и армянский географ лишь указывает на то, что граница Азиатской Сарматии пролегает по северным рубежам Албании, не давая при этом каких-либо дополнительных уточнений, что затрудняет точное проведение пограничной линии далее, до Каспийского моря.

Определять южный рубеж Азиатской Сарматии от Жинвали до Каспийского моря лишь по северной границе Албании было бы опрометчиво, ибо границы Албании являлись весьма неустойчивыми и часто менялись. Так, например, в I в. до н. э. и в I в. н. э. античные авторы (Страбон, Плиний Старший и др.) проводят северо-западную границу Албании по реке Алазань, до впадения ее в Куру (см. ниже). Однако в данном случае нас интересует северная граница Албании, по которой Птолемей проводит южную границу Азиатской Сарматии. В отличие от Страбона и Плиния, Птолемей отображает ситуацию, характерную для II в. н. э., и северо-западную границу Албании отодвигает на запад, доводя ее до линии Жинвали – Тианети, а города, расположенные между реками Арагви и Алазани, включает в состав Албании *(Pt. V, 11)*. Следовательно, согласно Птолемею, от Жинвали на юго-восток граница Азиатской Сарматии шла по линии Тианети – Ахмета – Квел-Даба – гора Гутон Главного Кавказского хребта.

Здесь следует отметить тот примечательный факт, что территорию Азиатской Сарматии, лежавшую к северу от Албании (то есть от вышеуказанной линии), Птолемей называет Санарией *(Pt. V, VIII, 18)*. Как отмечено выше, по «Ашхарацуйцу», Цанария занимала территорию от Жинвали на юге, где она граничила с Картли, до областей, лежавших к северу от Дарьяльского перевала, на севере. Таким образом, сведения греческого и армянского географов о Санарии (Цанарии) именно как о политиче-

ском образовании, охватывавшем территорию, расположенную к северу от Картли и Албании, полностью совпадают. Следовательно, данные Птолемея отодвигают образование Цанарского княжества к более раннему времени, чем считалось до сих пор в научной литературе. Во всяком случае, сейчас с достаточной уверенностью можно говорить о существовании политического образования Цанария (Санария) уже в первой половине II в. н. э., когда писал свой труд Птолемей).

Прочерчивание границы Картли с Азиатской Сарматией по вышеназванной линии (северные отроги Лихского хребта – Живали – Квел-Даба – г. Гутон), на первый взгляд, противоречит сообщению того же «Ашхарацуйца», в котором говорится, что граница Картли простирается до Главного Кавказского хребта. Действительно, в «Ашхарацуйце» ясно указано, что северные границы Картли доходят до Аланских (Дарьяльских) ворот и Главного Кавказского хребта *(Ашхарацуйц: 28)*. В то же время, как было отмечено выше, племена, проживавшие к югу от Главного Кавказского хребта до Живали, исключены армянским географом из пределов Картли, но упомянуты в составе Азиатской Сарматии. Эти сведения, отмеченные исследователями (Д.Л. Мусхелишвили, Н.Ю. Ломоури и др.) как странные и противоречивые, на самом деле легко объяснимы. Дело в том, что в сообщении «Ашхарацуйца» о том, что северная граница Картли проходит по Главному Кавказскому хребту, речь идет не о собственно исторической Картли (или Картлийском царстве), а о марзпанстве Картли (Варджан), входившем в состав кустака Капкох (Кавказский край) Сасанидской Персии.

В 387 г. по договору с Византией Сасанидская Персия закрепила за собой Восточное Закавказье и Восточную Армению. В своих закавказских владениях Персия произвела новое административное деление, заметно перекроившее существовавшие тогда границы. Был создан ряд политико-административных единиц – марзпанства Армн (Армения), Атрпатакан, Варджан

(Картли), Ран (Албания), Баласакан и другие, которые в свою очередь образовали кустак Капкох (кустак Кавказ) Сасанидской Персии. Именно эти административные изменения отражены в «Ашхарацуйце», о чем ясно говорится в следующем отрывке:

«Կուստակ ի Կապկոհ, որ է կողմն Կաւկասու լերանու, յորում են աշխարհիք երեքտասան. Ատրպատական. Արմն՝ (որ է) Հայք. Վարջան՝ որ է Վիրք. Ռան՝ որ է Աղուանք. Բալասական. Սիսական. Առէ. Գեղան. Շանջան. Դլմունք. Դմբաւանդ. Տապարրստան. Ռւան. Ամոլ, որ պատմել առաջի կայ մեզ:» «Кустак-и-Капкох, то есть край Кавказских гор, имеет 13 областей: Атрпатакан, Армн, то есть Армения, Варджан, то есть Иберия, Ран, то есть Албания, Баласакан, Сисакан, Арэ, Гелан, Шанчан, Длмунк, Дмбаванд, Тапарастан, Рван, Амол, о которых мы расскажем ниже» *(Ашхарацуйц: 30)*.

Как видно из отрывка, армянский географ вначале определяет предмет своего описания – кустак Капкох (Кавказский край) Сасанидской Персии, дает общий обзор его политико-административных границ, а затем подробно описывает каждую из названных областей (марзпанств), приводя при этом персидское название Армении – Армн, Иберии (Картли) – Варджан и Албании – Ран. Приступая к описанию марзпанства Варджан (или Картлийского марзпанства), автор «Ашхарацуйца» устанавливает его политико-административные границы.

В марзпанство Варджан, находившееся под непосредственным управлением персидского марзпана, входили собственно Варджан (Картлийское царство), Гугарк и Цанария, к которой принадлежали пшавы, хевсуры, тушины, чарталы и другие кавказские горцы, проживавшие к северу от Жинвали *(Еремян 1935: 2; Арутюнян 1979: 29)*. Пограничная линия марзпанства Варджан (Картли) проходила «по восточной стороне Егр, по Аджаро-Имеретинскому хребту, по реке Квирила, включая область Шорапани, по Кавказским горам, Аланским воротам, по западной и южной границе Лбинка (последняя пролегала по реке Ал-

ван (Алазань) и по западной границе Албании). На юге Грузинское марзпанство граничило с марзпанством Армн», и граница эта проходила по южным окраинам бдешхства (области) Гугарка *(Арутюнян 1979: 29).* Таким образом, в сообщении «Ашхарацуйца», где говорится о том, что Картли простирается до Кавказских гор, имеются в виду именно границы Картлийского марзпанства, действительно достигавшие Главного Кавказа.

Что же касается собственно Картлийского царства, являвшегося частью Картлийского марзпанства, то армянский географ дает столь подробное его описание, что вряд ли можно усомниться в его хорошей осведомленности в данном вопросе. Всеобъемлющий анализ был проведен акад. С.Т. Еремяном, касались этого вопроса ранее и мы *(Гумба 1987)*, так что подробно останавливаться на этом не будем и ограничимся лишь описанием интересующих нас северных и северо-восточных границ Картли. Итак, на западе граница Картлийского царства совпадала с границей одноименного марзпанства и доходила на севере до местности Цона недалеко от истока Квирилы, далее она шла на восток, до северного отрога Ломийского хребта, оттуда – на юг, по Ломийскому хребту и по северной окраине Картлийской области Базалети, до реки Арагви (южнее Жинвали), затем двигалась по течению Арагви до впадения ее в Куру (см. также: *Мкртумян 1983: 26*). На севере и северо-востоке Картлийское царство граничило с другой политико-административной единицей Картлийского марзпанства Сасанидской империи – Цанарским царством. Эти две политические единицы – Картли и Цанария – входили в состав Картлийского марзпанства и находились в непосредственном вертикальном подчинении Картлийскому марзпану[14].

[14] После того как в 387 г. историческая область Великой Армении Гугарк была присоединена к созданному Картлийскому марзпанству, функции марзпана в первое время были возложены персами на бдешха (правителя) Гугарка, который стал именоваться также и бдешхом или питиашхом Картли

Естественно, границы Картлийского марзпанства нельзя путать, а тем более отождествлять с границами собственно исторической Картли, или Картлийского царства. Однако, к сожалению, в исторической литературе территорию созданного Сасанидами Картлийского марзпанства (Варджан) обычно идентифицируют именно с Картлийским царством (Д.Л. Мусхелишвили, Н.Ю. Ломоури, М. Инадзе и др.), что, как мы видели выше, не соответствует действительности.

Возможно, наблюдаемое в современной исторической литературе ошибочное отождествление Картлийского царства с Картлийским марзпанством связано с тем, что и Сасанидское марзпанство, и собственно Картлийское (Иберийское) царство официально именовались термином Варджан. В отличие от Армении, в которой царство было упразднено персами, Картлийское царство формально существовало до 532 г., хотя и находилось в подчинении у марзпана, официально именовавшегося марзпаном, или питиашхом (бдешх) Варджан. С укреплением персидской административно-территориальной единицы – марзпанства Варджан, произошла трансформация смысла, вкладывавшегося в понятие Варджан. Под страной Варджан стали понимать не собственно Иберию (Картли, или Картлийское царство), а марзпанство Варджан, куда входили Гугарк и Цанария, что, разумеется, нашло отражение в раннесредневековых источниках. Это, видимо, и вводит в заблуждение совре-

---

(Варджан). В военно-административном отношении Картлийское царство и Цанарское княжество были непосредственно подчинены бдешху (питиашху) Картли. Резиденция марзпанства Картли находилась юго-восточнее Тбилиси, в местности Бостан-Калаки (востан-город). После упразднения Картлийского царства в 523 г. вместо бдешха Гугарка роль наместника Картлийского марзпанства Сасаниды была передана уже непосредственно персидскому марзпану, который присылался из Персии. Резиденция марзпанства была перенесена из Бостан-Калаки в Тбилиси, а в Мцхета вместо упраздненной царской династии теперь сидели правители Картли, которые носили титул «мамасахлиси» *(Еремян 1935: 4; Мкртумян 1983: 53–54.)*.

менных исследователей. Между тем, совершенно очевидно, что при изучении тех или иных вопросов, касающихся исторической географии Картли периода марзпанства, нельзя путать территорию Картлийского марзпанства с территорией собственно Картлийского царства. Обязательно нужно учитывать, что термин Варджан (Картли, Иберия) в марзпанский период употреблялся в источниках в двух смыслах и обозначал как созданное Сасанидами Картлийское марзпанство, так и собственно Картлийское царство[15].

Таким образом, по «Ашхарацуйцу», этнические и политические границы Картлийского царства доходили до Жинвали, где у слияния рек Арагви и Пшавской Арагви находились Сарматские, или Цилканские ворота. Именно здесь, как было показано выше, проходили южные границы Азиатской Сарматии, отделявшие ее от Картли.

Безусловно, обозначенные выше северные границы Картли и Колхиды не всегда совпадали с южной линией Азиатской Сарматии, так как само собой разумеется, что политические границы Картли и Колхиды не были постоянными и в те или иные исторические периоды менялись. По имеющимся в нашем распоряжении материалам, установление северной границы Картли древнегрузинская историческая традиция относит к началу II в. до н. э. Связывается это, как уже было сказано, с Картлийским царем Мирваном, который построил укрепленные ворота Дарубал на границе с Дурдзукети. По-видимому, к тому времени северная этнополитическая граница Картли доходила до этих ворот, называемых Дарубал, Цилканские ворота, Сарматские

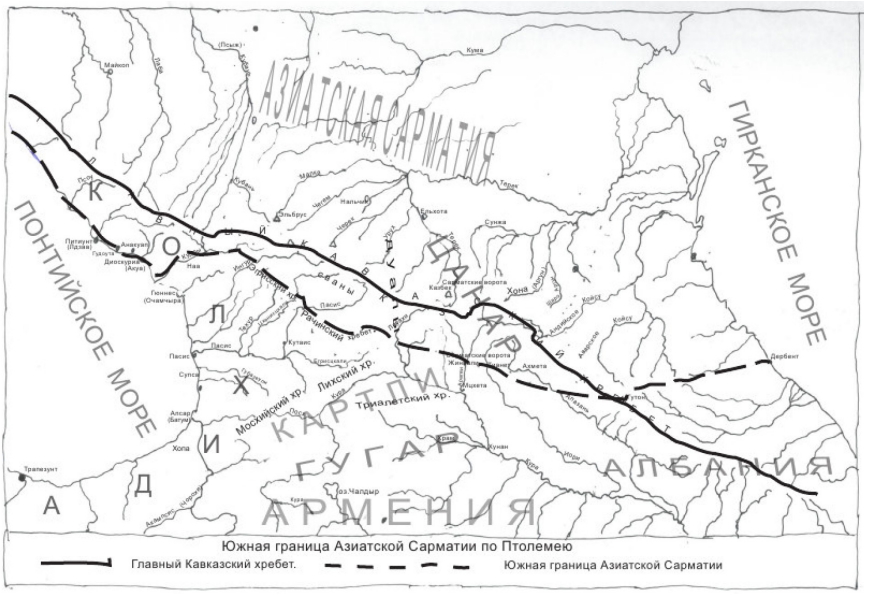
[15] Аналогичным было и положение Албанского царства, которое также было не ликвидировано, а включено в состав Албанского марзпанства (Ран). К Албанскому марзпанству были присоединены области Великой Армении на правобережье реки Куры, царство Лбинк и Прикаспийская область южнее Дербента (Чора). В связи с этим в современной литературе территорию Албанского марзпанства часто также ошибочно отождествляют с территорией собственно Албанского царства.

ворота, известных также как Укрепление Иберийской страны. Но немного позже – видимо, начиная с середины II в. до н. э., политическая граница Картлийского царства простирается уже до Главного Кавказа, о чем свидетельствует известное сообщение Страбона: «Равнину (Иберии) населяют те из иберов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни, снаряжаясь по-армянски и по-мидийски, а горную (часть) занимает воинственное большинство, в образе жизни сходное со скифами и сарматами, с которыми они находятся и в соседстве, и в родстве, впрочем, они занимаются и земледелием, и в случае какой-нибудь тревоги набирают много десятков тысяч (воинов), как из своей среды, так из тех (народов)» *(Str. XI, III, 3).*

Использование древнегреческим географом термина Иберия в собирательном политическом значении для обозначения этнически различных жителей равнины и горцев, несомненно, говорит о том, что начиная с середины II в. до н. э. Картлийскому царству удалось, видимо, распространить свое политическое влияние на горское население на территории вплоть до Главного Кавказского хребта. Однако факт применения термина Санария (Цанария) автором II в. н. э. Птолемеем для обозначения территории между Албанией, Иберией и Дарьяльскими воротами, говорит о том, что уже в то время Санария (Цанария) была политически самостоятельной и границы ее с Картли на юге проходили по укрепленным воротам (Цилканские, Сарматские, Дурдзукские) у Жинвали.

Таким образом, южная граница Азиатской Сарматии, по данным Птолемея и автора «Армянской географии», пролегала с запада на восток по Черноморскому побережью до устья реки Корак (Кодор), где сворачивала на север-восток и шла по реке Корак (Кодор) до местности Наа, затем – по вершинам Кодорского хребта до западного отрога Эгрисского хребта, а далее – на восток, по вершинам горной цепи Эгрисского и Рачинского хребтов, до северного отрога Лихского хребта, и далее по линии

Живали (Сарматские ворота) – Квел-Даба – г. Гутон на Главном Кавказском хребте – Дербент.



Источники и литература

Агатангелос: Агатангелос, История Армении. Тифлис, 1909 (на древнеарм. яз.).

Акопян 1987: Акопян А.А. Албания – Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

Амиранишвили 1928: Амиранишвили А.И. Греческие надписи музея Грузии. «Bull. du Musee de Georgie». IV.

Анания Ширакаци 1979: Анания Ширакаци. Избранные труды. Ереван, 1979 (на арм. яз.).

Арутюнян 1979: Арутюнян Б.А. Административное деление закавказских владений Сасанидского Ирана согласно труду Елишэ // В кн. «Кавказ и Византия». Вып. 1. Ереван, 1979.

Ашхарацуйц: Arsene Soucry, Geographie de Moise de Corene d' apres Ptolemee. Texte armenien, traduit en francais par le Arsene Soucry, Vinesie, 1881.

Ашхарацуйц: Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран). Ереван. Рукописи за №№ 582, 696, 1898, 1717, 3691.

Бгажба 1964: Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка (исследования и тексты). Тбилиси, 1964.

Брагвадзе, Капанадзе 2010: Брагвадзе З., Капанадзе Н. Верхняя Имерети в политическом пространстве Грузии раннего средневековья (на фоне письменных источников и археологических данных). Тбилиси, 2010.

Бутба 2001: Бутба В.Ф. Племена Западного Кавказа по «Ашхарацуйцу». Сухум, 2001.

Вагапов 1980: Вагапов Я. С. Некоторые нахские топонимы и этнонимы с корнем «А» // «Вопросы вайнахской лексики». Грозный, 1980.

Вагапов 1996: Вагапов Я.С. Проблема происхождения нахского этноса в свете данных лингвистики. // Проблемы происхождения нахских народов. Махачкала, 1966.

Воронов 1998: Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Сухум, 1998.

Гаглойти 1995: Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1995.

Гаглойти 2007: Гаглойти Ю.С. Сведения грузинских письменных источников об Осетии и осетинах. Владикавказ, 2007.

Гамрекели 1961: Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–V вв. н. э. Тбилиси, 1961.

Гумба 1987: Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу» // Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван, 1987 (на арм. яз.).

Ельницкий 1938: Ельницкий Л.А. Из исторической географии древней Колхиды. ВДИ. № 2.

Ельницкий 1961: Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М.,1961.

Еремян 1935: Еремян С. Т. Феодальное образование Картли в период марзбанства (532–627 гг.). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Л., 1935.

Еремян 1963: Еремян С.Т. Армения по «Ашхарацуйцу». Ереван (на арм. яз.).

Еремян 1964: Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии YII века» // В кн. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук». Москва (3–10 авг. 1964 г.). М., 1970. Т. 8. С. 400–409.

Еремян 1973: Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» // ИФЖ. 1973. № 3. С. 261–274 (на арм. яз.).

Еремян 1980: Еремян С.Т. Великая Армения по «Ашхарацуйцу» (карта). Ереван, 1980 (на арм. яз.)

Инал-ипа, 1976: Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухум, 1976.

Инадзе 2000: Инадзе М. Вопросы этнополитической истории древней Абхазии // Разыскания по истории Грузии и Абхазии. Тбилиси, 2000.

Кузнецов 2000: Кузнецов В. А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // В кн. «Древности Северного Кавказа». Владикавказ, 2000.

Куфтин 1949: Куфтин Б.А. Три этапа истории культурного и этнического формирования дофеодальной Абхазии // Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1.

Лайпанов, Мизиев 1993: Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.

Ломоури 1955: Ломоури Н.Ю. Клавдий Птоломей. «Географическое руководство» // Известия о Грузии. МИГК. № 82.

Ломоури 2000: Ломоури Н. Абхазия в позднеантичную и раннесредневековую эпохи // Разыскания по истории Грузии и Абхазии. Тбилиси, 2000.

Маан 2001: Маан О.В. К вопросу о племени кораксов // Тезисы докладов XLV итоговой научной сессии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии. Сухум, 2001.

Мкртумян 1983: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Мизиев 1986: Мизиев И.М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.

Мовсес Хоренаци: Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913. (на древнеарм. яз.)

Мровели Леонти: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана) / пер. с древнегруз., предисл. и комм. Г.В. Цулая. М., 1979.

Мусхелишвили 1972: Мусхелишвили Д.Л. Историческая география древней Грузии. Дисс. … д-ра ист. наук. Тбилиси, 1972 (на правах рукописи).

Мусхелишвили 1976: Мусхелишвили Д.Л. Некоторые итоги историко-географического исследования Грузии // «Разыскания по истории Грузии и Кавказа». Тбилиси., 1976

Николайшвили, Чихладзе 1980: Николайшвили В.В., Чихладзе В.В. Жинвальский могильник (по материалам 1974 г.) // Жинвальская экспедиция (материалы второй научной сессии). Тбилиси, 1980.

Приск Панийский: Приск Панийский. Готская история. СПб., 1861.

Скрипкин 1990: Скрипкин С.А. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов,1990.

Туаллагов 2001: Туаллагов А.А. Сарматы и аланы в IV в. до н. э. – I в. н. э. Владикавказ, 2001.

Туаллагов 2004: Туаллагов А.А. Скифы Северного Кавказа по данным письменных источников // Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов-на-Дону, 2004.

Цулая 1980: Цулая Г.В. Описание Колхиды и сведения об абхазах в армянской «Географии» VII в. // В кн. «Ономастика Кавказа». Орджоникидзе, 1980.

Clavdii Ptolemaei Geographie. T. II, Lipsiae, 1845.

Glavdii Ptolemaei Geographie. T. III, Lipsiae, 1845.

Schur W. 1923: Schur W. Die Orientpo1itik des Kaisers Nero («Klio», Beih. 15), Leipzig.

АЛАНЫ, АСЫ И ДИГОРЫ ПО «АШХАРАЦУЙЦУ»

«Ашхарацуйц», условно именуемый в научной литературе «Армянской географией VII века» (далее «Ашхарацуйц»)[1], представляет собой исключительной важности источник, который содержит уникальные сведения по исторической географии древних Армении, Грузии, Кавказской Албании, Колхиды, Абхазии и Северного Кавказа. Поразительно точное знание древней этнической карты Кавказа, обнаруживающейся в замечательном древнеармянском источнике, приковывает внимание исследователей, и любое серьезное изыскание по истории ранних этапов народов Кавказа не обходится без ссылок на него. Однако, несмотря на достаточную литературу, посвященную источниковедческому анализу «Ашхарацуйца», к настоящему времени пока немало вопросов, ждущих еще своего разрешения[2]. Так, вопрос локализации и идентичности большинства

[1] До наших дней сохранено около 60 рукописей «Ашхарацуйца», из которых 46 хранятся в Институте древних рукописей Матенадаран им. Месропа Маштоца (г. Ереван); текст сохранился в двух редакциях: кратком и пространном. В работе мы опирались на списки оригинала «Ашхарацуйца», хранящиеся в Матенадаране им. Месропа Маштоца, а также существующие издания источника, перечень которых приведен в перечне использованных источников и литературы.

[2] Датировка «Ашхарацуйца» все еще остается предметом дискуссии. Однако в настоящее время с определенной долей уверенности можно сказать, что источник содержит описание Армении и Кавказа различных временных отрезков, которые разделены учеными (С. Т. Еремян, А.А. Абраамян, Г.Б. Петросян) на три пласта. Первый, основывающийся во многом на географических и картографических трудах античных авторов, в основном Птолемея и его источниках, – вторая половина I тыс. до н. э.; второй – конец IV века н. э. (до 387 г.); третий – рубеж VI–VII вв. н. э., период, современный Ананию Ширакаци, со стороны которого сочинение было отредактировано с внесением новых данных.

упоминаемых в «Ашхарацуйце» племен Кавказа до сих пор почти не разработан, и, к сожалению, в научной литературе наблюдается произвольное толкование тех или иных сведений армянского географа, порой не имеющего ничего общего с данными самого источника. Возможно, это вызвано тем, что ученые, не владеющие армянским языком, пользовались теми или иными опубликованными отдельными списками источника на русском, французском, немецком языках, в которых присутствуют серьезные расхождения. В различных списках источника порядок изложения тех или иных абзацев не соответствует друг другу, а в некоторых и вовсе смешан. При этом на карту наносились разные наименования одного и того же племени *(Абраамян 1944: 49–50; Ширакаци 1979: 20)*. Все это, естественно, не могло не привести исследователей к противоречивым выводам.

Среди причин, обуславливающих трудность интерпретации сведений «Ашхарацуйца», следует отметить также и то, что до нас дошли лишь копии рукописей, которые подвергались со стороны переписчиков значительным искажениям и сокращениям. Источниковедческий анализ показывает, что переписчики по своему усмотрению вставляли в текст новые отрывки, а казавшиеся им сложными – сокращали; многие древние этнонимы и географические названия видоизменяли, пытаясь привести их в соответствие с новыми звучаниями, с целью сделать доступными, как они считали, для понимания современниками. Кроме того, описание племен Северного Кавказа («Азиатская Сарматия») в «Ашхарацуйце» является компиляцией различных источников, которые редакторы стремились объединить, не обращая часто достаточного внимания на их хронологические несоответствия. Поэтому, безусловно, информация «Ашхарацуйца» требует детального сопоставительного анализа сохраненных списков как для определения хронологических рамок его данных, так и для уточнения правильности передачи тех или иных этнонимов. Особенно это относится к разделу Азиатской (Кавказской) Сарматии «Ашхарацуйца», в котором многие древ-

ние названия кавказских племен и народов впервые письменно зафиксированы и сохранены до наших дней.

В описании Азиатской Сарматии выявляются два слоя: в первой воссоздана этнополитическая обстановка Азиатской Сарматии во второй половины I тыс. до н.э.; во втором – ситуация раннего средневековья (V–VII вв.) *(Гумба 1987$_1$: 56–58)*. В интересующем нас втором слое автор «Ашхарацуйца», обрисовав этническую карту Северо-Западного Кавказа и Абхазии, приступает к перечислению племен и народов, расположенных в пределах Азиатской Сарматии по северной и южной стороне Главного Кавказского хребта на Центральном Кавказе[3]. Исследователи отмечают, что данный раздел «Ашхарацуйца» является весьма насыщенным, а локализация, упоминаемых здесь народов – наиболее сложной[4]. Забегая вперед, скажем, что, помимо вышеуказанных причин, главным образом это вызвано тем, что второй слой данного раздела источника, отражающий

---

[3] По физическо-географическому строению к Центральному Кавказу обычно относят территорию по обоим склонам Главного Кавказского хребта, условно ограниченной на северо-западе Эльбрусом, на юго-востоке Казбеком и тесниной реки Терек. Но под понятием Центральный Кавказ мы подразумеваем не столько физико-географическую, сколько древнюю историко-этнографическую область, расположенную, согласно греко-латинским, армянским и грузинским источникам, по обоим склонам Главного Кавказа от Приэльбрусья и верховья Ингура на северо-западе до Андийского хребта и горы Гутон на юго-востоке; на юге пределы Центрального Кавказа ограничиваются южной границей Азиатской Сарматии, простирающейся от западного отрога Эгрисского хребта, далее – на юго-восток по вершинам Эгрисского и Рачинского хребтов, по северному отрогу Лихского хребта – Жинвали (Сарматские ворота у слияния Черной Арагви и Белой Арагви) – Квел-Даба – гора Гутон на Главном Кавказе (см.: *Гумба 2004*).

[4] Вопросы локализации упоминаемых в этом разделе племен и народов рассматривались многими исследователями, это – К.П. Патканов *(Патканов 1883)*, Й. Маркварт (Marquart 1903: 169–172), С.Т. Еремян 1970: 400 – 409; 1973: 261–274), Р.Х. Хьюссен *(Hewsen 1992*), А.Б. Гадло *(Гадло 1979)*, Ю.С. Гаглоев *(Гаглоев 1966)*, В.А. Кузнецов *(Кузнецов 2000)*, К. Цукерман *(Цукерман 2005)* и др.

этническую карту Центрального Кавказа раннего средневековья, состоит, в свою очередь, из трех наложенных пластов. Выявленные пласты условно разделены нами на **А**, **Б** и **В** [5].

Пласт **А**

«Sarmatia3i (bnakc0f30nu) ty[adrw0m e hyt9al kyrp; Ar9m0tqix ar9ylq na6 (apr0m y) A]-Tigor alanakan xy[u, nranix haraw hamaty[bnakw0m yn !yb0rnyru, Q0fytnyru, Argwylnyru kam Margwylnyru 9 Sk30minyru kam Fak03rnyru; Alannyrn apr0m yn Digornyrix a3n ko[mu, Kowkas3an ly5nyri Ardoz yrkramas0m; A3sty[ix e hos0m Armn gytu, oru, gnalow dypi h30sis undar2akawal da]ti mi\ow, 6a5nw0m e Afl gytin;	«...(Население) Сарматии расположено следующим образом. С запада на восток в начале (живет) Аланский народ Аш-Тигор[6], на юге от них рядом проживают Хебуры, Кутеты, Аргвелы или Маргвелы и Такуиры или Скюмы. По ту сторону за Дигорами, в крае Ардоз Кавказских гор живут Аланы. Отсюда течет река Армн, которая, направляясь на север, через безбрежные равнины, соединяется с рекой Атл.

Пласт **Б**.

N03n ly5nyri wra apr0m yn Ardoznyru, isk nranxix a3s ko[m< %a8annyru (Da8anyru), &i6o3mnyru, Asw0rnyru, D0alnyru, !onqyru 9 &anarnyru, oronq mot gtnw0m e Alannyru d05u, incpys 9 m30s d05u, oru kocw0m e &ilqan< a3nty[apro[haman0n &ilqan xy[i an0now; Apa galis yn F0]yru, !0n2yru;	В тех же [Кавказских] горах живут Ардозы, а по эту сторону от них – Рачаны (Дачаны), Цихоимы, Авсуры, Дуалы, Хоны и Цанары, у которых находится Аланские ворота, как и другие ворота, называемые Цилкан, по имени проживающего там племени Цилкан. Затем Туши, Хундзы.

[5] Текст основан на критическом издании «Ашхарацуйца» *(Ширакаци, 1979)* и сопоставительного анализа древнейшей группы оригинала, хранящегося в Матенадаране.

[6] Во многих списках древнейшей группы оригинала источника: «Аланы – Аш-Тигор».

Пласт **В.**

Apa mardakyr Q0styru, X6awatnyru, G0damakarnyru, D0r20knyru, Dido3nyru, Lykyru, Tapasarnnyru...» («Ашхарацуйц», №№ 582, 696, 1898, 1717, 3691, 1459; Ширакаци, 1979, 287; Soucry, 1881, 27)	Затем Кусты людоеды, Цховаты, Гудамакары, Дурзуки, Дидойцы, Леки, Тапасары ...».

Исследователи[7], опиравшиеся на издания «Ашхарацуйца» К.П. Патканова, Г. Хьюссена, С.Т. Еремяна, основанных на отдельных рукописях источника, где аланы отделены от аш-тигоров («племя алан, аш-тигоры»), рассматривают данное сообщение как указание армянского географа на два отдельные племени. В связи с чем в научной литературе принято считать, что в данном сообщении «Ашхарацуйца» речь идет о двух различных племенных группах – «аланах и асодигорах» *(Кузнецов 2000: 175)*. Однако это суждение опирается на неправильных, вернее не аутентичных оригиналу опубликованные переводы отдельных списков «Ашхарацуйца»[8]. В большинстве сохранившихся

[7] Мы намеренно не останавливаемся на детальном анализе существующих точек зрения в научной литературе по поводу локализации и отождествлении перечисленных в данном отрывке племен, они даны в работе В.И. Кузнецова (*Кузнецов 2000: 174–176,* там же см. сводку литературы).

[8] К сожалению, недоступность оригинала источника сказалась и на работах В.И. Кузнецова *(2000: 173-176)*, К. Цукермана *(2005: 65–82)*. Разработку вопросов локализации племен данного отрывка источника авторы строят изначально на неверной источниковедческой базе, что привело их к ошибочным выводам. Так, неправомерное выделение аш-тигоров от Западно-Аланского объединения вызвало неоправданное смещение асов (аш-тигоров) и дигоров к востоку от Терека и отождествление их с Восточно-Аланским объединением, что противоречит тексту «Ашхарацуйца». Вместе с тем прекрасное знание этнополитической ситуации раннесредневекового Северного Кавказа позволило В.И. Кузнецову сделать ряд совершенно убедительных выводов, в частности, об отражении в «Ашхарацуйце» двух аланских политических объединений племен на Северном Кавказе в раннем средневековье.

списков, в том числе и древнейшей группы оригинала источника, написано – «Аланский народ//племя Аш-Тигор», или «Аланы Аш-Тигор», и говорить о двух племенах – аланах и аштигорах, отделяя их друг от друга, совершенно неправомерно.

В сообщении «Ашхарацуйца» действительно говорится о двух племенах – ашах (асах) и дигорах, входивших в одно политическое образование, называемое армянским географом общим собирательным именем Аланы («Аланы Аш-Тигор»). Об этом свидетельствует также и название Аш-Тигор, в котором следует видеть характерное для древних авторов, в том числе и для армянского географа (напр. «Parska-Наɜq» – «Персо-Армения», т.е. «Персидская Армения»), указание на политическую зависимость, точнее, вхождение части дигоров в политическое объединение, возглавляемое асами («Асская Дигория»).

Это политическое объединение охватывало территорию Верхней Кубани, Пятигорья и Балкарии, а также южный склон Главного Кавказа у истоков Кодора и было известно византийским авторам как Алания. Использование армянским географом для обозначения этого объединения, наряду с названием Алания, термина «Аш-Тигор» («Асская Дигория») свидетельствует, несомненно, о политическом господстве в ней племени асов. Естественно, этническое имя господствовавшего племени – асы (ашы) приобретало также и политическое значение.

Поэтому автор «Ашхарацуйца», следуя своему принципу, передает существовавшие к тому времени параллельные названия этого объединения – Алан и Ас (Ас-дигор). Оба эти термины равнозначны и применяются в армянском источнике в собирательном смысле для обозначения существовавшего в раннем средневековье политического объединения племен западной части Центрального Кавказа. При этом, говоря о равнозначности этих терминов, следует подчеркнуть, что речь идет не об этническом тождестве алан и асов, а об употреблении этнони-

мов «алан» и «асы» в качестве полиэтонимов для обозначения Западно-аланского политического объединения[9].

Локализация асов армянским географом согласуется и с грузинской исторической традицией, согласно которой опси//овси первоначально населяли территорию западной части Центрального Кавказа – от верховья Кубани до Терека *(Мровели: 23)*. Косвенным подтверждением этому может служить и происхождение грузинского термина «опси//овси». По мнению В.И. Абаева *(Абаев 1949: т. 1, 80)*, грузинское ousi вряд ли имеет какое-либо отношение к античным ас и ас-ам, яс-ам древнерусских источников. Вероятно, следует согласиться с существующим в научной литературе мнением, согласно которому форма опси (овси) не что иное, как грузинская передача абхазского названия осетин − а-уапс (букв.: «рыжые, светлые люди») *(Кварчия 1982: 48)*. Нет сомнения в том, что древние абхазы называли соприкасавшихся с ними на Кавказе представителей ираноязычных племен уапс («светлые, рыжие люди») действительно по их внешнему облику. Так, Аммиан Марцеллин свидетельствует, что «почти все аланы высоки ростом и красивы, с умеренно белокурыми волосами» *(Аммиан Марцеллин: XXXI, 2, 21)*. Персидский

[9] Для обоснования своего мнения о локализации асов (ас-дигоров) «Ашхарацйуйца» к востоку от верхнего течения Терека и отождествления их с Восточно-аланским объединением К. Цукерман ссылается на сведения «Книги церемоний византийского двора» (946 г.) Константина VII Багрянородного об «архонтах Азии» *(Цукерман 2005: 66)*. Дошедший до нас в искаженном виде текст «Книги церемоний» К. Цукерман реконструирует: «Архонтам Азии, которые располагаются между Аланией и Цанарией, в месте, где находятся Каспийские ворота» (Дарьяльские ворота)». Однако если и принять предлагаемое К. Цукерманом чтение византийского текста, то, во-первых, отпадает отождествление асов (ас-дигоров) с Восточно-аланским объединением. Во-вторых, сведения «Книги церемоний» отражают этнополитическую ситуацию X в., и проецировать ее ко времени отображаемой в «Ашхарацуйце» (V–VII вв.) означало бы отрицание каких-либо этнических и политических изменений на Северном Кавказе за 300–400 лет, что, конечно, было бы неправомерным (см. также ниже).

автор Ибн Русте политически господствовавшее племя Алании называет Дхсас, наименование которое восстанавливается как «Рухс-Ас» – «светлые асы» *(Минорский 1963: 221; Кузнецов 2000: 171)*. Как справедливо отмечает В.Е. Кварчия *(Кварчия 1982: 48),* абхазское название осетин было усвоено грузинами в силу того, что осетины в прошлом раньше оказались в западных районах Центрального Кавказа, в непосредственном соседстве с Абхазией.

Помимо той части дигоров, входивших в Аланское объединение Ас-Дигоры, армянский географ в том же отрывке отдельно называет дигор, которых он четко отделяет как от Западно-аланского объединения, так и от алан, живущих в крае Ардоз («Аланы живут по ту сторону за Дигорами, в крае Ардоз Кавказских гор»)[10]. Месторасположение дигоров «Ашхарацуйца», между аланами аш-тигор и аланами в крае Ардоз, довольно прозрачное – это Дигорское ущелье, бассейны рек Уруха и Черека.

Далее на востоке дигоры граничат с аланами, проживающими в крае Ардоз. Здесь необходимо подчеркнуть, что «край Ардоз» (в некоторых рукописях источника – Da]t i Ardoz, т.е. «Ардозская равнина»), размещаемый армянским географом «за дигорами», это не район у истоков Терека, как это предполагает И. Маркварт *(Marquart, 1961: 171),* а вслед за ним и В.А. Кузнецов *(Кузнецов 2000: 176),* а долина Терека у выхода из Дигорского ущелья[11]. Из данного текста источника не следует, что область

---

[10] К. Цукерман из данного отрывка почему-то вычленяет фразу «живут Аланы» и произвольно реконструирует текст, по которому дигоры вдруг неожиданно оказываются жителями страны Ардоз: «Дальше (en yer) находятся dikori(n) из страны Ардоз в горах Кавказа, откуда берет начало река Arm(n)» *(Цукерман 2005: 75)*, что совершенно не соответствует оригинальному тексту источника и, естественно, не может быть приемлемо.

[11] В.А. Кузнецов, опираясь на перевод «Ашхарацуйца» И. Марквартa: «Такойр есть Аланы в Дикор, стране Ардоз Кавказских гор, откуда течет река Армн» *(Marquart 1961: 170),* тем самым, по неволе оказавшись заложником неверного перевода, приходит к совершенно противоречащему дан-

Ардоз находится у истоков Терека, тем более истоков Армхи, а речь идет о том, что река Армн течет по области Ардоз.

Кроме того, по «Ашхарацуйцу» Аланское объединение не охватывало земли у истоков Терека, так как территория, начиная от В. Ларса, включая также район истока Терека до Жинвани на юге, входила в состав Цанарии (см. также: *Еремян 1973: 267; 1979, карта*).

Край Ардоз (по-осетински «равнинное место») – это, как справедливо отмечает А.В. Гадло *(Гадло 1979: 165)* – «весь район низменности, орошаемый Тереком, до его поворота на северо-восток ниже впадения р. Сунжи». В сообщении «Ашхарацуйца»: Аланы в крае Ардоз Кавказских гор – это, несомненно, объединение племен восточной части Центрального Кавказа, называемое собирательным именем Аланы. Территория Восточно-аланского объединения простиралась от бассейна Терека на западе до среднего течения Аргун на востоке, включая в себя и предгорные части Кавказа *(Кузнецов 2000: 170, 176)*.

Далее, на юге от указанных двух Аланских объединений племен Северного Кавказа и дигоров, по соседству между собой размещаются хебуры, кутеты, аргвелы и такуйры. По вопросу идентификации хебуров, достаточно уверенно можно согласиться с К.П. Патрановым *(Патканов 1883: 30)* и В.А. Кузнецовым *(Кузнецов 2000: 75)*, отождествляющих их с хевсурами, локализуемыми восточнее Дарьяльского ущелья, в горах современной

ным источника выводу, что «такуйры есть подразделение алан, занимающее «страну Ардоз» (осет. «ардуз» – поляна) в Кавказских горах близ истоков реки Армна» *(Кузнецов 2000: 176)*. Помимо того, что ни в одном из списков «Ашхарацуйца» нами не найден такой текст, нет его и в венецианском издании мхитариста А. Сукри (Soykri), откуда сделан перевод И. Маркварта. Кроме того, русский перевод интересующего нас отрывка источника именно по указанному изданию А. Сукри опубликован Патрановым: «За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Армн...» *(Патканов 1883: 30)*. Чем было вызвано такое искажение данного отрывка источника в издании И. Маркварта, остается загадкой.

Восточной Грузии. Кутеты убедительно отождествляются с кударами и локализуются севернее истоков Квирилы и верховья Джеджоры *(Еремян 1970: 406; 1973: 265; Hewsen 1992: 115; Кузнецов 2000: 175).*

Что касается этнонима «аргвелк», то его отождествление с областью Аргвет, расположенной между р. Квирила и Лихским хребтом, с центром в Шорапани, как бы это не казалось привлекательным, кажется неприемлемым ввиду того, что по «Ашхарацуйцу» она находится за пределами Азиатской Сарматии[12]. Более обоснованным представляется мнение В.А. Кузнецова *(Кузнецов 1984: 148−149; 2000: 177),* согласно которому аргвелы «Ашхарацуйца» сопоставляются с племенем или народностью арг, оставивших свой след в осетинском фольклоре («народ арги») и топонимике между современными городами Грозный и Нальчик (см. также: *Цагаева 1975: 547*). Выглядит вполне убедительно и то, что арги – это одно из древних вайнахских племен, обитавших здесь до прихода ираноязычных племен и сыгравших затем роль этнолингвистического субстрата в сложении осетинского народа *(Кузнецов 1984: 149).*

Область Такуйр, Таквор – древнегрузинских источников, с одноименным центром, надежно локализуется в местах между южным подножием Лечхумского хребта и р. Риони[13]. Этот топоним встречается также в письме Анастасия Апокрисиария, товарища по ссылке Максима Исповедника, иерусалимскому монаху Феодосию Гангрскому. Он повествует, что в августе 662

[12] Область Аргвети являлась составной частью Картлийского царства, что и отражено в «Ашхарацуйце» при описании Картли (Вирк): «На севере Великой реки Куры, напротив области Тав, находятся Аргветские горы с одноименной областью» *(«Ашхарацуйц»: 37).*

[13] Перенесение такуйр «Ашхарацуйца» на Северный Кавказ, в район истока Терека (И. Маркварт, В.А. Кузнецов) вызвано, видимо, ошибочным переводом рассматриваемого текста источника (см. выше). Вместе с тем предположение указанных ученых о сопоставление такуйр с тагаурами, безусловно, не лишено оснований.

г. был переведен в крепость в Такирия *(Бриллиантов 1917: 7).* Прокопий Кесарийский *(VIII, 2)* называет эту область Скимниа, название которого «со сванским префиксом «ле» сохранилось в названии горной области нынешней Западной Грузии – Лечхуми *(Меликишвили 1959: 184–185).* Термины Такуйр (Таквор) и Скюмиа представляют собой разные названия одной и той же области, позднее они полностью вытесняются из употребления названием Лечхуми, производным от Скюмиа[14]. Армянский географ передает существовавшие в раннем средневековье оба названия: Такуйр и Скюмия (Скимниа).

Таким образом, вышеприведенный текст «Ашхарацуйца», условно названный нами пласт А, охватывает южные и северные стороны всего Центрального Кавказа. Перечисление племен северной части Главного Кавказа начинается с запада на восток – Аланы Аш-Тигоры, Тигоры, Аланы, а южнее от них – хебуры (хевсуры), кутеты (кудеты, кударо), аргвелы и такуйры, перечисление которых идет уже с востока на запад.

В источнике отражена Аланская «конфедерация» Северного Кавказа раннего средневековья (VI–VII вв.), состоявшая из двух объединений или групп – Западно-аланской (или Асской, Аш-Тигор) и Восточно-аланской (Ардоз). За пределами этих Аланских политических объединений находятся дигоры, аргвелы, хевсуры, кутеты и такуйры.

В следующем абзаце (пласт **Б**) первыми называются ардозы («народ ардоз» в 23 рукописях). Как видно, если в предыдущем пласте термин «Ардоз» применяется в географическом значении, в названии страны (края), где проживают аланы, то здесь уже употребляется в качестве этнонима. Отсюда, учитывая, что в пласте **А** край Ардоз является страной аланов, то естествен-

[14] Вместе с Рачией Таквор (Лечхуми) составлял одну из административных единиц средневекового Абхазского государства, и в раннесредневековых источниках она называется Рача-Лечхуми, или Рача-Таквори *(Анчабадзе 1959: 85).*

ным будет предположить, что в пласте **Б** название Ардоз употребляется в обозначении населения Восточно-Аланского объединения и выступает синонимом термина «Аланы» пласта **А**.

Рачаны – это, безусловно, жители области Рачии в верховьях Риона. За отсутствием каких-либо дополнительных данных не поддаются локализации дачаны. Но, судя по грузинской фамилии «Дочанишвили», следует, видимо, согласиться с Г.А. Меликишвили *(1959: 294)*, что дачаны, «вероятно, одно из небольших горских племен, полностью или частично слившееся с грузинскими племенами»[15].

Цехойк (варианты: Цхимк, Цхоимк), по-видимому, та же область, что и Схимар, упоминаемая в письме Анастасия Апокрисиария *(Бриллиантов 1917: 7)*, которая была расположена на северном склоне Рачинского хребта. Дуалы//туалы занимали территорию по обе стороны Главного кавказского хребта: земли между верховьями рек Риони и Ксани, бассейны рек Б. и М. Лиахви до области Ачабет, севернее совр. Цхинвали – на южной стороне Главного Кавказа и весь Наро-Мамисонский регион (Туалгом – букв. «Туальское ущелье» на осетинском), на северной *(Гамрекели 1961: 34; Гаглойти 1995: 38–39)*.

В названии асвур (авсур) перед нами грузинское название ираноязычных племен – опси, овси. Согласно грузинской исторической традиции овси//опси не относятся к кругу кавказских аборигенов, а являются потомками пришлых скифо-сарматских племен, которые первоначально осели на территории западной части Центрального Кавказа от верховьев Кубани до реки Терека. В грузинских источниках термин «опси»//«овси» употребляется собирательным, общим наименованием ираноязычных племен Северного Кавказа античного и раннесредневекового

[15] При этом, учитывая некоторую схожесть написания армянских букв Р (%) и Д (D) и то, что термин «дачанк» фигурирует не во всех рукописях источника, нельзя исключать ошибку со стороны того или иного переписчика – передачу термина Рачан как Дачан.

периодов и является в этом отношении синонимом термина «аланы» античных и византийских источников.

Поэтому в связи с тем, что в «Ашхарацуйце» отражена ситуация Северного Кавказа в раннем средневековье, когда здесь существовали два политических объединения, известных как Аланские (Западное и Восточное), весьма сложно определить, какое из этих Аланских объединений армянский географ обозначает грузинским термином «авсур», и в специальной литературе по этому вопросу существуют противоречивые мнения. Однако он снимается, если принять во внимание то, что в рассматриваемом пласте **Б**, где названы авсуры, Восточно-аланское объединение упоминается под именем Ардоз, и отсутствует Западно-аланское объединение. Отсюда становится очевидным, что армянский географ термином Авсур (овси) обозначает именно Западно-аланское объединение Ас-Дигор пласта **А**.

В «Ашхарацуйце» хоны упомянуты дважды – в центральном районе Кавказа, среди племен бесспорно кавказского происхождения, и на северо-западном берегу Каспийского моря, в Дагестане – «Хонское царство» I hivsiso3 nora fagavor0fivn Honax h0p i 7ow» «… К северу от него (Дербендские ворота. – *Г. Г.*) у самого моря [находится] царство hонов» («Ашхарацуйц» № 582; Soucry 1881: 27). Здесь следует обратить внимание на ту существенную деталь, что если во всех рукописях «Ашхарацуйца» название гуннского царства в Прикаспии передается в форме «hон» (hon), то в отношении хонов Центрального Кавказа, в четырех древнейших рукописях, в том числе и в наиболее лучше сохранившемся – № 582, присутствует форма «хон» (6on).

Данный факт не позволяет рассматривать сообщения «Ашхарацуйца» о хонах Центрального Кавказа и Прикаспия как результат наслоения в тексте источника сведений разных времен об одном и том же племени или отнести их к случайным повторениям. Это свидетельствует о том, что автору «Ашхарацуйца» на Кавказе были известны два этнически различных племени,

которых он называет также разными именами – это хоны (!onq) на Центральном Кавказе и hоны (Honq) (hонское царство) на северо-западном берегу Каспийского моря.

Известно, что на Северо-западном Прикаспии в VI–VII веках н.э. на местной, дагестанской этнокультурной основе тюркоязычные гунны-савиры образовали гуннское царство Сувар. В арабских источниках это царство известно под названием Джидан, а в армянских, в данном случае в «Ашхарацуйце», – как «Хонское царство».

Что касается хонов центральной части Кавказа, то по «Ашхарацуйцу» они занимают территорию по обеим сторонам Главного Кавказа – от Дарьяльского ущелья до Тушетии и Дагестана (хундзы). Историчность кавказских хонов в этих местах подтверждается сохранившимся до наших дней имени этого народа в топонимах и гидронимах на южной и на северной стороне Главного Кавказского хребта к востоку от Дарьяла: это местность Хоной на берегу реки Армхой, притока Терека, где проживала ингушская родоплеменная группа хоной (хон-ой); местность Хоне в верховьях реки Арагви, гора Хон и местность Хонис-чали в Хевсуретии, река Хон, так называют верховье реки Чанты-Аргун тушины *(Klaproth 1814: 47; Волкова 1973: 65; Гумба 1987*$_2$*).*

Хоны в этих местах засвидетельствованы также и в грузинском письменном источнике XIII века среди перечня племен вайнахского происхождения – хунаги («...кисты, хунаги, тушины...») *(Гос. музей Грузии, л. 10-В -II (XIII в.).* В названии хунаги (хун-(а)ги), компонент «ги» является вайнахским послелогом, указывающим на направление. Трудно сомневаться в том, что, как в армянском, так и в грузинском источниках речь идет об одном и том же племени хон. Примечательно, что в грузинском источнике хоны (хуны) названы между кистинами и тушинами, т.е. в тех местах, где присутствуют топонимы и гидронимы на хон, что совпадает с локализацией хонов «Ашхарацуйца». Таким

образом, сведения письменных источников о хонах в центральных районах Кавказа получают действительные подтверждения как в сохранившейся топонимике в этих местах, так и в лице нахской (ингушской) родоплеменной группы хонов.

По «Ашхарацуйцу» Цанария охватывала территорию начиная от Цилканских ворот с юга у населенного пункта Жинвали («Цилканские ворота») и оканчивалась севернее Дарьяльских ворот у ст. Ларс (совр. Северная Осетия). В пределы Цанарии включены Аланские (Дарьяльские) и Цилканские ворота. Целканские ворота, соответствующие южным Сарматским воротам Птолемея, находились в районе слияния Гудамакарской и Пшавской Арагви, недалеко от местности Жинвали и служили пограничной линией, разделявшей Азиатскую Сарматию от Картли. Здесь же по ущелью Арагви – от Ананури до Жинвали, проживали цилканы (или циканы), упоминаемые здесь также и древнегрузинскими источниками *(«Обращение Грузии» 1989: 27)*.

Территория расселения цилкан (цикан) в более ранние периоды, видимо, простиралась намного южнее, так как древнегрузинским источникам в этих местах известны Цилканские горы, Цилканская дорога *(Летопись Картли 1982: 74–75)*. Сообщение автора «Ашхарацуйца» о нахождении обоих ворот – Дарьяльских (Аланские) и Целканских (Сарматские), в пределах Цанарии объясняется тем, что в данном отрывке источника отражено сложившееся политико-административное деление Восточного Закавказья в период господства здесь Сасанидского Ирана. В этот период Цанария была выделена в отдельную политико-административную единицу в составе кустака Кап-Кох (Кавказский край) Сасанидской империи, а на правителя Цанарии сасанидами была возложена охрана Главного Кавказского прохода – Дарьяльского ущелья (см.: *Мкртумян 1983: 45–47; Гумба 1987$_2$: 35*)

Туши занимали территорию верховья Алазани и Иори, примыкая на северо-западе к хонам, а с юга они граничили с Алба-

нией. Далее названы хундзы, которые проживали к востоку от тушин, на той стороне Главного Кавказа, в верховьях Аварского Койсу (Хундзахский район Дагестана).

Таким образом, в пласте **Б** вновь мы видим описание всей центральной части Кавказа (южная и северная сторона Главного Кавказа) − от Приэльбрусья до Дагестана (Хундзах). Восточно-аланское объединение пласта **А** выступает под именем Ардозы, а Западно-аланского объединение Аш-Тигоры пласта **А** – под названием Авсуры.

Затем текст (пласт **В**) вновь возвращает нас на запад, и перечисляются племена с запада на восток, но уже от Дарьяльского ущелья до Дагестана: кусты, цхаваты, гудамакары, дурдзуки и далее опять дагестанские народы дидойнеры, леки и др.

Кусты отождествляются правомерно с нахскими кистинами. В грузинских источниках так именуют жителей Армхинской (Джейрахавской) долины, и река Армхи по-грузински носит название Кистинки. Термин «кистины» в грузинских источниках часто имел собирательное значение, употребляясь в обозначении всех чеченцев и ингушей *(Шавхелишвили 1963: 39)*. Учитывая, что в данном абзаце названы дурдзуки (грузинское общее название чеченцев и ингушей), правомерным будет, наверное, предположить, что в «Ашхарацуйце» термин «кистины» употребляется в обозначении населения, проживавшего восточнее Дарьяльского ущелья до верховьев Хон-Аргуна (Чанты-Аргун). В данном случае термин «кустк» (кистины) покрывает территорию хевсур пласта **А** и часть территории хонов пласта **Б**.

Цховат «Ашхарацуйца» проявляет очевидное сходство с названием местности Цхавати недалеко от Чарталети в верховьях Арагви. Однако, учитывая, что в верховьях Арагви локализуются называемые в этом пласте (**В**) гудамакары, видимо, следует считать более правомерным предложенное В.Б. Виноградовым и К.З. Чокаевым отождествление Цхават «Ашхарацуйца»

с местностью Цовата в Горной Тушетии *(Виноградов, Чокаев 1966: 77)*.

В древнегрузинских источниках термином Дурдзук обозначается нахское население между Дидоэт-Дагестаном на востоке и ущельем р. Терек на западе. Однако, по данным «Ашхарацуйца», дурдзуков следует локализовать к востоку и северо-востоку от кистинов до Андийского хребта. Далее уже называются дидойцы, локализуемые на восточной стороне Андийского хребта, в верховьях Андийского Койсу, а также их соседи леки (лаки) и другие дагестанские народы[16].

Итак, в описании Центрального Кавказа раннесредневекового периода (второй слой) в «Ашхарацуйце» налагаются три пласта, условно обозначенные нами – **А, Б** и **В**. В данной работе в нашу задачу не входит определение хронологических рамок этих пластов. Впрочем, возможно, эти пласты отражают не столько разные хронологические периоды, сколько являются результатом компиляции сведений разнообразных источников (письменные и устные). Об этом может свидетельствовать параллельное упоминание нескольких названий одного и того же народа.

При этом следует подчеркнуть, что упоминание в «Ашхарацуйце» в районах Центрального Кавказа названий более двух десятков народов и племен вовсе не является показателем их множественности и разноязычности, как это часто изображается в научной литературе. Это результат как наложения трех пластов, так и отражения в источнике разных наименований одних и тех же народов, которыми они были известны своим соседям.

---

[16] В «Ашхарацуйце» упоминаются также похи, пасхи, пусхи – различные наименования вайнахской этнической группы – пшавов, проживавших на южных склонах Главного Кавказа, восточнее Дарьяльского ущелья, но они в тексте перемещены в глубь Дагестана и перечислены среди дагестанских племен.

«Ашхарацуйц» является единственным раннесредневековым источником, в котором впервые нашла свое отражение большая часть вышеперечисленных этнонимов. Ряд из них находят свое реальное подтверждение в современной этнонимике народов Кавказа. Однако этническое содержание этих названий, конечно, на протяжении полутора тысячелетий могло измениться. Если тот или иной этноним сегодня употребляется для обозначения конкретного народа, то это автоматически не может, конечно, служить аргументом того, что и в древнюю эпоху он обозначал именно этот этнос.

Объяснения названия племени на том или ином языке, безусловно, также не всегда означает принадлежность племени к носителем этого языка, ибо свое название она могло получить от соседнего, этнически не родственного населения. Для определения этнического содержания, помимо сходства этнонимов, необходимы, несомненно, доказательства совокупных данных. Поэтому предлагаемая ниже этническая идентификация упоминаемых в «Ашхарацуйце» племен, естественно, не претендует на окончательное решение данной проблемы, а имеет лишь характер предположений.

В «Ашхарацуйце» термин «алан» (пласт **А**) употребляется в собирательном смысле, в обозначении существовавших в раннем средневековье двух политических объединений племен Северного Кавказа: Западно-аланское («Аланы аш-тигор») и Восточно-аланское («Аланы в крае Ардоз»). В пласте **Б** для обозначения Восточно-аланского объединения племен употребляется термин Ардоз, а для Западно-аланского – Авсур (асы). Оба политических образования Северного Кавказа, известных в источниках как Алания, являлись гетерогенными, куда входили ираноязычные и аборигенные кавказские племена *(Кузнецов 2000: 176)*.

Помимо узко-этнического, собирательный характер термина «Алан», включавшего в себя как ираноязычных, так и абориген-

ных кавказских племен, принимается почти всеми исследователями. В то же время выглядит довольно парадоксальным то, что при реконструкции этнополитической истории Алании уделяется недостаточное внимание, а порой практически игнорируются роль и значение в ней собственно аборигенных племен Северного Кавказа. Исследователи ограничиваются в основном лишь констатацией неоспоримого факта наличия здесь каких-то аборигенных племен. Как совершенно справедливо отмечает В.А. Кузнецов, «это свидетельствует о невнимании исследователей к аборигенно-субстратному пласту населения средневекового Кавказа в противовес увлечению историей степных мигрантов скифов, сарматов, алан» *(Кузнецов 2000: 175).*

В научной литературе превалирует мнение, что, судя по названию самой страны (Алания), доминирующим этническим слоем в Аланском политическом объединении являлся иранский этнический элемент *(Гаглоев 1967; Гаглойти 1995)*, с чем трудно согласиться. Во-первых, не может служить убедительным аргументом употребление в политическом значении термина «Аланы» для обозначения населения Центрального Кавказа, так как хорошо известно, что довольно часто название господствующего племени распространялось и на другие, этнически неоднородные племена, многократно превосходящие в количественном отношении[17].

[17] При этом следует иметь в виду, что вопросы происхождения и этнического содержания самого термина «аланы» в древности до сих пор остаются неясными и все еще нуждаются в разработке. Согласно М. Фасмеру *(Vasmer 1923: 25),* И. Маркварту *(Marquart 1930: 83),* Абаеву *(Абаев 1949: 47),* аланы − это пришлые на Северный Кавказ ираноязычные племена, прямые предки осетин, и имя «алан» происходит от древнеиранского ариана («арийский») или авестийского айриана, древнеиндийского ариа. Однако Л. Згуста обратил внимание на тот факт, что имя «алан» имеет в письменных источниках и фонетический вариант − «алавн», который из иранских языков объяснить невозможно *(Zgusta 1955: 264).* По мнению Я.С. Вагапова *(1990, 16–17),* имя «алан» – это нахское слово и состоит из нахского «алие» (али, алуо) − «река» и словообразовательного суффикса «н» и «обозначает жителей побережья

Во-вторых, такое заключение не вяжется с имеющимися материалами. Так, по археологическим данным, узколицые и долихокранные иранские племена, за время пребывания на Кавказе ассимилировавшись с местным населением, «становятся все более широколицыми и круглоголовыми, в конце концов, представляя в наше время в лице осетин образец так называемого «кавкасионского» антропологического типа» *(Алексеев, Беслекоева, 1963, 120; Абдушелишвили, 1967, 126-127; Алексеев, 1974, 198–199; Кузнецов, 1984, 147).* Вряд ли местные аборигенные племена, будь они малочисленны, смогли передать свой физический облик пришлым ираноязычным племенам, скорее, было бы наоборот. Сохранение антропологического типа местных племен и переход пришлых иранских племен на «кавкасионский» свидетельствуют, безусловно, о значительном доминировании этнического слоя именно древнего аборигенного населения Кавказа.

Переход определенной части местного населения на иранский язык также не служит серьезным аргументом в пользу тезиса о доминировании и господстве иранского этнического элемента на Северном Кавказе в раннем средневековье. По мнению специалистов-языковедов, численное превосходство или установление господства над местным населением пришлой этнической общностью в древности не являлись причиной распространения языка последних, а полное вытеснение местного населения или насаждения своего языка среди завоеванного населения исторически не подтверждаются *(Дьяконов 198: 5−10).*

Археологический материал как раз свидетельствует о весьма незначительной инфильтрации ираноязычных племен на Цен-

---

реки или долины, низины *(Вагапов 1990: 16–17).* Сравните кистино-бацбийское названия долины реки Алазань − Олана, Ални, в последнем из которых гласный второго слога выпал». Следует также отметить мнение известного специалиста востоковеда В.В. Струве о том, что термин «арии» восходит к названию неиндоевропейских хурритских народов.

тральный Кавказ на рубеже нашей эры *(Кузнецов 1984: 11)*, и, надо полагать, что в I тыс. н. э. основная часть местного аборигенного населения Центрального Кавказа продолжала оставаться на своей территории, доминируя в количественном отношении. Однако в процессе длительного и сложного совместного проживания те или иные группы местного населения, особенно западной части Центрального Кавказа, перенимают иранский язык, сохранив свой антропологический тип и, в значительной степени, свою материальную и духовную культуру, свой образ жизни. Этому способствовало, видимо, то, что резко враждебные отношения и военные столкновения между пришлыми ирано-язычными и местными племенами, особенно характерные на ранних этапах, чередовались, безусловно, мирными, соседскими отношениями, созданиями политических объединений. Так, по сообщению «Ашхарацуйца» западное Аланское объединение включает в себя асов и дигоров (Аш-Дигоры). По всей видимости, перед нами политическое объединение двух этнически различных племен, входящих в одно политическое образование – Аланское (Асское). Асы (ашы), по всей вероятности, одно из тех ираноязычных племен, предков современных осетин, которые в рассматриваемое время занимали уже верховья Кубани и Приэльбрусье. Ассимилировав проживавшие здесь аборигенные племена, они составляли, видимо, основной костяк Аланского политического образования западной части Центрального Кавказа в раннем средневековье[18].

---

[18] Вместе с тем следует отметить существующую в научной литературе и другую точку зрения, согласно которой асы/ашы или ашуа – это аборигенные племена Западного Кавказа, «далекие предки абхазов, абазин и убыхов» *(Турчанинов 1971: 95; Турчанинов 1982: 10).* Термин ашуа (ашъуа) и сегодня употребляется у абхазов в обозначении абазин. Интерес представляет абхазское название сванов − ашьᵒануа (ашъануа), что на абхазском языке означает «местонахождение страны ашуов». Отсюда «можно заключить, что в местах, занятых в настоящее время сванами, проживал в далеком прошлом некий народ ашьᵒуа», название которых перешло на пришлых племен

В отличие от той части дигоров, которая входила в западно-аланское объединение, автор «Ашхарацуйца» в том же абзаце говорит о дигорах отдельно, четко отделяя их от западных алан Аш-Дигоров и алан, живущих в крае Ардоз. Это свидетельствует о политической независимости дигор от двух Аланских политических образований. По поводу этнической принадлежности дигор, то на основании имеющегося материала весьма затруднительно относить их к ираноязычным, по-видимому, первоначально они являлись аборигенными кавказскими племенами. На этническое различие асов и дигоров в ранние периоды косвенно может указывать и тот факт, что тюркоязычные карачаевцы и балкарцы называют современных осетин дигор, в то время как осетины, в свою очередь, называют балкарцев асы.

В.И. Абаев пишет, что «племенные самоназвания различных ветвей осетинского народа: ir, digor, tual и др. не могут быть объяснены из иранского. Они восходят, по-видимому, к этническим самоназваниям доосетинского населения, удержавшимся

картвельского языкового корня» *(Кварчия 1982: 49)*. Присутствие этнонима ашы/асы в обозначении кавказских народов, относящихся к четырем различным языковым семьям (абазины, балкарцы, осетины и сваны), дает основание для гипотезы, что, возможно, ашы/асы – одно из древнейших аборигенных народов Кавказа, сыгравших роль этнического субстрата в формировании указанных народов и передавших им свое название. На это указывает также и то, что «абхазам в прошлом были известны этнонимы ауапс/ауапшь – осетины («рыжые, светлые люди») и ас (ас-уа), которые служили для обозначения двух разных народов» *(Кварчия 1982: 49)*. Однако, к настоящему времени скудость материала не позволяет ни опровергнуть, ни подтвердить указанную гипотезу, и вопрос остается открытым. Возможно, в ранние эпохи этот термин употреблялся в географическом значении. Употребления осетинами термина асы в обозначении балкарцев свидетельствует о том, что он не являлся самоназванием ираноязычных племен, предков современных осетин. Но применительно к отражаемому в «Ашхарацуйце» времени (V–VII вв.) термин «авсур» (ауапс-опси-овси) употребляется, по всей видимости, именно в обозначении ираноязычных племен, вошедших позднее составной частью в сформировавшийся осетинский народ.

и после иранизации», и далее отмечает, что это были «народы и языки, которые бытовали на территории Осетии до иранизации и послужили субстратом при образовании кавказского осетинского народа» *(Абаев 1949: 79)*. «Весьма вероятно, – пишет он, – что корень «диг» тождествен «дэг» в а-дэг-е – черкесы. В этом случае -ур/-ор могло быть показателем множественности» *(Абаев 1958: 380)*. Предположение В.И. Абаева об адыгском происхождении этнонима «дигор» является, по мнению В.А. Кузнецова, «лишним подтверждением правильности определения основного населения верховьев Кубани как меото-адыгского» *(Кузнецов 1962: 72–73)*.

То, что население верховьев Кубани принадлежало адыгскому этническому миру, вряд ли подлежит сомнению, но их связь с дигорами «Ашхарацуйца» довольно проблематична. В верховьях Кубани дигоры не засвидетельствованы никакими источниками. По «Ашхарацуйцу» в этих местах вплоть до современной Балкарии включительно размещаются асы (неслучайно название асы сохранилось в обозначении балкарцев), а на востоке от асов – дигоры. Западная часть Дигории входила в состав Аланского объединения Аш-Дигор, а основная, самостоятельная Дигория на востоке в долине Терека граничила с аланами, проживавшими в стране Ардоз. Кроме созвучия терминов, хотя весьма привлекательного, у нас нет каких-либо других доказательств о проживании адыгских племен в бассейне левобережья Терека в рассматриваемую эпоху.

Следуя традиции сопоставления северокавказских этнонимов преимущественно с иранскими и поиска их этимологии на базе иранских языков, в литературе были предприняты также попытки связать кавказское «дигор» с восточноиранским племенным названием «тохар», упоминаемое в Средней Азии *(Гаглоев 1966: 188; Керефов 1988: 136-138)*[19]. Однако при этом по-

[19] В.И. Кузнецов *(1984: 168)* восточноиранский этноним тохар связывает с кавказскими такуйрами (тагаурами).

чему-то упускается из виду лежащие на поверхности прямые параллели этнонима «дигор» с этнотопонимами Армянского нагорья.

Если и искать параллели этнонима дигор за пределами Центрального Кавказа, то более предпочтительным представляется сопоставление его с названием местности Дигор к юго-востоку от Карса и северо-востоку от Кыгызмана и протекающей здесь реки Дигор, притока Ахуряна, упоминаемые еще древнеармянскими источниками. Обращает на себя внимание то, что сохраненные до настоящего времени названия «Дигор» упоминаются на северо-западе исторической Армении, т. е. там, где в древности наиболее всего была развита металлургия. Именно в треугольнике: Эрзерум – Гюмри (бывш. Ленинакан) – верховье Чороха и прилегающих районах, по мнению ученых (Б.А. Куфтин, Г.К. Мартиросян, Д.Л. Коридзе, Т.К. Микеладзе, и др.) протекал первоначальный процесс формирования одного из ведущих предметов колхидской и кобанской культур − топора.

В этой связи выглядит весьма примечательным, что название «дигор» на нахских языках означает «топор». Указывая на разнообразные каменные и бронзовые топоры, имевшие широкое распространение на территории Кобанской археологической культуры, в том числе и Дигории, В.Б. Виноградов отмечает, что этническое имя «дигор» и название «Дигория» (где «дигь» – «топор», «р» − показатель мн. ч.) сродни тем топо- и этнонимам, что часто возникали, базируясь на производственном признаке или какой-либо иной характерной черте местной культуры (ср.: зирехгеран – кольчужники, пхъарчой – стрелки-лучники... и т.д.) *(Виноградов 1972: 306)*.

Правомерность сопоставления названия Дигора Армянского нагорья с северокавказским дигор становится более вероятной, если вспомнить, что большинство северокавказских этнонимов находит свои параллели в этнотопонимике Передней и Малой Азии. Все это делает наиболее обоснованным к настоящему

времени мнение В.Б. Виноградова о нахской принадлежности древних дигоров.

По всей видимости, именно принадлежностью древних дигоров к нахским племенам объясняется и феномен сходства чеченского языка с дигорским диалектом современного осетинского языка, минуя при этом ингушский язык и иронский диалект осетинского. «Эти схождения отражают более древнюю картину расселения племен, не засвидетельствованную историей» *(Абаев 1959: 89)*[20].

Археологический и языковый материал выявляет две волны миграции иранских племен на Северный Кавказ: «дигорский» и «иронский», причем вторая «иронская» волна вклинилась и отделила дигорский от чечено-ингушских языков *(Абаев 1959: 115)*. Первое появление ираноязычных племен на Северном Кавказе относят к середине I тыс. до н. э. и связывают это со скифо-сарматами, которые частично осели в западной части Центрального Кавказа *(Абрамова 1993: 201; Кузнецов 2000: 178)*. Этот период связан с формированием дигорского диалекта осетинского языка, в котором выявляется более архаичный (скифский) языковый материал. Подтверждением этому служит также и то, что в западной части Центрального Кавказа, где, согласно «Ашхарацуйцу», локализуются дигоры, в иранском пласте топонимики обнаруживаются именно дигорские

[20] Попытка объяснения феномена прямых схождений дигорского диалекта осетинского языка с чеченским тесным контактом аланского населения (дигорцев) с древневайнахскими племенами кистов и дурдзуков на предгорной равнине к востоку от верхнего течения Терека *(Кузнецов 2000: 178)* вряд ли приемлема. Во-первых, о проживании дигоров на правобережье верхнего Терека когда-либо нет абсолютно никаких данных, а перемещение их («ас-дигоров) на восток от верхнего течения Терека вызвано, как было отмечено выше, ошибочной интерпретацией сведений «Ашхарацуйца». Во-вторых, нахский язык является субстратным для осетинского, выраженного еще антропологически и этнографически, что не могло быть следствием простых соседских этнокультурных контактов (см.: *Абаев 1977: 51*).

звуковые формы *(Миллер 1887: 7–10; Миллер 1962: 17; Zgusta 1955: 254).*

Формирование «иронского» диалекта осетинского языка связано с передвижением второй волны кочевых иранских племен уже в Притеречные районы Центрального Кавказа в II–III вв. н. э. *(Абаев 1959: 115; Абрамова 1993: 201; Кузнецов 2000: 178)*. Причем вторжение иранских племен во II–III вв. н. э. на первых порах привело к вытеснению определенной части оседлого нахского населения верхнего Терека в горы и плотным заселением аланами восточного Притеречья *(Абрамова 1993: 201; Кузнецов 2000: 178).* Таким образом, вторая волна иранских племен, продвинувшись в район ущелья Терека, вклинилась между нахскими племенами Центрального Кавказа и отделила дигорцев от остальной части нахского этноса. В результате чего нахские дигоры, проживавшие к западу от верхнего Терека, оказались изолированными от основной части своего этноса. Очутившись в окружении ираноязычных племен первой волны (скифо-сарматской), дигоры постепенно смешиваются с ними и переходят на иранский язык, став, таким образом, языковой, антропологической, этнографической, всем обликом своей материальной и духовной культурой, той этнической субстратной основой, на которой позже сформировалось дигорское подразделение осетинского народа.

Что касается восточного Притеречья, то здесь на протяжении длительного времени происходили сложные этнополитические процессы, связанные с ожесточенными войнами нахских племен с целью вытеснения со своих земель проникших сюда ираноязычных племен. Эти столкновения, проходившие с переменными успехами, чередовались, безусловно, длительными мирными периодами, которые характеризовались усилением и углублением этнокультурных взаимосвязей и взаимопроникновением.

В эти места проникали уже не только ираноязычные, но и новые горские племена, говорившие на различных диалектах

нахского языка. Это новое нахское население частично ассимилирует проживавшие здесь аланские племена. Происходит также и обратный процесс – слияние отдельных нахских племен с ираноязычными иронами и формирование иронского подразделения осетинского народа. Отсюда становятся понятны причины прямых схождений дигорского диалекта осетинского языка с чеченским, минуя при этом иронский и ингушский.

Однако для рассматриваемого нами раннесредневекового периода, судя по всему, дигоры еще сохраняли свою этническую самобытность и обособленность от ираноязычных племен. Правда, употребление армянским автором термина «Аш-Тигор» («Асская Дигория») свидетельствует, видимо, не только о том, что западная часть дигорцев входила в состав Аланского (Асского) политического образования, но и о двуязычии дигоров, т.е. наличие к тому времени процесса ассимиляции асами дигоров и постепенный переход последних на иранский язык. Позднее, по мере усиления Западно-аланского объединения иранский элемент распространяется уже на горные районы, наслаиваясь на нахский субстрат, в результате чего происходит иранизация остальной части населения к западу от верховья р. Терека, которое до этого говорило на нахских языках.

Как известно, для своего полнокровного жизнеобеспечения и развития горскому населению необходимо владение предгорными степями и равнинами. Поэтому при утрате контроля над предгорными зонами горцы часто попадали в зависимость от тех, кто владел предгорными районами. Занимая на протяжении длительного времени предгорную зону и контролируя выходы из ущелья, Аланское (Ас-Дигорское) объединение постепенно, по мере своего усиления, распространяло свое политическое господство на все горское население. При этом термины аланы и асы, уапс, опсы//овсы, естественно, приобретают более широкое значение и употребляются также для обозначения политически зависимого горского населения.

Однако такое политическое положение нельзя, конечно, рассматривать как неизменное. Да и само это Аланское политическое образование в тот период нельзя считать монолитным государственным образованием, а объединением этнических различных (в основном, видимо, ираноязычных и нахских) племен. Отдельные горские племенные группы в те или иные периоды выходили из политической зависимости Аланского объединения, становясь самостоятельными со своими правителями, но сохраняя при этом в иноязычной среде общее название аланы или асы (уапс, опсы). Именно такое политическое положение, когда в X в. проживавшие к западу от верховья Терека отдельные племенные группы горского населения со своими правителями («Архонты Азии») являлись самостоятельными от Аланской конфедерации Северного Кавказа, нашло отражение, скорее всего, в вышеприведенном сведении «Книги церемоний» К. Багрянародного.

Источники и литература

Абаев 1949: Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.-Л., 1949.

Абаев 1959: Абаев В.И. Осетино-вайнахские лексические параллели // Известия ЧИНИИ. Т. 1. Вып. 2. Грозный, 1959.

Абаев 1958: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1. М.-Л., 1958.

Абаев 1973: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. Л., 1973.

Абаев 1977: Абаев В.И. Armeno-ossetica. Типологические встречи. Конференция по вопросам взаимоотношения и развития языков Закавказья. Ереван, 1977.

Абдушелишвили 1967: Абдушелишвили М.Г. Генезис горно-кавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Абраамян 1944: Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци. Ереван, 1944 (на арм. яз.).

Абрамова 1993: Абрамова М.П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М., 1993.

Анания Ширакаци 1979: Анания Ширакаци. Избранные труды. Ереван, 1979 (на арм. яз.).

Анчабадзе 1959: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Тбилиси, 1959.

Алексеев, Беслекоева 1963: Алексеев В.П., Беслекоева К.Х. Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА СССР. № 114.

Алексеев 1974: Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Краниологическое исследование). М., 1974.

Ашхарацуйц: Матенадаран. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца. Ереван. Рукописи за № 582, 696, 1898, 1717, 3691, 1459, 2019, 1883, 3691, 4284, 1518, 1486,1287.

Бриллиантов 1917: Бриллиантов А. О месте кончины и погребения св. Максим Исповедника // Христианский Восток. Т. 4.

Вагапов 1990: Вагапов Я.С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990.

Волкова 1973: Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973.

Виноградов 1972: Виноградов В.В. Центральный и Северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972.

Виноградов, Чокаев 1966: Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещениях нахских племен // Известия ЧИНИИ. Т. 7. Вып. 1. Грозный, 1966.

Гаглоев 1966: Гаглоев Ю.С. Сведения «Армянской географии» VII в. об аланах // Известия СОНИИ. Т. 25. Орджоникидзе, 1966.

Гаглойти 1967: Гаглойти Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1967.

Гаглойти 1995: Гаглойти Ю.С. Проблемы этнической истории южных осетин. Цхинвал, 1995.

Гадло 1979: Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа (IV–X вв). Л., 1979.

Гамрекели 1961: Гамрекели В.Н. Двалы и Двалетия в I–V вв. н. э. Тбилиси, 1961.

Гумба 1987$_1$: Гумба Г.Д. Об этнониме «нахчаматеанк» «Армянской географии» VII века» // История и филология древнего и средневекового Востока. М., 1987.

Гумба 1987$_2$: Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу» // Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Армянской ССР. Ереван, 1987 (на арм. яз.).

Гумба 2004: Гумба Г.Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли (Иберия) // Кавказ: история, культура, традиции и языки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследовании им. Д.И. Гулиа АНА 28-31 мая 2001 года, г. Сухум.

Дьяконов 1983: Дьяконов И.М. Типы этнических передвижений в ранней древности // Древний Восток. Вып. 4. Ереван, 1983.

Еремян 1970: Еремян С.Т. Расселение горских народов Кавказа по Птолемею и «Армянской географии VII века» // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва, 3–10 авг. 1964 г. Т. 8.

Еремян 1973: Еремян С.Т. Опыт восстановления первоначального текста «Ашхарацуйца» // ИФЖ. № 3. С. 261–274 (на арм. яз.).

Еремян 1979: Еремян С.Т. Великая Армения и сопредельные страны. Карта. Ереван, 1979.

Инал-ипа 1977: Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум, 1977.

Кварчия 1982: Кварчия В.Е. Об абхазских этнонимах auaps «осетин», asoaneua «сван» // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик, 1982.

Керефов 1988: Керефов Б.М. Памятники сарматскоко времени Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1988.

Кузнецов 1962: Кузнецов В.А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА СССР. № 106.

Кузнецов 1984: Кузнецов В.А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.

Кузнецов 2000: Кузнецов В.А. Аланы и асы на Кавказе (некоторые проблемы идентификации и дифференциации) // «Древности Северного Кавказа». М., 2000.

Летопись Картли 1982: Летопись Картли. Тбилиси, 1982.

Мкртумян 1983: Мкртумян Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII–XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван, 1983.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Минорский 1963: Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963.

Миллер 1887: Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. 3. М., 1887.

Обращение Грузии 1989: Обращение Грузии / пер. с древнегруз. Е.С. Такайшвили. Тбилиси, 1989.

Патканов 1883: Патканов К.П. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Ч. 226. С. 21–32.

Патканов 1877: Патканов К.П. Мойсей Хоренский. Армянская география VII в. по Р.Х. Спб., 1887.

Прокопий Кесарийский 1996: Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.

Турчанинов 1971: Турчанинов Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971.

Цагаева 1975: Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. Ч. 2. Орджоникидзе, 1975.

Цукерман 2005: Цукерман К. Аланы и Асы в раннем средневековье // КСИА. Вып. 218.

Шавхелишвили 1963: Шавхелишвили И.А. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963.

Шавхелишвили 1983: Шавхелишвили И.А. Из истории горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1983.

Klaproth 1814: Klaproth, Heinrich Julius. Geographisch-historische Beschreibung des östlichen Kaukasus, zwischen den Flüssen Terek, Aragwi, Kur und dem Kaspischen Meere. Weimar

Marquart 1901: Marquart J. Eransahr nach der Geographie des Ps Moses Horenaci. Berlin.

Marquart 1930: Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische streifzuge. Leipzig.

Hewsen 1992: Hewsen The Geography of Ananias of Sirak (Asxaracoiz). The Long and the Short Recensions. Introduction, Translation and Commentary by Robert H.Hewsen. Wiesbaden.

Soucry 1881: Arsene Soucry, Geographie de Moise de Corene d' apres Ptolemee. Texte armenien, traduit en francais par le Arsene Soucry, Vinesie.

Zgusta 1955: Zgusta L. Die Personennamen griechischer stadte der nordlichen Schwarzmeerkuste. Praha.

Vasmer 1923: Vasmer M. Untersuchungen ber die dltesten Wohnsitze der Slaven 1. Die Iranier in Siidrusiand. Leipzig.

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ НАХСКИХ НАРОДОВ

Нахские народы – чеченцы и ингуши, коренные жители Чеченской и Ингушской республик – принадлежат вместе с родственными кавказскими народами к древнейшему населению Кавказа. Весь имеющийся материал не позволяет говорить о каких-либо сменах этнического состава на этой территории в течение, по крайней мере, нескольких последних тысячелетий. Перед нами непрерывная линия этнического и культурного развития аборигенного населения, что, конечно, не исключает вторжений, переселений иноплеменников и взаимодействия с ними коренных жителей.

При этом необходимо отметить, что при исследовании ранних этапов истории и вопросов этногенеза любого народа невозможно ограничиваться рамками современных политико-административных границ его проживания. Изменения этнических территорий (расширение, сужение, переселение) происходили на протяжении всей истории человечества. Поэтому древняя история нахов, разумеется, не может быть ограничена границами современных Чеченской и Ингушской республик, так как это означало бы отрицание истории как науки.

Общепризнанно, что нахский язык является одним из древнейших языков мира. Вместе с другими родственными языками Кавказа – абхазо-адыгскими и дагестанскими – он составляет так называемую северокавказскую языковую семью *(Trubetzkoy 1922; Абдоков 1981; Nikolayev, Starostin 1994; Старостин 1995; Габуниа, Тирадо 2009)*. Иная точка зрения, согласно которой абхазо-адыгские, чечено-ингушские и дагестанские языки родственны картвельским (грузинскому, мегрельскому, лазскому,

сванскому) и вместе образуют единую «иберийско-кавказскую» семью, не получила подтверждения в современной науке и остаётся на уровне гипотезы *(Гамкрелидзе, Мачавараини 1965; 13; Гамкрелидзе, Иванов 1984).*

Вместе с тем термин «северокавказские языки» в определённой степени условен, так как некоторые языки этой семьи распространены и на Южном Кавказе (например, абхазский, бацбийский, удинский). Кроме того, сегодня можно считать научно доказанным генетическое родство абхазо-адыгских языков с хаттским, а нахско-дагестанских – с хуррито-урартскими. Согласно накопленным к настоящему времени материалам, на рубеже VI–V тысячелетий до н. э., после распада пракавказской языковой семьи на восточнокавказскую и западнокавказскую группы, на территории Кавказа сформировались две крупные культурные области – западнокавказская (хаттско-абхазо-адыгская) и восточнокавказская (хуррито-урарто-нахско-дагестанская). В процессе освоения новых земель кавказские племена распространились далеко за пределы Кавказа, в том числе на юг, где стали осваивать северные районы Передней Азии. Поэтому представляется более правомерным использовать для обозначения данной языковой семьи термин «исконнокавказские языки», введённый в научный оборот известным российским этнологом С.А. Арутюновым *(Арутюнов 1994: 94).*

Если согласиться с мнением языковедов о том, что распад нахско-дагестанской языковой группы на нахскую и дагестанскую начался в конце III тыс. до н.э. (а возможно, ещё ранее, во второй половине III тыс. до н. э., когда стали выделяться первые племена) *(Алексеев 1999: 156–165]*, то можно полагать, что с конца III – начала II тыс. до н. э. нахские племена начали расселяться по Центральному Кавказу, осваивая южный и северный склоны Главного Кавказского хребта. Одновременно началось продвижение нахских племён в южные области центрального Закавказья, поскольку позже на обширной территории Южного

Кавказа фиксируются этнотопонимика и другие свидетельства, имеющие непосредственное отношение к нахам.

Как известно, выделение и формирование новой этнокультурной общности сопровождаются переосмыслением старых и появлением новых символов, идеологии, божеств. Формирование нахской этнической общности также неизбежно требовало, в частности, замены старого верховного бога на нового, соответствующего сложившимся историческим условиям. Судя по всему, таким верховным божеством нахов во II и I тысячелетиях до н. э. стало божество солнца – Малх (Матх) (Ма + Тхъа // Лхъа) *(Гумба 2018: 67 и далее)*.

Сказанное не противоречит тому, что верховным богом в языческом пантеоне чеченцев и ингушей позднего средневековья является Диела (Дъяла, Дала). Как известно, у многих древних народов на протяжении истории менялись верховные божества. Происходило это по разным причинам, чаще всего политического характера. В результате объединения племён (как путём межплеменных войн за главенство, так и мирно, перед лицом внешнего врага) божество племени, возглавившего союз, становилось верховным богом. Так, по мнению специалистов, в древневайнахском пантеоне верховными богами в разные периоды были Дъяла, Тхьа, Цу (ЦIу) *(Алироев 1978: 289, 295)*.

О том, что солярный культ Малх являлся общенахским верховным божеством, свидетельствуют и сохранившиеся этногенетические предания нахских народов. По некоторым вариантам этих преданий, имена легендарных родоначальников чеченцев и ингушей восходят к имени Малх (Матх, Мага) *(Ахриев 1875: 19; Берже 1859: 75–76; Кобычев 1977: 181, 189; Кобычев 1985: 32)*. Отсюда следует, что культ солнца носил общенахский характер, а бог солнца Малх являлся общенахским верховным богом. Как известно, в древности переход имени верховного божества в этноним был закономерным явлением.

Действительно, имя Малх в качестве этнонима сохранилось в древних пластах абхазского и адыгского нартского эпоса. Абхазские и адыгские нарты в своих международных отношениях часто сталкиваются с крупным племенным объединением под названием «малх» (варианты: матх, марх): то они совместно воюют с великанами, то отражают натиск несметных полчищ рыжеволосых людей, то совершают военные походы против них, то воюют между собой из-за похищения невест и т. д. *(Инал-ипа 1977: 20; Салакая 1976: 90–105; Салакая 2003: 77–80).*

Обозначение какого этноса употребляли древние абхазы и адыги, устанавливается достаточно определённо из сохранившегося в современном адыгском языке этнонима **мыщхыщ**, которым адыги до недавнего времени называли вайнахов *(Ногмов 1958: 92).* В названии **мыщх** (или **мыщхыщ**, где конечная шипящая аффриката «(ы)щ» не исконна, а является характерным для адыгского языка приращением к терминам) имеем изменённую форму **малх** (малх > мыщх) с закономерными переходами восточнокавказских «а» и «л» соответственно в «ы» и «щ» западно-кавказских языков (а > ы, л > щ). Например: *день* – вайнахское (чечено-ингушское) **малх**, западно-кавказское (абхазо-адыгское) **мыщ**, **мыш**; *нога, след* – вайнахское **лар**, абхазо-адыгское **щап** и т. д. *(Абдоков 1983: 145–146).* Примечательно, что в различных вариантах рассказов абхазского нартского эпоса о малхах отражены все нахские диалектные варианты этого термина – малх, марх, матх.

По-видимому, упоминаемое античными авторами (Лукиан Самосатский и Клавдий Элиан) в районах Центрального Кавказа крупное объединение **Махли** *(Лукиан 1935: 44–45; Клавдий Элиан: фр. 135)* является не чем иным, как нахским **Малх**, изменённым в результате метатезы (малхи → махли). Возможно, имя верховного божества нахов Малх попало в античную среду через абхазо-адыгскую или ираноязычную среду. Не исключено, что и осетинское название ингушей – **махьалон** – является

изменённой формой **малхи** (малхи → махли → махьал), термин, который первоначально употреблялся в качестве общенахского, а впоследствии перешёл в название одного из соседних нахских народов – ингушей.

Для того чтобы имя верховного бога древних нахов Малх стало использоваться в качестве этнонима у древних абхазов и адыгов, естественно, необходимо было их длительное непосредственное этническое соседство. Где и когда это могло иметь место, возможно установить по данным древнеармянских, древнегрузинских и античных источников.

Так, по данным «Армянской географии VII в.» (Ашхарацуйц), к середине I тыс. до н. э. нахские племена, называемые в источнике единым названием **нахчаматеаны** (или **нахаматеаны**), занимают территорию Центрального Кавказа: от верховьев Кубани и Ингура на западе до Андийского хребта и среднего течения Алазани на востоке. Южная граница проходит по Эгрисскому и Рачинскому хребтам, по линии северные отроги Лихского хребта – местность Живали – до горы Гутон на Главном Кавказском хребте *(Гумба 2018: 40–44)*.

Здесь следует сказать несколько слов о самом термине **нахчаматеан** армянского источника, поскольку введение термина **нахаматеан** вместо уже в течение полутораста лет привычного для русскоязычного читателя **нахчаматеан** вызвало определённое недопонимание как в научных, так и в околонаучных кругах. Должен разочаровать сторонников конспирологии, поскольку первенство во введении в научную литературу термина **нахаматеан** вместо **нахчаматеан** принадлежит отнюдь не мне. В армянской научной литературе он давно введён такими известными специалистами по Ашхарацуйцу, как А. Абраамян, А. Арутюнян и др., которые в своих работах употребляют термин **нахаматеан** *(Абраамян 1944; 58; Арутюнян 2017: 27)*.

Дело в том, что в источнике присутствует такая форма: в 57 из 60 сохранившихся до наших дней рукописей Ашхарацуй-

ца термин передаётся как **нахчаматеан**, а в трёх – **нахаматеан**. Хотя, учитывая, что те три рукописи источника, в которых упомянут **нахаматеан**, восходят к одному несохранившемуся списку Ашхарацуйца, существует большая вероятность, что здесь мы имеем дело с ошибкой переписчика. Однако ответить на этот вопрос однозначно при современном уровне разработки нахской терминологии весьма сложно.

Определение правильного звучания и смыслового содержания того или иного этнонима, тем более древнего, имеет важное значение. Прежде чем анализировать сведения исторических источников, необходимо вооружиться соответствующей методологией, чтобы адекватно интерпретировать эти свидетельства и максимально приблизить интерпретации к реальности. В этих целях в своей монографии я решил пользоваться в большей степени формой **нахаматеан**. Потому что, во-первых, в источнике термины **нахчаматеан** и **нахаматеан** равнозначны и выступают в качестве общенахских, включая все нахские племена Центрального Кавказа; во-вторых, по определению чеченских учёных-языковедов термин **нах** первичен и представлял собой фиксацию совокупности, общности, собирательности нахских племён *(Виноградов, Чокаев 1966: 73; Арсанукаев 2002: 36)*, а **нахчо** вторичен; в-третьих, в Ашхарацуйце термин **нахчаматеан** (или **нахаматеан**) употребляется для обозначения нахских племён лишь Центрального Кавказа, в то время как выявляется присутствие нахских племён на более обширной территории Южного Кавказа и близлежащих регионов, известных под другими этнонимами.

Так, на берегах озёр Урмия и Ван, на среднем течении Аракса, на берегах Алазани этноним **нахча** упоминается одновременно с другими нахскими этнонимами – дурдуки, цупа//цупани, малхина, гугары, цанары и др. Кстати, в Цанарии, на берегу Алазани, упоминается средневековый город Нахчавана, т. е. страна и народ называются Цанарией, а город в этой стране называется

Нахчаван, что требует объяснения. Всё это говорит о том, что термин **нахча** (Нахчаван) не всегда включал в себя все нахские племена и не выступал в качестве общенахского термина. Словом, здесь всё не так просто, как может показаться с точки зрения лингвистики.

В этих условиях необходимо было определить общий термин, который отражал бы единство этнокультурной общности нахских племён Центрального Кавказа и нахских племён Южного Кавказа (или южнонахских племён). Таким наиболее подходящим термином является, на мой взгляд, уже давно успешно апробированный и прочно вошедший в научную литературу термин **нах**, тем более что соответствующая форма **нахаматеан** присутствует в источнике. Правомерно это или нет, покажут дальнейшие исследования в этом направлении.

Впрочем, мне представляется, что столь пристальное внимание к данному термину в большей степени вызвано и тем, что в чеченской историографии всё ещё не определены с достаточной ясностью вопросы происхождения и этимологии термина **нахча**, и по этому поводу до сих пор ведутся оживлённые дискуссии.

Как уже отмечено выше, в Ашхарацуйце термин **нахчаматеан** (как и **нахаматеан**) употребляется в качестве общенахского термина, включающего нахские племена всего Центрального Кавказа. На той же территории, что и автор Ашхарацуйца, т. е. на всём Центральном Кавказе, размещает нахские племена древнегрузинский автор Леонти Мровели, называя их **кавкасианами** *(Леонти Мровели 1979: 25)*. Сводный и сравнительный анализ античных источников показывает, что помимо **махли//малхи** нахские племена Центрального Кавказа в середине I тыс. до н. э. упоминаются также под именем **масах//мосох//мосхи**, что является дагестанским (аваро-андийским) названием нахов *(Гумба 2018: 194–201)*.

Сведения письменных источников о проживании нахских племён на указанной территории полностью подтверждаются

данными топонимики, языка, антропологии и фольклора. Одновременно свидетельства всех этих смежных наук о расселении нахских племён почти полностью совпадают с ареалом кобанской археологической культуры как во времени, так и в пространстве *(Гумба 2018: 89–120)*.

Такое удивительно точное совпадение данных разнообразных, независимых, взаимодополняющих и контролирующих друг друга научных дисциплин оставляет мало места для сомнений в том, что создателями и носителями прославленной кобанской археологической культуры являются нахские племена. Это мнение уже давно высказывалось в специальной научной литературе многими исследователями.

По-видимому, после распада нахско-дагестанского языка носители нахского языка начали расселяться по всему Центральному Кавказу. Пока трудно определить с достаточной ясностью исходные места расселения, т. е. территорию пранахско-дагестанской и вообще исконнокавказской языковой семьи. Это могли быть центральные области Южного Кавказа, Восточная Анатолия, а может быть, и ещё южнее, но это предмет дальнейших исследований.

Гипотетически можно предположить, что исходными местами расселения нахских племён были центральные области Южного Кавказа, откуда с конца III – начала II тыс. до н. э. началось их продвижение как на юг, так и на север, в сторону Центрального Кавказа. И уже к середине II тыс. до н. э., по всей видимости, нахские племена освоили весь Центральный Кавказ. С этим согласуется и выявляющаяся близость протокобанской культуры с культурами, бытовавшими в то же время на Южном Кавказе (современная Восточная Грузия) и в Дагестане, что свидетельствует о значительной роли южнокавказских культур в формировании кобанской культуры. Как отмечают археологи, если параллели, связанные с культурами степного мира, гораздо менее показательны, то именно закавказский импульс фина-

ла средней бронзы был решающим в формировании протокобанского пласта памятников и собственно кобанской культуры *(Санжаров 1993: 27–29; Скаков 2004: 193)*.

Надо полагать, что именно к этому времени и завершился процесс формирования нахской этнической общности созданием стабильного и однородного в своих главных чертах классического комплекса культуры, известной ныне как кобанская. Если исходить из современных представлений об этносе как о сопоставительной категории, т. е. об общности, по определённым признакам отграничиваемой от прочих *(Арутюнов 1994: 8)*, то можно с уверенностью говорить, что уже к середине и второй половине II тыс. до н. э. сложился и стабилизировался комплекс признаков, по которым нахи отличались от других этноязыковых общностей региона, что полностью сформировалась нахская этнокультурная общность со своим единым мировоззрением, общим верховным богом Малх (Матх, Марх, Мага), осознававшая себя как нечто отличное от окружающих этнических групп и выражавшая это самосознание через самоназвание нахчаматеан (нахаматеан).

В свою очередь, существование общих для всех нахов иноназваний (малхи//махли, кавкасиани, масахи) является несомненным доказательством восприятия нахов окружающими этносами как единого целого, что, естественно, могло иметь место лишь при далеко продвинувшемся процессе этнической и политической консолидации нахских племён. Таким образом, не только сама нахская этническая общность осознавала себя единым целым, но таковой её воспринимали и соседние этнические общности, что трудно представить вне существования единого политического объединения с единым центром власти.

Согласно современной научной концепции, формирование единого политического организма происходит в результате длительного и сложного процесса, стимулируемого различными факторами, как внутренними, так и внешними: экологией, ро-

стом народонаселения, совершенствованием технологий, увеличением прибавочного продукта, войнами и завоеваниями, внешними влияниями и торговлей, идеологией и т. п. *(Claessen, Skalnik 1978: 21)*. Наиболее значимыми из них считаются оптимальная экологическая среда, производственный эффект и демографический оптимум. Все эти факторы отчётливо прослеживаются в археологических материалах кобанской культуры I тыс. до н. э., и они свидетельствуют о том, что к середине I тыс. до н. э. нахи достигли той ступени развития, когда формируется единый государственный организм (подробнее см.: *Гумба 2018*).

Античная, древнеармянская и древнегрузинская письменные традиции сохранили, хотя и очень скудные, сведения об этом крупном нахском государственном объединении, существовавшем на Кавказе в I тыс. до н. э., известном своим соседям под различными общими названиями – **нахчаматеаны // нахаматеаны**, **малхи // махли**, **кавкасиани**, **масахи // мосохи**. Так, Лукиан Самосатский передаёт нам почерпнутые из различных источников представления, бытовавшие среди боспорцев и соседей нахов (малхов//махлов), о могуществе и значимости малхийского (нахского) государства. Согласно этой традиции махлийское (нахское) государственное объединение выступает как одно из крупнейших в Юго-Восточной Европе во второй половине I тыс. до н. э., находящееся в тесном взаимодействии с окружающими политическими образованиями, в том числе с Боспорским царством.

На протяжении VI–II вв. до н. э. на всей территории, охватывавшей на севере – от Ставропольской возвышенности на западе до впадения реки Сунжи в Терек на востоке, и на юге – вдоль среднего течения Куры, выявляется существование государственного объединения нахских племён. Осуществление контроля на протяжении многих веков над ключевым пространством на подступах к центрально-кавказским перевалам, имевшим огромное военно-стратегическое и экономическое

значение, безусловно, является показателем экономической и военно-политической мощи нахского государственного объединения.

Примечателен в связи с этим и тот факт, что на протяжении почти 700 лет – от нашествия скифов в VII в. до н. э. до рубежа новой эры – кочевые племена севера не смогли совершить каких-либо нашествий на Южный Кавказ и Переднюю Азию. Видимо, Кавказ стал для кочевников в этот период действительно непроходимой стеной, и причина этого – существование в центральных районах Кавказа могущественного нахского государства, преодолеть которое оказалось для кочевников непосильной задачей.

В становлении и укреплении нахского государственного объединения, бесспорно, значительна роль переселившихся из урартских областей южно-нахских и хуррито-урартских племён – носителей переднеазиатской государственной и культурной традиции. В данном сообщении нет возможности коснуться проблемы южно-нахских племён. Но одно несомненно: в древности нахи представляли собой большой этнический массив, занимавший не только Центральный Кавказ, но и значительные территории центральных районов Южного Кавказа, и оказавший значительное влияние на процессы этногенеза армян и грузин. Уверен, что дальнейшие исследования в этом направлении, особенно со стороны языковедов, могут пролить свет на многие нерешённые и спорные вопросы древней истории данного региона.

Сегодня вряд ли у кого-либо может вызвать сомнение, что на рубеже VII–VI вв. до н. э., после крушения великих держав Передней Азии – Ассирии и Урарту, имело место передвижение огромных масс людей, в том числе в сторону Кавказа. Влившись в нахское государственное объединение, они, надо полагать, оказали огромное влияние на его социально-политическую и культурную жизнь, дали новый импульс к даль-

нейшему поступательному развитию. Помимо всего, об этом отчётливо свидетельствуют переднеазиатские культурные инновации, в частности в области верований, которые проявляются во многих сферах жизни нахского населения Центрального Кавказа. Так, в пантеоне нахских языческих божеств мы видим переднеазиатские (хуррито-урартские) божества – Эл, ЦIу (Цов), Тушоли, Эштра, Нана, Шаро и др., что позволяет уверенно говорить об активной роли переселившихся южно-нахских и хуррито-урартских племён, носителей переднеазиатской государственной традиции, в формировании нахского государственного объединения на Центральном Кавказе в середине I тыс. до н. э.

Образование и существование на протяжении длительного времени на Кавказе нахского государственного объединения, помимо прочего, содействовало упрочению этнической общности людей, объединённых единством происхождения, территории, языка, культуры. Есть все основания полагать, что в I тысячелетии до н. э. на территории Центрального Кавказа, в рамках нахского государственного объединения (Нахаматия//Нахчаматия, малхи//махли, кавкасиани, мосохи//мосхи) сложилась общность населения, материальная и духовная культура которой имела ярко выраженные отличительные особенности, выделявшие её из числа соседних этнических групп. Важно подчеркнуть, что эта общность осознавала себя как единое целое и так же воспринималась окружавшими её иными этническими общностями, о чём свидетельствует наличие единого самоназвания и единых иноназваний. То есть мы имеем дело с исторически сложившейся территориальной, биологической, языковой и культурной общностью людей, осознающих себя как единое целое и потому известных под одним общим именем. Исходя из современного понимания этногенеза, мы имеем дело с народностью – хоть и находящейся ещё в процессе формирования и не полностью слившейся в единое целое, но

уже осознающей себя единым целым, называющей себя единым этнонимом и так же, как единое целое, воспринимаемой окружающими её народами.

Однако после падения нахского государственного объединения (ок. 210 г. до н. э.) процесс становления единого нахского народа был прерван, и полное слияние нахских племён не было завершено. После падения нахского государственного объединения, разумеется, потеряли смысл и бытовавшие в то время общенахские политические названия – **малхи//махли**, **нахчаматеан//нахаматеан**, **мосохи//мосхи**, **кавкасиани**, под которыми страна нахов была известна среди соседних народов. На рубеже новой эры нахи известны уже по названиям отдельных племенных групп, некогда составлявших единое государственное объединение.

Так, в частности, во втором пласте Ашхарацуйца, отражающем уже этнополитическую ситуацию раннего средневековья (V–VII вв.), с учётом изменений, произошедших в регионе в результате перемещения в эти земли ираноязычных и тюркоязычных племён, на Центральном Кавказе, на территории нахского государственного объединения I тыс. до н. э., локализуются 22 племени, 12 из которых уверенно можно отнести к нахским *(Гумба 2007)*.

Таким образом, какими бы скудными ни были сведения источников, они демонстрируют наличие у нахов в I тыс. до н. э. сложившегося раннегосударственного объединения с высокой степенью самодостаточности. Перед нами предстаёт развивающаяся, богатая историческими событиями страна – густонаселённая, с множеством благоустроенных поселений, в которых растёт количество жителей, улучшается их благосостояние, развиваются ремесла, внутренняя и внешняя торговля и т. д. Неслучайно кавказоведы середину I тыс. до н. э. считают одной из самых блестящих страниц древней истории Центрального Кавказа *(Крупнов 1960: 134, 343)*.

Источники и литература

Абдоков 1981: Абдоков А.И. Введение в сравнительно-историческую морфологию абхазско-адыгских и нахско-дагестанских языков. Нальчик: КБГУ,1981.

Абдоков 1983: Абдоков А.И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. Нальчик, 1983.

Абраамян 1944: Абраамян А. Научные труды армянского ученого VII в. Анания Ширакаци (на арм. яз.). Ереван: ЕГУ, 1944.

Алексеев 1999: Алексеев М. Е. Нахско-дагестанские языки // Языки мира: Кавказские языки. М., 1999.

Алироев 1978: Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. Грозный, 1978.

Арсанукаев 2002: Арсанукаев Р. Вайнахи и аланы. Аланы в раннесредневековой истории Чечено-Ингушетии. Баку, 2002.

Арутюнов 1994: Арутюнов С.А. Языки народов Кавказа // Народы Кавказа: антропология, лингвистика, хозяйство (в соавт. с М.Г. Абдушелишвили, Б.А. Калоевым). М., 1994.

Арутюнян 2017: Арутюнян А.Ж. Северный Кавказ и сопредельные территории согласно данным древнеармянской географии (или «Ашхарацуйц-А») // Гуманитарные и юридические исследования. Вып. 2. Ставрополь, 2017.

Ахриев 1875: Ахриев Ч. Ингуши (их предания, верования и поверья). ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. 8.

Берже 1859: Берже А.П. Чечня и чеченцы. Кавказский календарь на 1860 год. Тифлис, 1859.

Виноградов, Чокаев 1966: Виноградов В.Б., Чокаев К.З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Известия ЧИНИИ. Грозный, 1966. Т. 7. Вып. 1.

Габуниа, Тирадо 2009: Габуниа З.М., Тирадо Р.Г. О родстве кавказских языков // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. № 2 (28). Нальчик, 2009. *Гамкрелидзе, Мачавариани 1965:* Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани Г.И.

Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Тбилиси, 1965.

Гамкрелидзе, Иванов 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1.

Гумба 2007: Гумба Г.Д. Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум, 2007. № 2.

Гумба 2018: Гумба Г.Д. Нахи: вопросы этнокультурной истории (I тыс. до н.э.). М. 2018.

Инал-ипа 1977: Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сухум: Алашара, 1977.

Клавдий Элиан: Клавдий Элиан. Отрывки. Фр. 135.

Кобычев 1977: Кобычев В.П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры // Этническая история и фольклор. М., 1977.

Кобычев 1985: Кобычев В.П. Историческая интерпретация этногенетических преданий ингушей // Вопросы этнокультурных связей на Северном Кавказе. Орджоникидзе, 1985.

Крупнов 1960: Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: изд. АН СССР, 1960.

Лукиан 1935: Лукиан. Токсарис или дружба // Собр. соч. М., 1935. Т. 1–2.

Леонти Мровели 1979: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. / пер. с древнегруз., предисл. и коммент. Г.В. Цулая. М. Наука, 1979.

Ногмов 1958: Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1958.

Салакая 1976: Салакая Ш.Х. Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.

Салакая 2003: Салакая Ш.Х. Абхазский фольклор. Сухум: Абгосиздат, 2003 (на абх. яз.).

Санжаров 1993: Санжаров С.Н. О некоторых вопросах культурного развития и хронологии в позднеекатакомбное время // Российская археология. 1993. № 1.

Скаков 2004: Скаков А.Ю. Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки. Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа 28–31 мая 2001 г. Сухум, 2004.

Старостин 1995: Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификация кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии: этногенетические исследования. Махачкала, 1995.

Claessen, Skalnik 1978: Claessen H.J.M., Skalnik P. (eds.) The Early State. The Hague: Mouton, 1978.

Nikolayev, Starostin 1994: A Nikolayev S. L., Starostin S. A. A north caucasian etymological dictionary. Moscow, 1994.

Trubetzkoy 1922: Trubetzkoy N.S. Les consonneslaterales des langues Caucasiques Septentrionales // Bulletin de la Societe de Linguistique. T. 23. № 27. Paris, 1922. P. 184–204.

Trubetzkoy 1926: Trubetzkoy N.S. Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der Nordkaukasischen Sprachen // I. Caucasica, fasc. 3. Leipzig, 1926.

К ПРОБЛЕМЕ АВТОХТОННОСТИ КАРТВЕЛОВ (ГРУЗИН) НА КАВКАЗЕ

Места проживания на территории Кавказа и прилегающих к нему регионов во II – первой половине I тыс. до н. э. пракартвельских (прагрузинских) племен выявляются довольно сложно, и прежде всего из-за отсутствия достоверных свидетельств. На проблему происхождения предков современных грузин (картвелов, мегрелов и сванов) и времени их появления на Южном Кавказе существуют различные точки зрения, как и на вопрос о том, были эти племена на указанной территории автохтонами или пришлыми. Все эти мнения могут рассматриваться как гипотезы, вероятность которых зачастую вызывает у исследователей серьезные сомнения. Не претендуя на всесторонний охват этой сложной и спорной проблемы, ограничимся кратким обзором основных гипотез, посвященных указанной проблеме и зафиксированных в научной литературе.

Гипотеза об автохтонности картвельских племен на Кавказе опирается главным образом на генетическое родство картвельских языков с северокавказскими (исконнокавказскими) и на то, что эти языки входят в состав одной языковой семьи, образуя в нем картвельскую группу. Причисляя картвельские языки к кавказским, известный грузинский лингвист А.С. Чикобава дает им и другое название – иберийско-кавказские языки *(Чикобава 1952: 227)*, таким образом подчеркивая их связь с древними языками Средиземноморья.

В советской грузинской историографии прямыми предками грузин вообще были объявлены все известные древние народы Передней Азии – шумеры, хетты, субары (хурриты), эламиты и др., а в мифическую «хетто-иберийскую» языковую семью

было включено все древнейшее население Передней Азии и Средиземноморья[1].

Однако дальнейшие исследования поставили под сомнение это положение. Факт генетической связи хаттского и хуррито-урартского языков с северокавказскими (или исконнокавказскими)[2] языками получил новые подтверждения, однако при этом было выявлено, что сами картвельские языки не относятся к исконнокавказским, а представляют собой отдельную языковую семью *(Климов 1968: 22; Климов 1994: 35–44; Мачавариани 1964: 4; Гамкрелидзе 1964: 5; Гамкрелидзе 1971: 29; Гамкрелидзе Т.В., Мачавариани 1965: Церетели 1965: 45–47; Ониани 1985: 67–89; Габуниа, Гусман Тирадо 2011)*. Исследования показали, что гораздо более вероятна связь картвельского праязыка с праиндоевропейским и праафразийским языками, нежели с исконнокавказскими *(Гамкрелидзе, Мачавариани 1965: 48)*, а

[1] «По своему происхождению грузины принадлежат к древнему коренному населению Передней Азии. В глубокой древности, пять-шесть тысяч лет тому назад, родственные между собой народы хетто-иберийской группы занимали обширную территорию в Передней Азии, а также, распространившись отсюда на запад – в северной, прибрежной полосе Африки и в южной Европе. В Европе народы этого корня предшествовали позднейшим пришельцам – индоевропейцам, испытавшим сильное влияние аборигенного (туземного) населения и его развитой культуры. Так было на Пиренейском, или Иберийском, полуострове, где потомки древнего населения – иберов сохранились до наших дней под именем басков, на Апеннинском полуострове, где туземцы в лице этрусков создали древнейшую цивилизацию Италии, …и на Балканском полуострове, где впоследствии греки явились на смену первоначальным обитателям страны – пеласгам. К началу второго тысячелетия до нашей эры из коренных народов Передней Азии выделились хетты и субары. Хетто-субары и были предками грузин» *(Бердзенешвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946: 16–17).*

[2] Первоначально северокавказские языки занимали не только Северный Кавказ, но и весь Южный Кавказ без исключения и прилегающие области. Поэтому известный этнограф С.А. Арутюнов вместо названия северокавказские вводит в научный оборот термин исконнокавказские языки, с чем, безусловно, следует согласиться.

пракартвело-праиндоевропейские лексические изоглоссы принадлежат к основному лексикону, что свидетельствует о генетическом родстве этих языков *(Дьяконов 1989: 16)*.

Следовательно, чтобы определить прародину грузин, необходимо установить прародину индоевропейцев, и это еще больше усложняет проблему, поскольку однозначного мнения по поводу области расселения носителей праиндоевропейского языка пока не существует. В настоящее время известны многочисленные точки зрения по этому вопросу, но все они группируются вокруг четырех основных гипотез, которые локализуют индоевропейскую прародину в четырех местах – в Балкано-Карпатском регионе *(Георгиев 1958: Дьяконов 1982: 2–3)*, в евразийских степях (Смирнов, Кузьмина 1977; Шилов 1993), в Передней Азии *(Гамкрелидзе, Иванов 1984)* и в так называемой циркумпонтийской зоне *(Мерперт 1974)*.

Каждая из этих гипотез имеет определенные недостатки, отмеченные оппонентами, и ни одна из них пока не получила признания в научном мире. Что касается версии о восточно-анатолийском происхождении индоевропейцев, то она не нова. Попытки разместить прародину индоевропейцев на Южном Кавказе, в том числе и на Армянском нагорье, предпринимались еще в конце XIX века, однако уже тогда они воспринимались скептически и не были приняты всерьез, так как гипотеза не имела убедительных оснований. В 80-х годах XX века Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов вновь попытались реанимировать теорию о переднеазиатской прародине индоевропейцев *(Гамкрелидзе, Иванов 1984)*, однако из-за слабости аргументации теория эта вновь не получила поддержки в научном сообществе.

Прежде всего, данная гипотеза строится лишь на данных лингвистики, которые были подвергнуты убедительной критике со стороны многих известных языковедов, и при этом абсолютно не берется в расчет археологическая составляющая, доказывающая локализацию прародины индоевропейцев в Малой

Азии. Например, игнорируется факт отсутствия в индоевропейском праязыке названий типично азиатской средиземноморской флоры (кедр, кипарис, пальма) и фауны, а также то, что в Малой Азии и на Армянском нагорье приблизительно до II тыс. до н. э. не было лошадей – ни диких, ни одомашненных. Не учитывается и экологическая ниша индоевропейской прародины, как и отсутствие архаичной индоевропейской гидронимии и топонимии на территории Армянского нагорья и в Восточной Анатолии и т.д. (см.: *Рубин 2001*).

Как пишет Л.С. Клейн, «гипотеза Гамкрелидзе – Иванова… не выдерживает сопоставления с позитивными археологическими данными о древнем прошлом нескольких избранных индоевропейских народов (я уж не говорю о собственной археологической аргументации этих авторов – она обрывочна, противоречива и основана на археологических концепциях, ошибочность которых давно установлена)» *(Клейн 2007: 174)*.

Гипотеза о переднеазиатской прародине индоевропейцев находится также в противоречии с данными лингвистики, которые весьма трудно опровергнуть. Так, между исконнокавказскими и афразийскими (семито-хамитскими) языками выявлено более ста лексических параллелей, и они могли появиться лишь в результате долговременных и обширных межязыковых контактов *(Милитарев, Старостин 1989: 24)*.

Предполагается, что контакты между носителями афразийских и исконнокавказских языков происходили на протяжении V–IV тыс. до н. э., причем в Верхней Месопотамии в этих контактах участвовала уже выделившаяся восточнокавказская группа, а в Северной Сирии – западнокавказская *(Милитарев, Старостин 1984: 34–36)*. С другой стороны, прослеживается тесная связь между прасеверокавказским (праисконнокавказским) и праиндоевропейским языками (до распада праиндоевропейского), а также очевидное влияние праисконнокавказского языка на лексику индоевропейских языков.

Учитывая, что начало распада праисконнокавказского языка относится к рубежу VI–V тыс. до н. э., а праиндоевропейского – примерно к V–IV тыс. до н. э., активные контакты между этими языками можно датировать началом V тыс. до н. э., а наличие исконнокавказских элементов в лексике отдельных подгрупп индоевропейских языков свидетельствует о том, что эти контакты продолжались и в более поздний период *(Старостин, Николаев 1984: 32; Старостин 1988: 152–154).*

На протяжении V–IV тыс. до н. э. исконные кавказцы могли одновременно иметь связи и с праиндоевропейцами, и с праафразийцами лишь в том случае, если они занимали весь кавказский регион и северные районы Передней Азии, при этом праафразийцы должны были занимать территорию к югу от Северной Месопотамии и Сирии, а индоевропейцы – степные зоны Восточной Европы. Из этого следует, что ни на Кавказе, ни в Восточной Анатолии для праиндоевропейцев и пракартвельцев уже не остается места. В последнее время все более убедительные подтверждения и все более весомую поддержку в науке получает разделяемая большинством археологов точка зрения, согласно которой прародина индоевропейцев локализуется в степной зоне Восточной Европы, откуда и происходило в дальнейшем расселение индоевропейских племен на другие территории (см.: *Рубин 2001).*

Таким образом, гипотеза об автохтонности грузинских племен на Кавказе не имеет под собой научно аргументированной основы, а потому вызывает большие сомнения. Присутствие древнегрузинских племен на Южном Кавказе в поздние периоды бесспорно, во всяком случае, со второй половины I тыс. до н. э. они выявляется достаточно определенно. Однако вряд ли будет правомерным «устанавливаемый на основании более поздних источников факт наличия древнегрузинских племен в этих местах распространить и на более древнюю эпоху», как это предлагается в «Очерках

истории Грузии» *(Очерки истории Грузии 1989: 90; Меликишвили 1959: 82)*[3].

Следует отметить, что существующие в грузинской академической историографии суждения по рассматриваемому вопросу противоречивы и взаимоисключающи. Так, принято считать, что «грузинские племена с древнейших времен жили на территории Закавказья, занимая территорию нынешней Грузии, а также некоторые прилегающие к ней районы» *(Меликишвили 1951: 14).* Но одновременно утверждается совершенно противоположное: во-первых, что еще в середине I тыс. до н. э. древнегрузинские племена (картвелы и мегрело-чаны) проживали на юге и юго-востоке от оз. Ван; во-вторых, что название Картли и самоназвание грузин – картвели связано с именем Кардухи, а происхождение самого этого имени – с мегрело-чанским корду, означающим хлев. Как пишет Г.А Меликишвили, «в античное время корду, вариант имени карду, мог возникнуть на западной-грузинской почве; в форме корду имя этого племени прокладывает себе путь, очевидно, посредством соседнего с кардухами племени западно-грузинского, мегрело-чанского происхождения» *(Меликишвили 1951: 14).*

Таким образом, получается, что древнегрузинские племена проживали одновременно и в Верхней Месопотамии, и на Южном Кавказе, занимая почти всю западную и центральную его части и не оставляя при этом места для исконнокавказских (хаттских, абхазо-адыгских, хуррито-урартских, нахско-дагестанских) и индоевропейских племен. Вообще трудно понять, что имеется здесь в виду: то, что грузинские племена занимали всю

[3] Следуя этой логике, нужно бы было, наверное, не только прекратить исследования по исторической географии, поскольку их необходимость вообще отпала бы, но и пересмотреть всю мировую историю и, в частности, согласиться с тем, что поскольку на территории современной Турции сегодня проживают турки, тюркские племена обитали в этих местах и в древнейшие времена, а значит, не было таких держав, как Хеттское, Фригийское, Лидийское, Византийское царства и т.д. (или эти державы относились к тюркским государствам).

территорию от Кавказского хребта до Верхней Месопотамии, или то, что они одновременно жили и на Кавказе, и в Кордуенских горах, на юге от оз. Ван, или то, что в античный период они переселились то ли с юга на Кавказ, то ли с Кавказа на юг.

По крайней мере, следовало бы объяснить, каким образом в V веке до н. э. грузинские племена вдруг, совершенно неожиданно, появились в Кордуенских горах и так же неожиданно исчезли. Как известно, в V в. до н. э. Ксенофонт упоминает кардухов на юге от места проживания армян, поэтому неизбежно возникает вопрос: как они, гипотетические картвелы, могли пройти через территорию Армении, на которой к тому времени уже существовали два армянских государства.

Также принято считать, что «с древнейших времен Западная Грузия была населена мегрело-чанскими («западногрузинскими») племенами, которые, кроме того, были широко распространены в юго-западном направлении, на южном побережье Черного моря. В Малой Азии они соприкасались с «хеттскими» племенами, а восточнее, например, в верховьях Евфрата (Кара-Су) и т. д., с хурритскими племенами. С урартскими племенами в древности они, возможно, непосредственно и не соприкасались, поскольку были отделены от них хурритским населением» *(Меликишвили 1951: 20)*.

Однако это утверждение вступает в явное противоречие не только с вышеприведенным мнением о том, что мегрело-чанские (западногрузинские) и картвельские (восточногрузинские) племена еще в раннеантичный период проживали в Верхней Месопотамии, но и с данными лингвистики. Так, в мегрело-чанском языке существует целый ряд слов, заимствованных непосредственно из урартского языка, минуя картвельский[4]. Такие

[4] Например: урартское шел (в произношении, по-видимому, сел) – ночь, мегрело-чанское сари – ночь; урартское кури – нога, мегрело-чанское кури – пята; урартское ул(а) – итти, мегрело-чанское ул – итти; урартское сила – дочь, мегрело-чанское – чили – жена и др. (См.: *Меликишвили 1951: 16*).

прямые заимствования могли явиться результатом длительных этнических контактов.

Судя по тому, что в картвельском языке этих заимствованных слов нет, контакты имели место после разделения пракартвельского языка на мегрело-чанский и картвельский, т.е. после VIII–VII вв. до н. э. Если допустить, что мегрело-чанские племена с древнейших времен проживали в Колхиде, то в таком случае возникает вопрос: каким образом в мегрело-чанском языке появились прямые заимствования из урартского языка, носители которого проживали на территории Армянского нагорья. И если мегрело-чаны жили в Колхиде, находясь начиная с VIII в. до н.э. в тесном этническом соседстве с урартами на востоке и юго-востоке (ибо другого места для урартов просто нет), то где тогда проживали собственно картвелы (восточно-грузинские племена)?

Кроме того, в таком случае остается невыясненным также ряд важных вопросов, а именно: происхождение древнейшего пласта топонимии – абхазской в Западном Закавказье и нахско-дагестанской в Восточном Закавказье, в том числе и на всей территории Картли; объяснение значительного влияния абхазского языка на картвельский (восточногрузинский) в области лексики и морфологии, если при этом минуется мегрело-чанский язык *(Чикобава 1942: 149–168; Ломтатидзе 1956: 139)*; появление абхазской морской терминологии в грузинском языке *(Дзидзариа 1999: 35–36)*; датировка и локализация длительных этнических контактов между абхазскими и картвельскими (восточногрузинскими) племенами и т.д.

Для доказательства присутствия древнегрузинских племен на Южном Кавказе во II – начале I тыс. до н. э. в качестве основных научных аргументов приводятся некоторые этнонимы и топонимы, выявленные в хуррито-урартской и хаттской ономастике, которые, по мнению Г.А. Меликишвили и др., имеют грузинский облик. К ним относятся упоминаемые в урартских и ассирийских надписях и известные в центральных районах

Южного Кавказа названия Цудала, Дидини, Иштикунив, Шешетина, Забаха, Витериухи, Катарза, Диаухи, Луша, Игани (Макалтуни). Выводы известного кавказоведа, вне всякого сомнения, заслуживают серьезного внимания, и все же грузинский облик приведенных названий представляется весьма сомнительным.

Цудала

По данным Сардуровской летописи, поселение (город) страны Бузуни – Цудала (^{URU}Şudala), локализуется юго-восточнее озера Чалдыр и западнее верховьев реки Арпачай-Ахурян *(Меликишвили 1960: 155F, стк. 6-12; Арутюнян 1985: 236)*. В названии Цудала Г.А. Меликишвили усматривает грузинское слово суди (плохой). Но в таком случае отпадает сама вероятность принадлежности племени цудала к грузинскому этносу, ибо этническое слово плохой не могло быть самоназванием: обычно подобные прозвища племя получает от соседних иноязычных племен, однако нет также данных о возможном проживании по соседству с цудалами каких-либо грузинских племен.

Название Цудала имеет ярко выраженный нахско-дагестанский облик. По мнению К.З**.** Чокаева, оно нахского происхождения: Цу – божество огня, Дала– верховный бог нахов *(Чокаев 1992: 77).* Цу (Ц*І*у) в качестве божества огня присутствует и у родственных нахам дагестанских народов. Так, например, верховный бог андийцев-аварцев именовался ЦІоб. Однако не исключена связь названия Цудала с именем дагестанского народа даргинцев – цудаха (цудахар, цудал)[5].

Дидини

Страна Дидини (^{KUR}Didini) Хорхорской надписи урартского царя Аргишти I специалистами локализуется между Дайаени

[5] Сравните также с абхазским словом а-Цута – поселение, поселок.

(Диаухи) и Бузуни, в районе современного Карса *(Меликишвили 1960: 128В1, стк. 1-5; Арутюнян 1985: 73)*. Г.А. Меликишвили производит название Дидини от грузинского диди – большой *(Меликишвили 1954: 115)*. Однако область с таким же названием – Дидуала, Дид(иани) ([URU]Diduala), упоминается ассирийскими источниками (надпись Ададнерари II на стене набережной города Ашшура) также в стране Мехри *(Дьяконов 1951: 44 (15)*, где пребывание грузинских племен никогда не было зафиксировано. Кроме того, в значении большой, великий это слово присутствует в абхазо-адыгских и нахских языках.

Как гласит надпись ассирийского царя Тиглатпаласара I, царем 4000 каскейцев (или абешлайцев), захвативших страну Шубарту, был Дади-илу Каскейский *(Арутюнян 1985: 104)*. Имя Дади – Дади из Хубушки – встречается и в надписях Шамшиадада V (825–812 гг. до н. э.) при описании похода против страны Наири *(Дьяконов 1951: II, 34)*. В вайнахских языках и в фольклоре дада обычно имеет значение отец, владетель, глава, существуют также и топонимы со стержневым словом дада *(Вагапов 1984: 21)*. На абхазском языке дад означает дед и обычно используется как имя нарицательное при обращении старшего к младшему. Фиксируется имя Дада и в Боспорских надписях, среди адыгских имен *(Бетрозов 1998: 131)*. Таким образом, слово диди (дада) в значении большой, великий относится, скорее всего, к общекавказскому словарному фонду. Следовательно, попытка определить этническую принадлежность древнего племени дидини исходя из значения слова диди в том или ином современном языке обречена на неудачу.

Более правомерным нам кажется сопоставление дид (ини) урартских источников с наименованием дагестанского народа – дидои, представители которого проживают ныне в высокогорной части Западного Дагестана[6]. Дагестанские дидои известны

[6] В настоящее время территория дидойцев на юге ограничена Главным Кавказским хребтом, на востоке – Богосским и Мичитлинским, на северо-за-

античным авторам как дидуры, армянским – дидурк, грузинским – дидо-ети.

Шешетина

Область Шешетина ([KUR]Šešetina) локализуется в стране Дайаэни (Диауехи), к северу от среднего течения реки Чорохи *(Дьяконов 1951: 10, (IV, 43); Меликишвили 1960: 36, стк. 1–10; Арутюнян 1985: 245–246).* В этом топониме выделяется компонент ти – Шеше(ти)на, который рассматривается как грузинский суффикс места *(Меликишвили 1954: 115).* Однако вряд ли такое объяснение приемлемо. По одному лишь суффиксу ти (Шавше-ти) довольно сложно определить этническую принадлежность населения указанной области в столь давние времена. Ибо, как известно, топонимообразующий суффикс ти имел широкое распространение также в урартской, абхазской и нахской топонимии.

Учитывая, что топоним Шешети (Шешетина) в урартский период фиксируется в северных районах Диаухи (Шешетина), а позднее – у истоков реки Риони (Шошети), на территории проживания двалов, относимых специалистами к нахскому этносу. Однако разыскания В.Е. Кварчия показывают связь носителей топонима с основой шеш//шаш с древнеабхазскими племенами *(Кварчия 2019: 333–334)*, что, наверное, более вероятно.

Иштикунив

Страна (город) Иштикуниу ([URU]Ištikuniu[KUR]) располагалась на северо-западном побережье оз. Севан. Известно также и название одного из городов (центров) Иштикуниу – Алишту *(Меликишвили 1960: 134, 432; Арутюнян 1985: 96)*. Г.А. Меликишви-

паде – отрогами Перикительского хребта. С юга дидойцы граничат с Кахетией, на западе – с Тушетией.

ли допускает возможность того, что компонент иу (ив) (Иштикун-ив) является грузинским суффиксом, но при этом оговаривает: «… Так как названия, в которых встречается данное окончание ив в других отношениях (например, своими основами) не обнаруживают близость к грузинскому языковому материалу, мы затруднились бы высказать такое предположение» *(Меликишвили 1954: 115–117)*. По его мнению, топонимы с суффиксом ив, «скорее всего, …должны принадлежать каким-либо близкородственным урартийцам племенам, в языке которых (подобно хурритскому) имелся суффикс *iw* (*-ip*)». Таковыми являются родственные хуррито-урартским дагестанские языки, и надо полагать, что вышеуказанные этнотопонимы с суффиксом ив (иб) своим происхождением обязаны именно дагестанским племенам *(Меликишвили 1954: 115–117)*. В топонимии Дагестана распространены названия с окончанием на ив//иб (Гуниб, Цурив, Кахиб, Арчив Галиб и др.), где ив (иб) является топонимообразующим суффиксом. Суффикс ив продуктивен и в современных дагестанских языках: например, чеченский город Шали по-лакски называется Шалив. Таким образом, более предпочтительно считать население Иштикуниу этнически родственным современным дагестанским народам.

В грузинской исторической литературе, особенно научно-популярной, к грузинским племенам apriori причисляется также население упоминаемых ассирийскими и урартскими источниками областей Диаухи (Тайк, Тао), Катарза (Кларджк, Кларджети), Забаха (Джавахк, Джавахети), Витерохи (Видзерохи, Одзрахе, Одзрхе), Луша, Игани (Иани), хотя убедительных научных оснований для этого нет. Чаще всего приводится уже известный аргумент: если грузинские племена проживали здесь в средневековый период, то, значит, они были здесь и ранее (см. выше). Правда, историки почему-то упускают из виду, что высказавший это предположение Г.А. Меликишвили, отмечая хуррито-урартский облик перечисленных названий, а также названий, упоми-

наемых вместе с ними, всегда оговаривал, что его мнение об их грузинской принадлежности – всего лишь гипотеза, доказательство или опровержение которой – дело будущего.

Однако дальнейшие исследования не выявили никаких фактов, которые подкрепили бы эту гипотезу, так что пока она не имеет научно аргументированного подтверждения. Поэтому, даже зная о существовании в этих местах грузинских племен позднее, вряд ли стоит утверждать, что они проживали здесь в более древнюю эпоху.

В конце II – начале I тысячелетия до н. э. на территории центральных областей Южного Кавказа урартские и ассирийские источники выделяют два крупных политических объединения – Диаухи (Диаени) и Этиаухи (Этиуни, Этив), в которые в различные исторические периоды входили перечисленные выше племена и области. На протяжении XII–VIII вв. до н. э. в ассирийских и урартских источниках Диаухи выступает как обширная и могущественная страна, стоявшая во главе огромной коалиции «стран Наири» *(Меликишвили 1954: 59–62).* В указанных источниках название Диаухи генетически связано с наименованием конкретного племени и является этнонимом.

В V в. до н. э. Ксенофонт использует термин таохи как этническое название племени, обитавшего на этой же территории. Еще позднее здесь находилась область Тайк древнеармянских (Тао древнегрузинских) источников. «Все это, – как справедливо отмечает Г.А. Меликишвили, – указывает, что перед нами местное, принадлежащее самому народу Диаухи, название» *(Меликишвили 1954: 58).* Известны названия трех городов Диаухи – Шашилу(-ни) (царский город), Зуа(ина) и Утуха, и имена трех царей – Сени (1111 г. до н. э.), Асиа (846 г. до н. э.), Утупуршини (809–785 гг. до н. э.), и все они, несомненно, имеют хуррито-урартский облик. Хуррито-урартский облик обнаруживают и названия племен и областей, входивших в состав объединения Диаухи, причем часть из них имеют прямые аналоги в нахской этнотопонимике.

Предполагается, что в конце правления урартского царя Аргишти I (786–764 гг. до н. э.) и начале царствования Сардура II (764–735 гг. до н. э.) объединение Диаухи было завоевано и прекратило свое существование. После этого в урартских письменных источниках Диаухи как объединение больше не упоминается. Согласно представленной в специальной литературе версии, государство Диаухи, ослабшее в продолжительной войне с Урарту, пало, после чего было включено в состав Урарту, а часть его земель в долине Чороха заняло усилившееся государство Кулха *(Меликишвили 1954: 263–265).*

В период господства Ахеменидов территория Диаухи (Тайк) входила в 18-ю сатрапию Персидской империи, а примерно с начала II века до н. э. стала составной частью Армении. Согласно Страбону, жители Тайка (Диаухи), Кларджк (Кларджети) и Джавахк (Джавахети), уже во II в. до н. э. общались между собой на армянском языке, что, безусловно, говорит об ассимиляции проживавших здесь хуррито-урартских и родственных им нахских племен с переходом на армянский язык *(Страбон: XI, 14, 5).* Так, например, по мнению акад. Г.А. Капанцяна, знаменитые армянские нахарары (князья) Тайка (Тао) Мамиконяны являются прямыми потомками «древнего и могучего хуррито-урартского княжеского рода *diao*» (*dia-uhi, диаухи*) *(Капанцян 1940: 32)*[7].

К востоку и юго-востоку от Диаухи – в долине Аракса, в бассейне Чалдырского озера, лежали страны Эриахи, Катарза, Луша, Иани (Игани), Уитерухи, Иштелуани, Абилианихи и др. Из них Луша и Иани (Игани) урартских источников локализуются на юге и юго-западе Чалдырского озера и сопоставляются соответственно с лазами и гениохами (hениохами) Черномор-

[7] Область Тайк вплоть до VIII века н.э. являлась наследственной вотчиной армянского нахарарского (княжеского) рода Мамиконянов, наследных военачальников (спарапетов) Армении. В VIII веке (734–735 гг.) сюда переселились со своими семьями представители одной из ветвей нахарарского рода Багратуни, ставшие владетелями Тайка.

ского побережья. Предполагается, что, после падения Понтийского царства, на рубеже новой эры, среди племен, проникших в Восточное Причерноморье, были и луша, и игани, ставшие здесь известными уже под именами лазы и гениохи *(Меликишвили 1959: 366–367).*

Однако нет никаких свидетельств, которые могли бы подтвердить указанное предположение, а напротив, возникает ряд вопросов, без ответов на которые эту гипотезу сложно принять. Так если допустить, что лазы и гениохи являются западногрузинскими племенами луша и игани, переселившиеся из района Чалдырского озера к берегам Черного моря на рубеже новой эры, то непонятно, как в таком случае объяснить: 1) что гениохи (hениохи) были известны на побережье Черного моря уже начиная с середины I тысячелетия до н. э. и занимали обширную территорию Черноморского побережья, включая и территорию к север-западу от Колхиды; 2) что в античных источниках гениохи представлены бесстрашными пиратами, которые в IV в. до н. э. совершали на своих знаменитых судах нападения не только на корабли в открытом море, но и на города на суше; 3) что гениохи были искусными судостроителями и мореплавателями, и слава о них распространилась далеко за пределы стран Черноморского бассейна; 4) что первоначально Лазикой древние авторы называли местность близ Туапсе (Старая Лазика); 5) что в древности была весьма сильна традиция, согласно которой лазы считались древнейшими обитателями Колхиды и прямыми потомками колхов и т.д.

Кстати, Г.А. Меликишвили отмечает, что лазы являлись древнейшими обитателями Колхиды и «прямыми потомками колхов», однако далее, противореча собственному мнению, пишет, что «горское племя лазов, вероятно, проникло в низменные районы Колхиды на рубеже н. э.» из области Луша урартских источников, лежавшей около Чалдырского озера (См.: *Меликишвили 1959: 66, 67, 366–367*). Возникает вопрос: каким образом лазы,

проникшие на территорию Колхиды на рубеже новой эры, могли быть древнейшими жителями этих мест и прямыми потомками колхов, проживавших здесь ранее и известных в письменных источниках еще со второй половины II тысячелетия до н. э.

Вряд ли на основе лишь только весьма сомнительного внешнего созвучия (луша – лаз, игани – гениох) можно уверенно заявлять о принадлежности к западногрузинским (мегрело-чанским) племенам население областей Луша и Игани, проживавшего, согласно урартским источникам, около Чалдырского озера, в окружении племен, говоривших на хурито-урартских и нахско-дагестанских языках – тем более что переход урартского Луша в Лаз, а Игани (Иани) в *h*Ениох с точки зрения лингвистики небезупречен и вызывает у языковедов серьезные возражения *(Карагезян 1998: 160, 210).*

В урартских надписях Луша и Игани часто выступают в составе объединения Этиуни (Этиухи, Этив). Могущественное объединение Этиуни (Этиухи) вышло на политическую арену после падения Диаухи, заняв обширную территорию от района Карса-Эрзерума на западе до слияния Куры и Аракса на востоке, включая такие области, как Айрарат, Тайк, Гугарк, Арцах, Сюник и другие, позднее ставшие частями Армении *(Меликишвили 1954: 251; Арутюнян 1985: 262–263).*

Среди областей и племен, входивших в состав Этиуни, урартские источники называют также Дидини, Цудала, Катарза, Луша, Эриахи (Эры), Иани (Игани), Витерухи, Апуни, Абиани, Аркуа (на правом берегу Аракса, у подножья горы Арарат), Уаирда и другие *(Меликишвили 1960: 155А, 13 и сл.; Меликишвили 1954: 57; Арутюнян 1985: 126–127, 258–259).* Все перечисленные названия, как и подавляющее большинство прочих этнотопонимов, упоминаемых урартскими и ассирийскими источниками, характерны для хуррито-урартской, абхазо-адыгской и нахско-дагестанской ономастики, что неоднократно было отмечено различными исследователями.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в период правления урартского царя Сардури II (764–735 гг. до н. э.) во главе объединения Этиухи стоял царь Игани Диуцини. Так, например, известно, что около 748 (746) г. до н. э. Сардури II вел войну против «Диуцини иганиеца, царя страны Этиухи» *(Меликишвили 1960: 155, С, 49–55; Меликишвили 1954: 227)*. Очевидно, что иганийцы могли возглавить союз племен, проживавших на столь обширной территории Южного Кавказа, лишь при условии, что были одного с ними этнического происхождения и говорили на том же языке, что и основное население региона.

Как свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении материалы, в середине VIII в. до н. э. большинство населения указанного региона составляли хуррито-урартские и родственные им нахско-дагестанские племена. Позднее, уже в античный период, данные территории вошли в состав Великой Армении, и основная часть населения, видимо, была ассимилирована и стала составной частью армянского народа. Имя Луша сохранилось в названии армянской области Лори, а иганийцы дали начало известному армянскому нахарарскому (княжескому) роду Гнуни *(Капанцян 1940: 13)*.

Примечательно также то, что названия с характерным для дагестанских языков окончанием -ив (Абарсунив, Каманив, Цурзалдив, Ликив и др.) упоминаются урартскими источниками в основном в восточных областях объединения Этиуни (Этив, Этиухи) *(Меликишвили 1960: 155D, стк. 47–52; Меликишвили 1960: 155A, стк. 13–19; Дьяконов 1951: 10 (IV, 43), 49 (233)*. Именно в этих районах встречаем ряд этнотопонимов урартского периода, имеющих прямые параллели в современной этнотопонимической номенклатуре Дагестана. К таковым можно отнести, например, Шаке, Албан, Ликив[8], причем урартские источники называют их на правобережье Аракса *(Карагезян 1998:*

[8] Ликив (Лик-ив) урартских клинописей связывается с этническим названием дагестанского народа леков (леки).

163), а позже, в античный и средневековый периоды, встречаем их уже на левобережье Куры и в районах Восточного Кавказа.

В то же время нельзя не заметить, что в наименованиях областей и племен, размещавшихся в Диаухи и в западной части Этиуни, т.е в центральной части Южного Кавказа, преимущественно проявляется уже связь с нахской этнотопонимической номенклатурой. Помимо уже отмеченных выше, следует привести и наименование племени и города Хилдихерули в стране Диаухи, которое находит свою параллель в названии известного чеченского тейпа и одноименной местности Хилдехьарой в горной Чечне.

Сложно определить, каких пределов на севере достигало объединение Этиаухи (Этиуни) и как долго оно просуществовало – возможно, в период могущества Урарту страна Этиуни была завоевана и включена в состав Урартского царства. В античное время племенные группы этиуны (удины − античных, ути − армянских источников) и эры известны уже на побережье рек Куры, Иори и Алазани. О том, что основная часть древнейшего населения этого региона принадлежала нахско-дагестанским народам, помимо всего прочего свидетельствуют данные топонимики и гидронимики. Например, название реки Кура происходит от дагестанского кур – река (хапут.-крызск. кур; будугск. кур; срызск. кур; хапутск. кур; рутульск. кор). Наименование реки Иори также восходит к аварскому иьор – река, вода. Оно также составляет основу ряда гидронимов (названий озер) Алазанской долины: Ур, Рахквор, Ханзиор, Кудор и др.

Если в том, что удины (ути) относятся к лезгинскому народу, нет никаких сомнений, то вопрос этнической принадлежности эров пока остается открытым. Имеющиеся на сегодняшний день материалы не позволяют однозначно ответить, к каким именно племенам – нахским или дагестанским – принадлежал этот народ. Можно лишь с уверенностью сказать, что эры – одни из представителей нахско-дагестанской языковой группы искон-

нокавказской языковой семьи, и это мнение в научных кругах не вызывает возражений. Свою этническую самостоятельность эры сохранили на протяжении всего раннего средневековья – периода возникновения и расцвета Эретского княжества, а впоследствии – царства. Только после XV в. одна часть эров, вероятно, слилась с грузинами, а другая, скорее всего, эмигрировала и стала известна уже под другим именем.

Таким образом, несколькими путями, по линии племенных названий выявляется близость населения Диаухи и Этиаухи к восточно-кавказской группе племен, а значит, становится вероятным предположение о том, что Диаухи и Этиаухи представляли собой объединения родственных племен, судя по всему, хуррито-урартского и нахско-дагестанского. Во всяком случае, практически все этнонимы и топонимы данного региона, сохранившиеся в ассирийских и урартских надписях, имеют ярко выраженный хуррито-урартский и нахско-дагестанский облик, а значит, принадлежность проживавших здесь племен к восточнокавказской языковой группе северокавказской (исконнокавказской) языковой семьи вряд ли может вызывать сомнения. Подтверждением тому служит также и тесная связь материальной культуры отмеченных областей с культурой более северных регионов Южного Кавказа.

Источники и литература

Арутюнян 1985: Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван: изд-во ЕГУ, 1985.

Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946: Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С. История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1946.

Бетрозов 1998: Бетрозов Р.Ж. Адыги: возникновение и развитие этноса. Нальчик: Эльбрус, 1998.

Вагапов 1984: Вагапов Я.С. Лингвистические данные о местоположении и происхождении названий аланских городов

Магас и Дедяков // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный, 1984.

Гамкрелидзе, Иванов 1984: Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. 1, 2. Тбилиси, 1984.

Георгиев 1958: Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

Дзидзариа 1999: Дзидзариа О.П. Некоторые абхазизмы, представленные в картвельских языках // Международная научная конференция «Современные проблемы Кавказского языкознания и фольклористики». Сухум, 1999.

Дьяконов 1951: Дьяконов И.М. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (АВИИУ) // ВДИ. № 2–4. 1951.

Дьяконов 1982: Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. № 2, 3. 1982.

Капанцян 1940: Капанцян Г. История Урарту (на арм. яз.). Ереван, 1940.

Карагезян 1998: Карагезян Ов. Топонимика клинописи (на арм. яз.). Ереван, 1998.

Кварчия 2019: Об абхазском (абхазо-абазинском) вкладе в топонимию Закавказья и сопредельных с ним регионов Малой Азии. Собрание трудов. Т. 4. Сухум: Akademia, 2019. С. 332–344.

Клейн 2007: Клейн Л.С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007.

Ломтатидзе 1956: Ломтатидзе К.В. О некоторых вопросах происхождения и локализации абхазов // Манатоби. №12. Тбилиси, 1956.

Меликишвили 1951: Меликишвили Г.А. Некоторые вопросы древнейшей истории грузинского народа // Доклад на XXXI сессии Отделения общественных наук Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси, 1951.

Меликишвили 1954: Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Меликишвили 1960: Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М., 1960.

Мерперт 1974: Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Милитарев, Старостин 1984: Милитарев А.Ю., Старостин С.А. Общая афразийско-севернокавказская культурная лексика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.

Милитарев, Старостин 1989: Милитарев А.Ю., Старостин С.А. К проблеме афразийско-северокавказских этнолингвистических связей // Кавказ и цивилизации Древнего Востока. Материалы всесоюзной научной конференции. Орджоникидзе, 1989.

Очерки истории Грузии 1989: Очерки истории Грузии. Т. 1, 2. Тбилиси, 1989.

Смирнов, Кузьмина 1977: Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Старостин, Николаев 1984: Старостин С.А., Николаев С.Л. Северокавказские языки и их место среди других языковых семей Передней Азии // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 3. М., 1984.

Старостин 1988: Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Вып. LXXX. М., 1988.

Страбон: Страбон. География. М.: Наука, 1964.

Рубин 2001: Рубин О.С. К проблеме локализации индоевропейской прародины // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов международной археологической конференции. Краснодар – Анапа, 2001.

Чикобава 1942а: Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Известия ИЯИМК. Тбилиси, 1942. Т. XII.

Чикобава 1952: Чикобава А.С. Введение в языкознание. Ч. 1. М., 1952.

Чокаев 1992: Чокаев К.З. Нахские языки. Историко-филологические разыскания. Грозный, 1992.

Шилов 1993: Шилов Ю.А. Прародина ариев. Киев, 1993.

ОСНОВА ИСТОРИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ И ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ ТАБЛИЦЫ НАРОДОВ КАВКАЗА ЛЕОНТИ МРОВЕЛИ

Летописный свод «Картлис цховреба» («История Грузии») открывается сочинением, приписываемым грузинскому историку XI в. Леонти Мровели, – «Жизнь картлийских царей и первоначальных отцов и предков»[1]. Данный памятник представляет собой типичное историко-литературное произведение раннего средневековья со всеми его характерными чертами: наряду с письменными материалами, в нём широко используются устные предания, мифологические легенды, присутствуют многочисленные анахронизмы, случайные высказывания и т.д. *(Цулая 1982: 178; Дидебулидзе 1984: 88).* Поэтому использование сведений Мровели, как и других раннесредневековых источников, возможно лишь при наличии иных данных, которые контролируют и, так или иначе, подтверждают их достоверность[2].

---

[1] В работе использован древнеармянский текст «Картлис цховреба», переведенный с древнегрузинского во второй половине XII в. *(Мровели, рук. № 1902; Абуладзе, 1953)*, а также издания источника с переводом на русский язык Г. В. Цулая *(Мровели: 1979).* Древнейший список армянского текста «Картлис цховреба» датируется 1279–1311 гг. (рукопись хранится в Матенадаране им. Маштоца, № 1902), он древнее сохранившихся грузинских списков и более близок к оригиналу *(Абуладзе 1953 25; Какабадзе 1979: 75).*

[2] Отношение к данным Мровели в научной литературе было неоднозначным – от полного отрицания их ценностей до некритического отношения к ним. Однако благодаря источниковедческим исследованиям Г.К. Каухчишвили, К.С. Кекелидзе, Г.А. Меликишвили, З.В. Анчабадзе, В.Б. Виноградова, З.Ш. Дидебулидзе, Г.В. Цулая и др. убедительно доказана научная ценность основных сообщений хроники древнегрузинского историка. Подробно см. *Цулая, 1982,* там же, сводку литературы по данному вопросу.

Среди представителей древней письменной традиции, считавшей предков грузин пришлыми на Кавказ, труд Леонти Мровели «Жизнь картлийских царей» стоит особняком. В нём впервые выдвинута концепция об автохтонном происхождении картвелов (грузин) и мегрелов на Кавказе, а также представлена уникальная, до сих пор не разгаданная идея о едином происхождении народов Кавказа.

Своё повествование Леонти Мровели начинает с перечня народов, происходящих от одного предка – Таргамоса: «Прежде всего упомянем, что у армян и картлийцев, и ранов, и моваканов, и эров, и леков, и мегрелов, и кавкасианов – у всех [этих народов] был единый отец по имени Таргамос. Сей Таргамос был сыном Таршиса, внуком Иафета – сына Ноева. Был тот Таргамос героем. По разделении языков, когда воздвигали башню Вавилонову, различились и рассеялись оттуда языки по всему свету. Пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом. … Среди сынов его отличились восемь братьев, герои многосильные и славные, которых звали так: первого – Гаос, второго – Картлос, третьего – Бардос, четвертого – Мовакан, пятого – Лек, шестого – Эрос, седьмого – Кавкас, восьмого – Эгрос. И были эти братья героями. Но лучшим из героев тех был Гаос, ибо подобного ему ни телом, ни мощью и мужеством не было ни до потопа, ни после него. … И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос. Все они находились во власти Гаоса» *(Мровели Леонти: 21–22; Матенадаран: № 1902).*

Весьма необычной считается также сконструированная грузинским историком этническая «иерархия» народов Кавказа, возглавляемая армянским этнархом Гаосом (hАйк). Леонти Мровели «с первых строк своего сочинения излагает историю Грузии и Кавказа в целом, под «эгидой» армянского этнарха и его «потомства»» *(Цулая 1982: 178).* Гаос (hАйк) стоит на вер-

шине генеалогического древа кавказских народов; он является царём, а все остальные кавказские народы находятся в его власти и покорны ему. Именно Гаосу приписывается решающая роль в совместной битве кавказцев против их общего врага Неброта (библ. Нимрод) *(Мровели Леонти: 22–23).* Данное обстоятельство стало для исследователей поводом «аттестовать» Мровели как историка с ярко выраженной «армянофильской» тенденцией.

Выяснению истоков исторической концепции Мровели, а также причин его «армянофильства» посвящено множество работ, и по этой теме собран обширный материал. В 1966 году по данной проблеме даже была проведена специальная дискуссия в Институте истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили АН ГССР (Тбилиси) *(Материалы дискуссии…: 1968).* Однако эти вопросы до сих пор остаются неразрешенными.

В самом деле, затруднительно найти причины, побудившие Леонти Мровели признать за армянским этносом первородство и приоритет среди кавказских народов. В некотором смысле такая позиция автора вступает в противоречие и с самой целью его сочинения, заключающейся, по мнению учёных (Г.А. Меликишвили, Н.Ю. Ломоури, З.Ш. Дидебулидзе и др.), в том, чтобы показать главенствующую роль на Кавказе именно грузин. Но учитывая, что сама идея об общем происхождении кавказских народов – не плод выдумки самого Мровели, поскольку, «как и всякий летописец-хронист, он не мог измышлять описываемые им факты» *(Цулая 1982: 178)*, исследователи стремились выявить истоки его концепции и так называемой армянофильской тенденции в использованных им источниках или в тех периодах истории армянского народа, когда Армения играла главенствующую роль в исторических судьбах народов Южного Кавказа.

При построении генеалогического древа кавказских народов Мровели, несомненно, опирается на известную схему библей-

ской всемирной генеалогии – «Таблицу народов»[3], согласно которой после всемирного потопа человечество ведёт свой род от трёх сыновей Ноя – Сима, Хама и Яфета; также он использовал «Хронику» Ипполита в её древнеармянской версии VII века и «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, где зафиксировано генеалогическое древо армянского народа. Вместе с тем сравнительный анализ источников выявляет ряд существенных расхождений, которые ставят под сомнение непосредственную зависимость труда Леонти Мровели от названных памятников.

Исследователи отмечают уверенность грузинского летописца в том, что упоминаемые им кавказские народы происходят от одного отца – Таргамоса. Эта уверенность не могла быть продиктована ни одним из вышеперечисленных источников, так как в них ничего об этом не говорится *(Кекелидзе 1923: 33; Кекелидзе 1945: 100; Цулая 1982: 182)*. Как справедливо отмечает Г.В. Цулая, если Леонти Мровели и пользовался указанными источниками, то опосредованно, заимствовав в них популярную в раннем средневековье схему построения генеалогического древа народов, но при этом наполнив её иным содержанием – бытовавшими в то время местными преданиями (скорее всего, устными) о происхождении кавказских народов *(Цулая 1982: 183)*.

Не дали положительного результата и попытки некоторых учёных связать признание приоритета армянского этноса с теми или иными периодами его истории. Так, некоторыми историками было выдвинуто предположение, что «армянофильская» тен-

[3] «Таблица народов» представляет часть т.н. «Жреческого кодекса» – литературно-исторического памятника V в. до н.э. – и перечисляет известные в то время иудеям народы, представляя их в виде родословного древа мнимых потомков трех сыновей Ноя – Шема (Сима), Хама и Йефета (Яфета). Имя каждого из этих «потомков» является названием какого-либо племени, народа или страны, а «родственные» связи между ними установлены по политическим признакам. Политические условия указывают на начало VI в. до н э. как на время созидания «таблицы».

денция Леонти Мровели базируется на преемственности между феодальной Грузией и Армянским царством Багратидов: после падения последнего политическими гегемонами на Кавказе наследниками Гаоса (hАйка) и его потомков должны были стать Картлос и его потомки. Однако эта гипотеза была подвергнута убедительной критике со стороны большинства исследователей *(Материалы дискуссии…: 1968: 320–321).*

С мнением о преемственности феодальной Грузии с Армянским царством Багратидов трудно согласиться хотя бы потому, что весьма сомнителен сам тезис о политической гегемонии Багратидской Армении и феодальной Грузии на Кавказе в XI в. Начиная с X в. политическая гегемония на Южном Кавказе перешла к Абхазии, что в конечном итоге и привело к созданию объединенного государства закавказских народов под эгидой Абхазского царства.

Таким образом, идея преемственности политического главенства на Кавказе в XI в., согласно реально существовавшей тогда этнополитической ситуации, должна была исходить от Абхазии, и от Леонти Мровели следовало ожидать скорее не «армянофильства», а «абхазофильства». Но этого не наблюдается; более того, в генеалогической таблице Мровели вообще отсутствуют абхазы, что, конечно, уже само по себе парадоксально для автора XI в., тем более грузинского.

Можно было бы согласиться с тем, что «армянофильство» грузинского историка является продуктом XI в., в том случае, если бы эта тенденция прослеживалась во всём произведении. Однако признание за армянским этносом приоритета в историческом развитии народов Кавказа в сочинении Леонти Мровели ограничено хронологически, соответствует лишь начальному, так называемому мифологическому этапу их истории; при описании же последующих периодов звучат далеко не армянофильские, а, наоборот, армянофобские ноты *(Цулая 1982: 185–186).*

Поиск причин, которые привели к признанию приоритета за армянским этносом на начальном этапе истории кавказских народов, вновь заводит в тупик, ибо главенство армян в этот период не может быть подтверждено никакими известными нам историческими данными. Первое упоминание Армении появляется в знаменитой Бехистунской надписи персидского царя Дария I, датируемой концом VI в. до н.э. (520 г.). К этому времени относится и возникновение первых армянских государственных образований.

Однако эти государства были не столь сильны, чтобы оказывать на соседние страны сколько-нибудь значительное политическое влияние, которое могло бы послужить причиной возникновения впоследствии идеи о главенствующей роли армянского этноса среди кавказских народов. Кроме того, с VI по II вв. до н.э. Армения сама находилась в зависимости от крупных соседних держав: в VI веке до н.э. она входила в состав Мидии, затем – в состав Ахеменидской империи, а после разгрома последней Александром Македонским оказалась в зависимости от образовавшегося Селевкидского царства.

Возвышение Армении начинается с первой половины II в. до н.э., а в I в. до н.э., при царе Тигране II Великом, создаётся мощное армянское царство, охватывающее значительную часть Передней Азии. Можно было бы ожидать, что истоки армянофильства Леонти Мровели восходят именно к этому периоду. Однако нет никаких оснований для такого утверждения – Армянское царство Арташидов вообще не упоминается в его сочинении. В сообщениях грузинского хрониста при описании этого периода прослеживаются не столько проармянские, сколько антиармянские настроения. Грузинские правители изображаются героическими защитниками своей страны, пытающимися освободиться от Армении, и противопоставляются армянским царям, что для историка, аттестованного как армянофила, выглядит более чем странно *(Мровели Леонти: 28; Цулая 1982: 185).*

При анализе так называемой армянофильской тенденции, как и исторической концепции Леонти Мровели в целом, главным упущением исследователей стала попытка выявить её истоки исключительно в истории Армении и Грузии и армяно-грузинских взаимоотношениях того или иного исторического периода, тем самым неоправданно ограничив рамки разысканий. Между тем причины признания приоритета за армянским этносом на начальном этапе истории народов Кавказа («армянофильства») и разгадка самой концепции Леонти Мровели об общем происхождении народов Кавказа лежат, как мне представляется, в другой плоскости и требуют иного подхода.

Согласно Хронике Леонти Мровели, после Вавилонского столпотворения и расселения племён «…пришел Таргамос со всем племенем своим и утвердился между двумя недоступными человеку горами – Араратом и Масисом… Но не вмещали их земли Арарата и Масиса, и поделил Таргамос земли и племена свои между восемью этими героями: половиной племен и лучшей половиной земли своей наделил он Гаоса, затем семерым отвел долю каждому по достоинству… И над семью этими братьями своими был повелителем и владыкой Гаос» *(Мровели Леонти: 21).* То есть первоначальным местом проживания, прародиной перечисляемых кавказских народов является Араратская долина и близлежащие области, откуда эти народы затем расселились, получив наделы земли от своего мифического предка Таргамоса. Здесь же, у подножья горы Арарат, происходит решающая победоносная битва кавказских народов (таргамосиан) во главе с Гаосом против их поработителя Неброта (Нимрода).

Сообщение Леонти Мровели совпадает с аналогичным сообщением армянского историка V века Мовсеса Хоренаци о происхождении и начальном этапе истории армян, в связи с чем исследователями высказано мнение, что Леонти Мровели это предание всецело заимствовал у Мовсеса Хоренаци (К.П.

Патканов, К.С. Кекелидзе и др.). Но при несомненной схожести сообщений обоих историков исследователи выявляют в них и различия, ставящие под сомнение факт прямого заимствования. Так, у Мовсеса Хоренаци царем вавилонян является Бэл, а у Леонти Мровели – Неброт; у Мовсеса Хоренаци битва с вавилонянами происходит возле озера Ван, а у Леонти Мровели – у подножья горы Арарат; у Мовсеса Хоренаци армянский этнарх hАйк борется против Бэла единолично, а у Леонти Мровели – в союзе с народами Кавказа *(Мовсес Хоренаци: I, 11; Мровели Леонти: 22–23; см. также: Цулая 1982: 182; Мусхелишвили 1978: 28).*

В пылу полемики о том, заимствован ли текст грузинского автора у Мовсеса Хоренаци или нет (кстати, продолжающейся в научной литературе до сих пор), исследователи, кажется, упускают главное, а именно то, что в обоих случаях речь идёт, с незначительными различиями, об одних и тех же событиях и об одном и том же историческом периоде – периоде Урартского царства. Вряд ли могут возникнуть какие-либо сомнения в том, что в сообщениях Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели о битве сыновей Таргома с вавилонским царём (Небротом у Леонти Мровели, Бэлом у Мовсеса Хоренаци) отражены предания о многовековой борьбе Урарту с Ассирией и Вавилоном, о многократных военных нашествиях ассирийских и вавилонских царей на Урартское царство.

Неброт Леонти Мровели и Бэл Мовсеса Хоренаци олицетворяют, как известно, Ассирию и Вавилон. У семитических народов – ассирийцев, вавилонян, халдеев и др. – Бэл был богом солнца, владыкой неба и света, создателем мира и людей («Название Бэл, что значит владыка, давалось …также и царям»), и в рассказе Мовсеса Хоренаци отражена борьба Гаоса (hАйка) с Ассирией и Вавилонией, верховным богом которых был Бэл *(Абегян 1975: 22).* Неброт (Нимрод) – по ветхозаветным преданиям, первый после потопа царь на земле, основатель Вавилон-

ского царства. У Леонти Мровели этим именем обозначаются вавилонские цари *(Меликишвили 1959: 36–37)*[4].

Следовательно, начальный этап истории упоминаемых Леонти Мровели кавказских народов восходит, скорее всего, к Урартскому царству. Как известно, с V в. до н.э. имя Урарту исчезает из исторического обихода (последний раз оно встречается в надписи персидского царя Ксеркса), и на смену ему приходит и прочно устанавливается название Армения, охватывающее бывшую территорию Урарту. Собственно, история Армении является прямым продолжением истории не только протоармян, но и урартов, вошедших «чрезвычайно мощным в численном и культурном отношении компонентом в состав армянского народа» *(Дьяконов 1967: 239)*, и фактически армянский народ становится правопреемником урартской истории и культуры.

В связи с этим античные авторы трактовали историю Армении как продолжение истории Урарту, называя последнюю Арменией, не говоря уже о раннесредневековых армянских и грузинских историках, которым не было известно название Урарту и которые рассматривали урартский период как древний, начальный этап истории Армении. Для Мовсеса Хоренаци, например, история Урарту и Армении неразрывна – это история одного и того же народа. Так, сообщая о периоде появления на исторической арене мидян, Мовсес Хоренаци пишет: «…Что действительно в то время существовало царство нашего народа, тому свидетель пророк Иеремия, который призывает на войну против Вавилона: «Созовите, говорит он, царство Араратское и воинство Асканазское!» Этим подтверждается существование в то время нашего царства» *(Мовсес Хоренаци: I, 22)*.

Аналогичное наблюдается и в раннесредневековой грузинской литературе, где термины Арарат – библейское название Урарту, и Армения являются идентичными и равнозначными

[4] Кстати, на тождество Бэла и Неброта указал еще в XII веке автор перевода «Картлис цховреба» на армянский язык.

(Барамидзе 1972: 57). Безусловно, в этом отношении не является исключением и Леонти Мровели, который, следуя раннесредневековой традиции, отождествляющей Урарту (Арарат) с Арменией, рассматривает историю Урарту и Армении как единое целое – как историю собственно Армении и армянского народа. В таком случае казавшиеся необъяснимыми сообщения Леонти Мровели о начальном этапе истории кавказских народов (таргамосиан), проходившем под эгидой армянского этнарха Гаоса (hАйка), становятся ясными и логичными, ибо речь в них идёт не об Армении и армянах, а об Урарту и урартах.

Для понимания сути концепции Леонти Мровели большое значение имеет уверенность древнегрузинского историка в том, что территория Урарту является прародиной всех перечисляемых им народов – армян, грузин, ранов, моваканов, эров, леков, кавкасиан и мегрелов. Истоки общности происхождения этих народов Мровели возводит именно к Урарту, называя эту страну Арменией, которая, по его мнению (вернее, мнению его источников), являлась первоначальным местом проживания всех этих народов, откуда они затем расселились по регионам Кавказа.

Если рассмотреть данное утверждение не с точки зрения раннесредневековых историков, для которых Урарту есть Армения, а с позиции современных знаний о той эпохе, то есть отделяя историю Урарту от истории собственно Армении, то становится очевидным, что урартский период является общим достоянием, начальным этапом истории всех перечисляемых грузинским историком кавказских народов.

О значительном политическом и культурном влиянии Урартской державы на соседние народы, в частности кавказские, на заре их истории, о её важной роли в становлении армянской и, в определённой степени, грузинской государственности говорить не нужно – это общеизвестно. Общий культурно-исторический субстрат урартов и в некоторой степени преемственность по праву делят с армянским народом и грузины *(Дьяконов 1967: 239; Меликишвили 1959: 116–117)*. И нет ничего неожиданного

в том, что начальный этап истории армян и грузин в изложении Леонти Мровели проходил под эгидой Урартского царства. Это соответствует той исторической действительности, которая известна нам к настоящему времени.

Таким образом, появляются веские основания предполагать, что, по Леонти Мровели, главными в ряду перечисленных народов, сыгравших решающую роль на начальном этапе их истории, являются именно урарты, которых древнегрузинский историк называет армянами. Соответственно, корни генеалогического древа перечисляемых кавказских народов Леонти Мровели возводит к Урарту, но называет именем легендарного предка армян – Гаосом (Айком). Отсюда становится очевидной неправомерность аттестации Леонти Мровели как «армянофила», ибо если и можно было бы заподозрить нашего автора в каком-либо «этнофильстве» в сообщениях о начальном периоде истории кавказских народов, то следовало бы говорить скорее об «урартофильстве». Однако это исключается, и не только потому, что Леонти Мровели ничего не известно о существовании Урарту или Урартского царства, но и потому, что урартский период является общим для всех указанных им народов.

Следовательно, говорить о той или иной «этнофильской» тенденции, проявляющейся у грузинского историка при описании ранних этапов истории кавказских народов, было бы неправомерно. Скорее всего, это результат зависимости автора от тех источников, в которых он черпал свои сведения об описываемом периоде.

Как отмечают исследователи, Леонти Мровели, «должно быть, покорно следовал несохранившемуся тексту по истории дохристианской Картли» *(Цулая 1982: 181; Кекелидзе 1923: 75).* Этим, вероятно, и следует объяснять «дурдзукофильство» (нахские народы), проявляющееся у Леонти Мровели при описании событий середины и второй половины I тыс. до н.э., а также «осефильство» и «лекофильство» (дагестанские народы), ко-

торое можно заметить в рассказе о событиях, имевших место начиная с рубежа новой эры. Видимо, то, что грузинский автор, следуя своим источникам, устным или письменным, выдвигает на первый план определённые народы, является отражением политической значимости этих народов в истории Кавказа в отдельные исторические периоды.

Для раскрытия исторической концепции Леонти Мровели следует рассмотреть, какие народы он объединяет по общности происхождения и территории их расселения. Потомками мифического Таргамоса, как мы уже знаем, являются армяне, грузины (картвелы), раны, моваканы, эры, леки, мегрелы, кавкасианы.

Этническая принадлежность перечисленных народов хорошо известна: вслед за армянами и грузинскими народами – картвелами и мегрелами, названы этнически родственные дагестанские народы – раны и моваканы, представлявшие собой ядро населения Кавказской Албании; за ними эры и леки, заселявшие восточный Кавказ (Дагестан); затем кавкасианы, то есть нахи (чечено-ингушские племена), занимавшие Центральный Кавказ. Таким образом, в генеалогическую таблицу Леонти Мровели входят армяне, грузины (картвелы, мегрелы), нахские и дагестанские (или албано-дагестанские) народы.

В то же время в этой таблице нет народов западно-кавказской группы исконнокавказской языковой семьи – абхазов и адыгов. Если отсутствие в списке кавказских народов пришлых ираноязычных осетин и тюркоязычных карачаевцев, балкарцев, кумыков вполне объяснимо и не вызывает удивления, поскольку, согласно Леонти Мровели, к потомкам Таргамоса относятся лишь коренные народы Кавказа, первоначально населявшие регион[5], то исключение из списка абхазов и адыгов (черкесов),

[5] Считаю излишним комментировать попытки отдельных современных авторов (*Мизиев 1986: 43- 44; Дзиццойты 2003: 187–188)* искусственно включить в генеалогическую таблицу народов Кавказа Леонти Мровели ираноязычных осетин, тюркоязычных карачаевцев и балкарцев на основа-

представлявших одну из двух групп автохтонного населения Кавказа, выглядит довольно странно, особенно в произведении грузинского автора XI века, так как грузинской историографии того периода абхазы и адыги (джики, зихи) хорошо известны. Более того, Леонти Мровели в своём труде пользуется генеалогической схемой грузинского писателя и переводчика X века Еквтиме Атонели, которая представлена в его версии сочинения Епифания Кипрского (конец IV – начало V вв.) «Diamerismos» и в которой в список народов мира вошли абхазы, зихи (адыги) и другие кавказские народы, отсутствующие в оригинальном тексте Епифания Кипрского.

Народы Западного Кавказа включены также и в список народностей, составленный анонимным грузинским автором XIII века *(Кекелидзе 1945а: 100, 168)*. Кроме того, и сам Леонти Мровели, судя по всему, хорошо информирован об абхазах и в своей Хронике упоминает абхазов и егров отдельно, не смешивая их, чётко отделяет Абхазию от Эгриси *(Мровели Леонти: 33)*. Поэтому трудно согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что отсутствие абхазов и адыгов в генеалогической схеме Леонти Мровели, возможно, связано с тем, что древнегрузинские племена поздно пришли на Кавказ и поэтому не могли ничего знать об этих народах, и сообщают лишь о тех, которые соседствовали с Картли *(Меликишвили 1959: 294)*.

Кроме того, древнегрузинский автор XI в. не мог не знать о том, что в это время территория Эгриси входила в состав Абхазского царства и называлась Абхазией, и именно в этой связи некоторые исследователи склонны предполагать, что в собирательном названии Эгрос подразумеваются абхазы. Однако и это мнение требует существенной корректировки.

Согласно Леонти Мровели, каждому из народов, имена которых выводятся из названий этнополитических субрегионов,

---

нии произвольного подбора иранской или тюркской этимологии имени Таргамос, ввиду их очевидной несостоятельности.

областей и племён Кавказа, мифическим предком Таргамосом выделяется соответствующая территория *(Цулая 1982: 75)*. Нет надобности подробно останавливаться на выяснении мест локализации всех перечисленных народов – эти вопросы освещены во многих специальных исследованиях, где убедительно показано, что сведения Леонти Мровели о расселении народов, перечисленных в его генеалогической таблице, в основном достоверны и соответствуют современным представлениям об этнотерриториальной карте древнего Кавказа.

Потомки Гаоса армяне занимают бывшую территорию Урартского царства, картвелы (грузины) – Картли, от Лихского хребта на западе до Эрети на востоке. Далее следуют народы, относящиеся к нахско-дагестанской языковой группе: ранам, или потомкам Бардоса, отводится правобережье Куры от Хунаракерта до слияния Куры с Араксом; мованканам – левобережье Куры; эрам – Эрети, территория между восточной границей Картли и Главным Кавказским хребтом; лекам – Дагестан; кавкасианам (нахам) – центральные районы Кавказа.

Если территория проживания и этническая принадлежность вышеназванных народов определяется достаточно точно и не вызывает существенных возражений в научной литературе, то значение названия мегрел и эпонима Эгрос является спорным. Среди перечисленных народов – сыновей Таргамоса, в источнике указываются мегрелы, а название выделенной им территории выводится из имени Эгрос: «Эгросу же дал страну у берегов моря и наметил рубежи: на востоке – Горы Малые, ныне называемые Лихи; на западе – море; [на севере] – Малая река Хазарети, где примыкают горы Кавказские» *(Мровели Леонти: 22)*.

Совершенно очевидно, что в приведённом отрывке воссоздана эпоха Абхазского царства, и удел Эгроса соответствует территории раннесредневековой Абхазии, границы которой на востоке и юго-востоке доходили до Лихского хребта и реки Чорохи, а на северо-западе – до Никопсии *(Анчабадзе 1959: 110–*

111). Поэтому в исторической литературе принято считать, что под собирательным термином Эгриси подразумеваются абхазы и сваны, в чём, судя по территории, покрываемой названием Эгрос, вряд ли можно усомниться.

Однако это обстоятельство не может служить основанием для причисления абхазов к народам, объединённым, по концепции Леонти Мровели, общностью происхождения, то есть к потомкам мифического Таргамоса, так как в самом перечне народов они не названы. Впрочем, даже если принять во внимание озвученное выше мнение учёных, то и в этом случае вопрос останется открытым, ибо трудно будет объяснить причину того, что в список не вошли адыги (черкесы), представлявшие собой крупнейшую часть автохтонного кавказского этнического мира.

Леонти Мровели важное значение придаёт одному из непременных признаков этнической общности – общности территории, в связи с чем уделяет пристальное внимание точности территориального определения каждого из перечисляемых народов, причём географическое размежевание тех или иных регионов Кавказа осуществляется в строгом соответствии с этническими границами. Как отмечает З.Ш. Дидебулидзе, «понятие общности территории у Леонтия Мровели всегда совпадает с понятием этнической общности, возникновение же новой этнической общности, связанное с процессами интеграции, вызывает перекройку прежних территориальных границ» *(Дидебулидзе 1984: 91).*

Однако при определении границ Эгроса этот принцип нарушается. Как видно из приведённого выше отрывка, в данном случае граница этнической общности не совпадает с территориальной не только потому, что термин Эгрос, в отличие от других эпонимов, имеющих конкретное этническое значение, употребляется в собирательном смысле и включает в себя помимо мегрелов и сванов этнически не родственных им абхазов, составляя в этом отношении исключение, но также и потому, что вне пределов удела Эгроса остаётся та часть мегрелов (мегре-

ло-лазов), которая проживала в Юго-Восточном Причерноморье, к югу от нижнего течения реки Чорохи. И поэтому, конечно, учёные вполне правомерно полагают, что у Леонти Мровели «этноним мегрелы не коррелирует с эпонимом Эгрос» *(Цулая 1982: 180)*. Но на вопрос о том, какой народ подразумевается под этнонимом мегрелы и эпонимом Эгрос, удовлетворительного ответа среди исследователей нет.

К.С. Кекелидзе этноним мегрелы отождествляет, с одной стороны, с названными в «Хронике» Ипполита корзенами, тибаренами, халибами, моссиниками, которых в грузинской историографии принято считать мегрело-чанскими племенами, с другой – с егерацик древнеармянской версии той же «Хроники» *(Кекелидзе 1945а: 98–99, 178)*. Г.В. Цулая ставит под сомнение это предположение, считая, что под термином егерацик (Егерк) в древнеармянских источниках, возможно, «имеется в виду та часть мегрело-чанов, территория расселения которой составляла удел Эгроса – Эгриси с центром в Бедиа» *(Цулая 1982: 183)*. По мнению учёного, под этнонимом мегрелы у Леонти Мровели подразумеваются мегрело-чанские племена Юго-Восточного Причерноморья, то есть те же тибарены, корзены, халибы, моссиники, а термины Эгрос и егерацик армянской версии «Хроники» Ипполита связаны с теми западнокартвельскими племенами, центром земель которых Мровели считал город «Эгриси, ныне именуемый Бедиа» *(Цулая 1982: 183)*.

Термин мегрел Леонти Мровели, вне всякого сомнения, следует отождествлять с древнеармянским егерацик (Егерк), однако отмеченные выше разночтения, допущенные исследователями при определении территории Егерк (егерацик) армянских источников, вызывают удивление, ибо территория эта определяется достаточно чётко. В армянских источниках термин Егерк (егерацик) употребляется в двух смыслах – узком и собирательном; поэтому для выяснения его содержания в каждом конкретном случае следует исходить из контекста.

Так, автор «Ашхарацуйца», перечисляя пятнадцать областей Великой Армении, указывает, что область Тайк (Тао) на западе граничит с Егерией («На западе Тайк граничит с Егерией») *(Ашхарацуйц: 37)*. В данном сообщении, как отмечает Н. Адонц, «термин Егерия употребляется в Географии в широком смысле и означает все восточное побережье от Абхазии вплоть до Трапезунта» *(Адонц 1971: 26)*.

В другом месте, уже при описании области Тайк, армянский географ свидетельствует, что «река Вох (Чорохи), которая течет из Спера, проходя около крепости Тухарк, направляется в [область] Клардж, а оттуда протекает через области Егр, Нигал, Мруз и Мрит и впадает в Понтийское море» *(Ашхарацуйц: 37)*. Названия упоминаемых областей Нигаль, Мрул и Мрит соответствуют названиям притоков Чорохи: Нигаль – эта река Мургул, впадающая в Чорохи ниже Артвина; Мрут – Марат; Мрул – Имер-Хеви (Мерули). Область Егр занимала территорию от низовьев Чорохи до северного отрога Пархарских гор и от устья Имер-Хеви до Черного моря *(Адонц 1971: 26; Еремян 1979)*.

Термин Егр (Егерия) в узком смысле, для обозначения области Егр в низовьях Чорохи, употребляют и другие раннесредневековые армянские авторы. Так, Мовсес Хоренаци, повествуя о походе армянского царя Валаршака (I в. до н.э.)[6] в области, лежавшие северо-западнее Армении, в частности, сообщает: «Действуя таким образом [Валаршак] упорядочивает земли Мажака, понтийцев и егеров и направляется на север, *через подножья Пархарских гор, через Тайк…*» *(Мовсес Хоренаци, II, 6)* (Выделено мной. – *Г. Г.*). Отсюда следует, что область Егр находится юго-западнее Тайка, на левобережье Чорохи.

Именно эту область имеет в виду и Ованнес Драсханакертци в сообщении о деятельности армянского католикоса Мовсеса Еливардеци (574–604 гг.) о том, что в 599 г. «сей Мовсес руко-

[6] Мовсес Хоренаци считает Валаршака жившим во II в. до н.э. В действительности, Валаршак – это первый Парфянский Аршакид на армянском троне, который начал править Арменией в середине I в. до н.э.

положил, согласно принятому прежде порядку, архиепископом наханга Вирк (Картли), Гугарка и Егерской иерея кафедрального собора – Кюриона» *(Ованес Драсханакертци, XVI)*. Как известно, армянской церкви подчинялись церкви только Восточного Закавказья, в том числе и грузинская до её отпадения от армянской и признания в начале VII в. догматов Халкидонского собора, в то время как Западное Закавказье (Абхазия, Егерия) находилось в лоне византийской церкви и подчинялось константинопольскому патриарху.

Поэтому, естественно, армянский католикос никак не мог назначать егрисских (лазских) архиепископов. В данном сообщении Иованеса Драсханакертци речь, несомненно, идёт об области Егр в низовьях Чорохи, которая в церковном отношении подчинялась армянской церкви.

Область Егр в долине Чорохи была известна также и источникам, которыми пользовался Леонти Мровели. Описывая войну Картлийского царя Парнаваза (конец IV – начало III вв. до н.э.) с Сабердзнети (Греция), то есть с Понтийским царством, Леонти Мровели сообщает, что «земли к югу от реки Эгрисцкали остались за греками» *(Мровели Леонти: 30)*.

В научной литературе Эгрисцкали процитированного текста традиционно принято отождествлять с Ингуром, а чаще с Галидзгой. Однако это входит в противоречие не только со сведениями Леонти Мровели, но и с этнополитической ситуацией в регионе того времени. Картлийский царь Парнаваз, поднявший восстание против Азо, разбив войска последнего, совершил набег на северо-восточную часть Малой Азии и вторгся в пределы Понтийского царства – Андзиадзору, а затем возвратился в Мцхету через области Эклеци (греч. Акилисена) и Кларджети *(Картлис цховреба: 35; Мровели Леонти: 30)*. Леонти Мровели сообщает, что в результате этого похода Парнаваз присоединил к Картлийскому царству Кларджети, «но земли к югу от реки Эгрисцкали остались за греками» *(Мровели Леонти: 30)* (то есть в составе Понтийского царства).

В данном случае источник даёт столь чёткие ориентиры, что совершенно исключается иное отождествление Эгрисцкали, кроме как с рекой Чорох. Согласно новейшим исследованиям, северные рубежи Понтийского царства в III–II вв. до н.э. доходили до нижнего течения Чорохи, где Понтийское царство граничило с Колхидой (Эгриси грузинских источников).

Следовательно, информация Леонти Мровели о том, что земли к югу от нижнего течения Чорохи («земли ниже Эгрисцкали») в III веке до н.э. остались в пределах Понтийского царства, полностью соответствует историческим реалиям того времени, то есть в данном контексте под Эгрисцкали Леонти Мровели имеет в виду нижнее течение реки Чорохи, служившее границей между Понтийским царством (Саберзнети) и Эгриси (Колхидой). Это подтверждается и тем, что далее, в том же отрывке, Леонти Мровели говорит о выделении Парнавазом эгрисскому правителю Куджи земли именно от Эгрисцкали до Риони: «И дал он (Парнаваз) Куджи земли между Эгрисцкали и Риони, от моря до гор. В этой [местности] и находятся Эгриси и Сванети. И назначил [Парнаваз] его там эриставом» *(Мровели Леонти: 30)*.

Согласно Леонти Мровели, Куджи (царь Колхиды в начале III в. до н.э.) находился в зависимости от Парнаваза. Но, как известно, зависимость Колхиды (Егр) от Картлийского царства в III–I вв. до н.э. исключается. В сообщении Леонти Мровели о признании правителем Эгриси в качестве своего владыки царя Парнаваза и о назначении Куджи эриставом Эгриси (Колхиды), как уже выявлено в научной литературе, проявляется общая тенденция, отвечающая концепции грузинского историка, согласно которому Картлийские цари издревле играли главенствующую роль *(Ломоури 1982: 58–59)*.

Нас в данном случае интересуют не взаимоотношения правителей Колхиды и Грузии, а географические ориентиры, сообщаемые грузинским автором. Вряд ли у непредвзятого иссле-

дователя могут возникнуть сомнения в том, что и в этом случае термин Эгрисцкали в источнике употребляется для обозначения реки Чорохи, в отличие от позднего Эгрисцкали, идентичного реке Ингур. Существующее в научных кругах мнение о том, что Эгрисцкали вышеприведённого отрывка следует отождествлять с рекой Ингури (или Галидзгой) и речь якобы идёт о землях между Риони и Ингури (или Галидзгой), является ни чем иным, как просто недоразумением. Помимо всего прочего, неправомерность такой интерпретации заключается в том, что в этом случае за пределами Колхиды (Егерии), владения Куджи, в III в. до н.э. оказываются земли между Чорохи и Риони, то есть основная часть Колхиды того времени.

Видимо, исследователей, отождествляющих Эгрисцкали рассматриваемого отрывка с рекой Ингури или с Галидзгой, вводит в заблуждение приписка к данному тексту, в которой говорится о строительстве Куджем крепости Годжи (древ. Археополис), которая была расположена западнее реки Риони. Но, возможно, строительство крепости Годжи (Цихе-Годжи) связывается с Куджем по той простой причине, что тому или иному историческому деятелю Леонти Мровели обычно приписывает какое-либо деяние, обычно – основание какого-нибудь города, крепости и т.д.[7] Однако более вероятным представляется, что перед нами наслоение сведений, отражающих различные временные отрезки, что характерно для хроники Леонти Мровели.

Как отмечают исследователи, в летописи грузинского автора исторически обоснованно выделяются несколько этапов этнической истории Кавказа. Древнюю карту расселения кавказских племён, основанную на тех или иных достоверных

[7] В армянском переводе «Картлис цховреба» Куджи строит крепость, названную его именем: «И Куджи построил крепость Куджи» *(Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник: 34)*. Учитывая, что армянский текст «Картлис цховреба» является наиболее древним, нельзя исключать, что приписываемое эгрисскому царю Куджи строительство Цихе-Годжи (Археополис) является поздней вставкой в грузинский текст источника.

источниках (устных или письменных), Леонти Мровели осмысливает в соответствии с этнополитической картой раннего средневековья и во многих случаях проецирует раннесредневековую ситуацию на более древнюю эпоху *(Дидебулидзе 1984: 93; Цулая 1982: 181).*

В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что очерчиваемые в хронике Леонти Мровели пределы владения Куджи – от Чорохи (Эгрисцхали) на юге до Риони (Цихе-Годжи) на северо-западе, совпадают с границей Лазики V в. н.э. По «Ашхарацуйцу», граница между Абхазией и Егр (Лазика) в V–VI вв. н.э. проходила по реке Техури, до её впадения в Риони, далее по нижнему течению Риони до Черного моря *(Гумба 2004: 48)*, а крепость Цихе-Годжи находилась на левом берегу Техури, в предгорьях Эгрисского хребта. Следовательно, рассматриваемый отрывок отражает этнополитическую ситуацию V–VI вв. н.э., когда граница Лазского (Эгрисского) царства на северо-западе доходила до реки Техури и нижнего течения Риони. По-видимому, эту этнополитическую ситуацию, отражающую раннесредневековый период, Леонти Мровели и проецирует на более раннюю эпоху.

Таким образом, при описании Эгриси в хронике Леонти Мровели довольно отчётливо выявляются три слоя: первый – это IV–III вв. до н.э., когда существовала область Эгриси (Егр) в долине реки Чорохи (Эгрисцкали); второй – V–VI вв. н.э., период Лазского (Эгрисского) царства, границы которого охватывали территорию от Чорохи на юго-востоке до реки Техури и нижнего течения Риони на северо-западе; третий – эпоха Абхазского царства (VIII–XII вв. н.э.).

Все вышеизложенное даёт достаточно веские основания полагать, что в хронике Леонти Мровели при воссоздании раннего этапа истории Эгриси под этнонимом мегрелы, производным, как известно, от егр//агр (Егерия), подразумевается население вышеуказанной области Егерия в долине Чорохи, что соответ-

ствует Егр армянских источников, и в том числе егерацик древнеармянской версии «Хроники» Ипполита.

Следовательно, у Леонти Мровели этноним мегрелы не коррелирует с эпонимом Эгрос не потому, что под мегрелами подразумеваются халибы, корзены, моссиники и тибарены (мегрело-чанская принадлежность которых, кстати, весьма сомнительна), а под Эгросом – современная Западная Грузия, как это предполагает Г.В. Цулая, а потому, что эти термины воспроизводят хронологически различные периоды. Эпоним Эгрос отражает эпоху Абхазского царства, то есть этнополитическую обстановку раннего средневековья, а этноним мегрелы воспроизводит ситуацию более древнего периода, когда термин Егерия обозначал вышеозначенную область в долине Чорохи (Эгрисцкали).

В хронике Леонти Мровели такое соотношение этнонима и эпонима не является исключением. Так, в перечне народов Кавказской Албании – потомков (сыновей) Таргамоса, грузинский историк называет ранов, а название выделенной им территории выводит уже из эпонима Барда (Бардос) *(Мровели Леонти: 22)*. В первом случае сведения Мровели основываются на древней традиции, согласно которой Ран являлся родоначальником албан. Легенда об этом зафиксирована в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци и в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатваци.

Появление термина Бардос (Барда) для обозначения территории Ран (Арран) связано с тем, что в начале VI века резиденция Албанского марзпанства была перенесена Сасанидами из Дербента в город Барда (Партав) на правобережье Куры, построенный при шахиншахе Каваде I (488–531). С того времени в раннесредневековых источниках Арран (Ран) стал часто называться страной Бардаа, по названию столицы Барда, что и отражено у Леонти Мровели. Таким образом, этноним ран отображает более древнюю эпоху, а эпоним Бардос выводится из названия раннесредневекового политического образования Барда (страна Бардаа).

Итак, по концепции Леонти Мровели, общностью происхождения объединены армяне, грузины (картвелы) и мегрелы, а также народы нахско-дагестанской группы исконнокавказской языковой семьи – нахи, дагестанцы и албаны. Территория расселения перечисленных народов в начальный период их истории охватывает Армению, восточную часть Южного Кавказа, Центральный и Восточный Кавказ. Здесь нельзя не обратить внимание на то, что указанная территория при нанесении на карту почти полностью совпадает с предполагаемым ареалом расселения в древности (III – первая половина II тыс. до н.э.) родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племён. Не заметить этого нельзя даже при очень большом желании.

Столь поразительное совпадение наталкивает на мысль о том, что, возможно, историческая концепция Леонти Мровели восходит именно к этой, реально существовавшей, восточно-кавказской (нахско-дагестанской и хуррито-урартской) общности, которая по своему происхождению, языковой принадлежности и общности истории на ранних этапах действительно представляла единую этнокультурную общность, на базе которой впоследствии и сформировались народы Восточного Кавказа и Армении.

Представляется вполне вероятным, что в основе концепции Леонти Мровели об общем происхождении перечисленных им народов – армян, грузинских народов (картвелов и мегрелов), нахских народов (чеченцев и ингушей) и албано-дагестанцев, лежат устные или письменные предания древнейшего населения (хуррито-урартского и нахско-дагестанского) данной территории, в которых и были отражены единство происхождения, территории и исторических судеб этих народов. Этим и объясняется отсутствие в генеалогической таблице Леонти Мровели народов абхазо-адыгской группы исконнокавказской языковой семьи.

Как уже отмечалось выше, очерчиваемые первоначальные рубежи земли Таргамоса в основном совпадают с границами Урартской державы периода её могущества, то есть начальный

этап истории и истоки общности перечисленных в генеалогической таблице народов Леонти Мровели возводит к Урарту – общей прародине таргамосиан. Имя Таргамоса – общего родоначальника кавказских народов (в «Таблице народов» Библии Тогарма является Ноевым отпрыском, сыном Гомера, сына Яфета) *(Библия, X, 1)*, восходит к названию области Тогарма, которая лежала между Цопеной (Цопк), Табалом и Малатьей (Мелида), в долине реки Тохма-Су, охватывая земли и к востоку от Евфрата *(Дьяконов 1967: 84; Арутюнян 1985: 184)*.

Название Торгом (Тегарма) известно в Передней Азии с глубокой древности: в хеттских текстах середины II тыс. до н.э. упоминается страна Тегарама, ассирийцы же называли эту страну Тиль-Гаримме *(Пиотровский 1946: 23)*. После падения Урарту царство Тогарма («Дом Торгома») существовало ещё некоторое время, расширившись на восток и включив в себя урартские области *(Дьяконов 1951: 187)*. В связи с этим название Торгом (Тогарма) стало применяться в обозначении территории Урарту, а позднее и Армению. Древнеармянские авторы, например, Фавст Бузанд, Агатангелос, при употреблении «дом сынов Торгома» и «страна Торгома» поясняют, что это Армения *(Фавст Бузанд: IV, I; V, I; Агатангелос: 776, 796)*.

Библейская же «Таблица народов» была написана после падения Урартского царства, в период возвышения Тиль-Гаримма (Тогармы), которая охватывала большую часть страны Урарту *(Библия, X, 1; XXVII, 14; XXXVIII, 6)*, поэтому вместо названия Урарту (Арарат) в «Таблицу» вошло Тогарма. Именно этим и объясняется использование Леонти Мровели термина Таргам (Тогарма) для обозначения территории Урарту и возведение им эпонима Таргамос (читай Урарту) в ранг «отца» перечисляемых народов. То есть общим предком народов генеалогической таблицы Леонти Мровели является Урарту, которого он называет Таргамосом, а его удел соответствует территории Урартского царства.

Позже, после того как царство Тогарма пало под ударами войск мидийцев и вавилонян, как и ранее после падения Урарту, прослеживается перемещение населения из областей Урарту (Тогарма) на север, в районы Кавказа. События рубежа VII–VI вв. до н.э. – падение Урартской державы, мощные миграционные потоки, направленные с юга на север, были столь значительными, что воспоминания о них сохранились во многих древних письменных источниках: античных, древнеперсидских, древнееврейских, древнеармянских, древнегрузинских. Разумеется, сообщения об этих событиях, почерпнутые из надежных первоисточников, переплетались с полулегендарными повествованиями, основанными на слухах.

Однако не подлежит сомнению то, что сведения раннесредневековых армянских и грузинских авторов основывались на более обширной древней литературе, нежели та, которая известна нам сейчас. Так, для Мовсеса Хоренаци одним из главнейших источников по древней истории Армении был «сириец Мар Абас Катина, муж разумный и сведущий в халдейской и греческой письменности» *(Мовсес Хоренаци: I, 85)*.

Леонти Мровели в качестве источника неоднократно упоминает о существовании на грузинском языке «Книги Неброта» («Небротиани»). В этой связи, как отмечает Г. Цулая, симптоматично, что линия борьбы Неброта и «небротидов» против потомков Иафета в хронике Леонти Мровели перекликается с древнееврейской традицией, согласно которой Нимрод возглавил потомков Хама в войне против яфетидов, то есть таргамосиан (урартов) *(Мровели Леонти: 47. Прим. 28)*.

Наряду с письменными документами, несомненно, существовали и устные предания, повествовавшие об этих великих событиях, изменивших этнополитическую ситуацию древней Передней Азии. Эти предания сохранились в среде древнейшего населения центральных областей Южного Кавказа – нахских и хуррито-урартских племён. Так, Н.Я. Марр относитель-

но источников Леонти Мровели отмечает: «…история Леонтия Мровели основана была, прежде всего, на устных преданиях. Это видно из самого термина hambav (название труда Мровели), как он назывался первоначально …Термин hambav в позднейших списках заменен христианским литературным термином цховреба – житие» *(Марр: 1922)*.

Нами уже обращалось внимание на почти полное сходство сведений древнеармянских и древнегрузинских письменных источников, касающихся переселения с юга на Кавказ под натиском халдеев (вавилонян) цанаров и хонов, с этногенетическими преданиями цанаров, зафиксированными в IX в. арабским историком Масуди, и аналогичными сказаниями современных нахских народов – чеченцев и ингушей *(Гумба 1987: 16–17)*.

Видимо, эти древнейшие предания и легли в основу сообщения Леонти Мровели о первоначальном этапе истории кавказских народов. Все это даёт достаточные основания предположить, что Леонти Мровели при конструировании своей исторической концепции, помимо письменных источников, широко пользовался и устными преданиями, бытовавшими в среде родственных урартам нахских и, возможно, дагестанских племён, ещё в раннем средневековье проживавших в Картли. Кроме того, установлено, что определённая часть урартских и южнонахских племён была ассимилирована грузинами *(Меликишвили 1959: 294–295; Харадзе, Робакидзе 1968: 15–18)*.

И вполне вероятно, что древние предания об урартской эпохе были унаследованы грузинами от слившихся с ними нахских племён, что и легло позднее в основу исторической концепции Леонти Мровели. Довольно веским аргументом в пользу такого предположения служит и то, что Леонти Мровели первоначальным языком всех перечисляемых им народов – таргамосиан, считает урартский, который он называет армянским *(Барамидзе 1972: 59)*.

Поэтому рассматривать сведения Леонти Мровели о начальном периоде истории таргамосиан лишь как попытку хрони-

ста-христианина увязать происхождение грузин и перечисленных вместе с ними народов с библейской традицией, как это принято в литературе, было бы упрощённым и неверным. При построении генеалогии народов (таргамосиан) Леонти Мровели, несомненно, использовал библейскую схему – «Таблицу народов», но наполнил её иным содержанием – преимущественно данными местных источников (как письменных, так и устных), что даёт основание достаточно уверенно говорить о том, что его концепция общего происхождения перечисляемых народов имеет под собой вполне реальную историческую основу.

Однако возникает вопрос: почему Мровели при изложении начального этапа истории Картли опирается именно на эти древние предания, в то время как ему была хорошо известна бытовавшая в то время другая версия происхождения грузин, изложенная в более ранней грузинской летописи «Мокцевай Картлисай» («Обращение Грузии»), данными которой он пользуется в своём сочинении[8].

Для ответа на этот вопрос рассмотрим условия и причины возникновения самой концепции и каковы её основные цели. Появление концепции Мровели, по-новому трактовавшей версию о происхождении, роли и месте грузин среди кавказских народов, именно к XI в., конечно, не случайно. Она была продиктована всем ходом политического развития народов Южного Кавказа в целом. Многие исследователи причину возникновения исторической концепции Мровели связывают с высоким уровнем социально-экономического, политического и культурного развития Грузии, как и Закавказья в целом, имевшего ме-

[8] Согласно «Обращению Грузии» коренными жителями Картли являлись хоны, бунтурки («коренные турки») и т. д. Приход картвелов связывается с завоеванием Картли в конце IV в. до н.э. Александром Македонским, войска которого, якобы, в результате многомесячных боев истребили и изгнали коренных жителей. После этого ставленник в Картли, некий вождь картвелов Азо, привел в эти места «тысячу домов» картвелов и поселил их в Картли *(Обращение Грузии: 23; Меликишвили 1959: 279–280).*

сто в период написания исследуемой «Хроники», что во многом правомерно. Она была обусловлена также и тем, что в этот период шёл процесс консолидации и слияния отдельных грузинских этнографических групп в единую грузинскую народность *(Меликишвили 1973: 10)*, процесс, который, как известно, характерен необычайно бурным ростом национального самосознания. Однако наиболее важной, если не главной, причиной такого коренного пересмотра прежней версии происхождения и истории грузин со стороны Мровели кроется, как мне кажется, в тех политических изменениях, которые произошли в Закавказье в конце X – начале XI вв. н. э.

IX–X вв. характеризуются борьбой за главенство на Южном Кавказе между абхазским и армянским государствами. В первое время преимущество принадлежало армянским Багратидам. Но, начиная с первой половины X в., главенствующая роль на Южном Кавказе уже прочно удерживается за Абхазским царством. Абхазским царям удаётся завоевать и включить в состав своего государства большую часть Южного Кавказа, в том числе и Картли (Грузия). Таким образом, под эгидой абхазской феодальной знати в регионе формируется могущественное феодальное государство.

В дальнейшем, по мере завоевания и включения в состав Абхазского государства тех или иных частей Восточного Закавказья, центр тяжести политической жизни страны перемещается в географический и военно-стратегический центр Южного Кавказа – Картли. В связи с чем столица Абхазского царства переносится в Тбилиси.

В этих условиях актуальным становится, с одной стороны, определение роли и места собственно грузин в этом государстве, историческое и правовое обоснование их позиции; с другой – сохранение целостности и независимости сложившейся державы в условиях феодального общественно-политического строя, когда центробежные тенденции доминировали над центростремительными силами. Возникает необходимость выра-

ботки исторически обоснованной идеологии братства и единства народов Кавказа, общности их судеб и руководящей роли грузин среди них. Словом, в глазах современников надо было найти идеологическое обоснование права участия грузинской феодальной знати в управлении государством.

Таким образом, Леонти Мровели предпринимает попытку коренного пересмотра господствовавшей в раннем средневековье версии о происхождении грузин, согласно которой они считались не аборигенами Кавказа, а пришлым, причём насильственно переселенным на Кавказ народом, и стремится показать, что грузины издревле жили на Кавказе и входят в круг коренных кавказских народов.

В связи с этим он ставит задачу выяснить вопросы происхождения не только грузинского, но и других народов Кавказа и таким образом показать общность их происхождения, а в итоге не просто доказать автохтонность и этническое родство грузин с коренными кавказскими народами, но как бы раскрыть историческую обусловленность роли и значения грузин в судьбе кавказских народов.

Естественно, для достижения поставленной цели грузинскому историку абсолютно не подходили существовавшие в его время версии о переселении грузин на Кавказ в античной, арабской, армянской и грузинской исторической традиции. Разумеется, не устраивали его также и сведения источников о проживании в Картли до прихода грузин других племён – хонов, бунтурков, гугаров, гирканов. Так, например, Леонти Мровели был знаком с «Мокцевай Картлисай» *(Меликишвили 1959: 282)*, где сообщается о хонах и бунтурках – догрузинском населении Картли, но он не упоминает эти народы. Хотя, однако, далее, следуя своим источникам, он называет древнейших жителей Картли «звероподобными», «людоедами» и поясняет, что это были «коренные картлийцы», «которых мы называем бунтурками» *(Мровели Леонти: 28; Меликишвили 1959: 282).*

Вместе с тем новая концепция, безусловно, не могла быть плодом выдумки автора. Для того чтобы новую версию могли воспринять современники, её надо было серьёзно обосновать, опираясь на местную историческую память и существовавшие в то время предания, используя их в качестве опоры для создаваемого мифа. В то же время Леонти Мровели должен был использовать именно те предания, которые более всего соответствовали бы поставленной цели и послужили прочной опорой для создаваемого мифа. Таковыми, судя по списку народов, которые Леонти Мровели объединяет общностью происхождения и территории расселения, были, скорее всего, устные и письменные сказания древнейшего населения восточной части Южного Кавказа, то есть хуррито-урартских и родственных им нахско-дагестанских племён.

Учитывая предполагаемые границы ареала расселения генетически родственных хуррито-урартских и нахско-дагестанских племён в древности и роль хуррито-урартов в формировании армянского народа, следует согласиться с тем, что идея Леонти Мровели об общности происхождения всех этих народов зиждется на совершенно реальной исторической основе. Что же касается причисления к ним, то есть к потомкам Таргамоса (Урарту), грузин, то можно отчасти согласиться, что и здесь грузинский историк не так уж далёк от истины.

Общий культурно-исторический субстрат урартов вместе с армянским, нахскими и дагестанскими народами в известной степени разделяют и грузины. Кроме того, нельзя упускать из виду, что, вероятно, определённая часть урартских племён, а в центральных районах Южного Кавказа также нахских, могла быть, как отмечено выше, позже ассимилирована осевшими в этих местах древнегрузинскими племенами и вошла в состав формировавшегося грузинского народа, привнося с собой предания о своём прошлом. Переняв грузинский язык и таким образом слившись с грузинами, эти племена, конечно, не вычер-

кнули из своей памяти свои исторические предания; однако следующие поколения эти предания стали воспринимать уже как «грузинские». В таком случае причисление Леонти Мровели грузин к потомкам Таргамоса (Урарту) можно считать в некоторой степени оправданным.

Именно в этом аспекте следует рассматривать сходство и различие сообщений армянского и грузинского авторов – Мовсеса Хоренаци и Леонти Мровели – о происхождении и начальном этапе истории армян и грузин. Сведения обоих историков о приходе Таргамоса с домочадцами в пределы Арарата (Масиса), о распределении земель между его сыновьями, о битве против Неброта (Бэла) и победе над ним в основном совпадают.

Однако, вместе с тем, как уже было отмечено выше, между текстами существует ряд расхождений. Совпадения объясняются, скорее всего, тем, что оба автора – и армянский, и грузинский – черпали сведения о древнейшем периоде истории своих народов из одного общего источника. Причина же различий кроется, по-видимому, в следующем. Во-первых, среди урартских и нахских племенных групп, проживавших в разных частях Урарту и Восточного Закавказья, могли существовать различные варианты одного и того же предания, и с течением времени они могли претерпеть определённые изменения, что, по-видимому, и отразилось в армянском и грузинском источниках. Во-вторых, и Мовсес Хоренаци, и Леонти Мровели осмысливали сведения источников (устные и письменные) через призму поставленных целей, и каждый отбирал тот материал, который отвечал задаче, ради решения которой он писал своё сочинение.

Цель Мовсеса Хоренаци – история армянского народа, которую он пишет по поручению князя Армении Саака Багратуни и поэтому, соответственно, отбирает те материалы, которые имеют непосредственное отношение к истории собственно Армении. Так, Мовсес Хоренаци пользовался источниками, в которых содержались сведения об участии кавказских народов в

битве против Вавилонского царя. Но, несмотря на это, армянский историк ограничивается лишь сообщением о том, что hАйк (читай Урарту), будучи повелителем всего Восточного Закавказья, для борьбы с Бэлом (Небротом) собрал не только армян, но и представителей «других, бывших под его властью (народов)» *(Мовсес Хоренаци: I, 85).*

В отличие от Мовсеса Хоренаци, Леонти Мровели, очевидно, использует сведения источников более широко, объединяя их в один цельный рассказ, преломляя в соответствии со своими целями. Грузинский историк поименно перечисляет все народы и присовокупляет к ним грузин (картвелов и мегрелов), доказывая таким образом единство их происхождения и братство с автохтонными кавказскими, точнее, восточно-кавказскими народами – таргамосианами.

По сути, Леонти Мровели впервые в историографии формулирует тщательно разработанную концепцию автохтонности грузин, основанную на общности происхождения и родства с кавказскими народами, тем самым пытаясь противопоставить её господствовавшей в то время традиции, отрицавшей местное происхождение грузин. Для этой цели Леонти Мровели объединяет и сводит в одно целое два параллельно существовавших предания: одно – принадлежавшее собственно переселившимся в Картли племенам и отражённое в «Мокцевай Картлисай» («мы, картвелы, являемся потомками этих переселившихся арриан-картов»); другое – этногенетическое предание, бытовавшее среди древнейшего нахского населения Картли – хонов, цанаров, бунтурков, гугаров.

Следует сказать, что средневековый грузинский историк блестяще справился с поставленной задачей и проявил себя выдающимся мыслителем[9]. Перед нами глубоко продуманная и вполне

[9] Неслучайно на протяжении многих столетий концепция Мровели пользуется большой популярностью в Грузии. Более того, выработанная раннесредневековым грузинским историком политическая доктрина, в новое вре-

целенаправленная система информации. Всё сочинение, словно красной нитью, пронизано идеей общности происхождения, братства и неразрывности исторических судеб перечисляемых автором кавказских народов.

Леонти Мровели опирается на этногенетические предания нахского населения центральной части Южного Кавказа не только при изложении начального этапа истории Картли, но и при описании последующих событий. В частности, влиянием именно этих сказаний, вероятно, объясняются резкие противоречия между данными о возникновении и становлении Картлийского царства, содержащимися в «Жизни Картлийских царей», и информацией по тому же вопросу другого древнегрузинского источника – «Мокцевай Картлисай».

Источники и литература

Абегян 1975: Абегян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.

Абуладзе 1953: Древнеармянский перевод грузинских исторических хроник («Картлис цховреба»). Грузинский оригинал и древнеармянский перевод с исследованием и вокабулярием издал Абуладзе И.В. Тбилиси, 1953.

Агатангелос 1912: Агатангелос. История Армении (на древнеарм. яз.). Тифлис, 1912.

Адонц 1971: Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. Ереван, 1971.

мя получила дальнейшее развитие, особенно миф о главенствующей роли грузин среди кавказских народов во все времена, и, к сожалению, является почти краеугольным камнем, на котором во многом зиждется современная грузинская историография. Впрочем, выдающееся значение труда Леонти Мровели, его идеологическая ценность и сила его влияния на умы становятся более понятными, если вспомнить, что даже в настоящее время предпринимаются попытки включить те или иные народы Кавказа (например, осетин, карачаевцев, балкарцев) в его генеалогическую таблицу народов.

Акопян 1987: Акопян А.А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

Анчабадзе 1959: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии. Тбилиси, 1959.

Арутюнян 1985: Арутюнян Н.В. Топонимика Урарту. Ереван, 1985.

Барамидзе 1872: Барамидзе А.А. К уточнению одного сообщения в произведении Леонтия Мровели // Источниковедческие разыскания. 1968. Тбилиси, 1972.

Библия: Книга Бытия (Библия), X,1; XXVII, 14; XXXVIII, 6.

Гумба 1987: Гумба Г.Д. Цанары по «Ашхарацуйцу» Тезисы докладов XXI научной сессии Института истории АН Арм. ССР. Ереван, 1987.

Гумба 2004: Гумба Г.Д. К вопросу идентификации реки Эгрис-Цкали Джуаншера Джуаншериани // Абхазоведение. Вып. III. Сухум, 2004.

Дидебулидзе 1984: Дидебулидзе З. Ш. Хроника Леонти Мровели как источник для изучения некоторых вопросов этногенеза северокавказских народов // Источниковедческие разыскания. 1979. Тбилиси, 1984.

Дьяконов 1951: Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства по ассиро-вавилонским источникам. ВДИ. № 2. 1951.

Дьяконов 1967: Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван, 1966.

Дьяконов 1978: Дьяконов И.М. Хуррито-урартский и восточно-кавказские языки // В кн. «Древний Восток». Вып. 3. Ереван, 1978.

Еремян 1979: Еремян С.Т. Общность судеб и культурно-политическое содружество народов Закавказья в IX–XIII вв. // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.

Иованнес Драсханакертци: Иованес Драсханакертци. История Армении. Тифлис, 1912. (на древнеарм. яз.).

Какабадзе 1979: Какабадзе С.С. Некоторые вопросы изучения древнеармянской версии «Картлис цховреба» // Кавказ и Византия. Вып. 1. Ереван, 1979.

Кекелидзе 1923: Кекелидзе К. Литературные источники Леонти Мровели // Вестник Тбилисского университета. Т. 3. Тбилиси, 1923 (на груз. яз.).

Кекелидзе 1945: Кекелидзе К.С. Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе (на груз. яз.) // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. 1. Тбилиси, 1945.

Кекелидзе 1945а: Кекелидзе К.С. Идея братства закавказских народов по генеалогической схеме грузинского историка XI в. Леонти Мровели (на груз. яз.) // Этюды по истории древнегрузинской литературы. Т. 1. Тбилиси, 1945.

Ломоури 1982: Ломоури Н.Ю. К вопросу о методике использования некоторых античных и грузинских источников по истории древней Грузии // Источниковедческие разыскания. 1982. Тбилиси, 1985.

Марр 1922: Марр Н.Я. Доклад о Леонти Мровели, прочтенного в Яфетидологическом институте 24 марта 1922 г. // Кабинет им. Н.Я. Марра в ИИМК.

Матенадаран № 1902: Институт древних рукописей им М. Маштоца (Матенадаран). Картлис цховреба, рукопись № 1902. Ереван.

Материалы дискуссии 1968: К вопросу об исторической концепции Леонти Мровели (материалы дискуссии) // Вестник (Мацне). № 3. Тбилиси, 1968.

Меликишвили 1959: Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Меликишвили 1973: Меликишвили Г.А. Основные этапы этносоциального развития грузинского народа в древности и средневековья. М., 1973.

Мовсес Хоренаци: Мовсес Хоренаци. История Армении. Тифлис, 1913. (на древнеарм. яз.).

Мровели Леонти: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. (Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана) / Пер. с древнегруз., предисл. и коммент.Г.В. Цулая. М., 1979.

Мусхелишвили 1982: Мусхелишвили Д.Л. К вопросу о связях центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // Разыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1982.

Обращение Грузии: Обращение Грузии / Ред., исслед. и коммент. М.С. Чхартишвили. Тбилиси, 1989.

Патканов 1883: Патканов К.П. Ванские клинообразные надписи как источник для истории Передней Азии // ЖМНП. Декабрь. 1883.

Пиотровский 1946: Пиотровский Б.Б. О происхождении армянского народа. Ереван, 1946.

Цулая 1982: Цулая Г.В. Историческая концепция грузинского историка XI века Леонтия Мровели. (Этнокультурный аспект) // История СССР. 1982.

РУССКО-КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

160 лет назад завершилась одна из самых длинных войн в мировой истории, ни начало, ни окончание которой не были оформлены какими-либо правовыми актами. Ее изучению посвящено множество книг, монографий, статей, а за последние 30 лет она была предметом дискуссий многих научных конференций. Однако до сих пор в историографии не выработана более или менее целостная интерпретация природы и исторического места этой войны. Дискуссионным является практически все, вплоть от времени начала и названия самой войны[1].

Существует множество взаимоисключающих концепций о причинах, характере и последствиях Русско-Кавказской войны. В России они меняются в соответствии с изменениями общественно-политической ситуации. Исходя из влияния идеологических установок, господствовавших на разных этапах развития исторической науки в России, ее трактовка классифицируется на имперско-цивилизаторскую, либерально-демократическую, марксистско-ленинскую, постмодернистскую. Такое многообразие и острая дискуссионность проблематики Русско-Кавказской войны в исследовательской литературе справедливо объясняются тем, что она представляла собой сложный, многомерный исторический феномен[2]. Поэтому предпринимаемые попытки на основе

[1] См.: Мирзоев А.С. Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания) Нальчик, 2014.

[2] Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 11

лишь какой-либо отдельной плоскости – истории международных отношений, геополитики, социальной истории народов Кавказа, политической истории России и т.д. – выработать целостную интерпретацию Русско-Кавказской войны не имеют успеха.

Но, как бы то ни было, ее изучение в научном кавказоведении занимает большое место. Современный исследователь опирается на крепкий научный фундамент позитивного наследия по исследованию Русско-Кавказской войны, особенно российского и советского, которое надо сохранять и приумножать. Естественно, это не означает, что не нужно выдвигать новые научные гипотезы, предлагать новое видение. С течением времени наши знания об этой войне, как и о любом другом периоде истории, расширяются и углубляются. И как бы не были полно изучены те или иные факты, события, какое бы не существовало устойчивое мнение по ним в академических кругах, проблемы истории Русско-Кавказской войны получают новые интерпретации. Поэтому, естественно, научные дискуссии будут всегда, иное означает отрицание истории как науки. Но при этом, разумеется, исследование должно быть именно научным, т.е. соответствовать правилам и апробированным традициям научно-исследовательской работы, основываться на принципах объективности и правдивости.

Другое дело, когда исследование приобретает характер идеологически заданной направленности, выборочное и одностороннее освещение фактов. В таких случаях на дискуссию накладывается печать политизированности, что, к сожалению, наблюдается чаще, чем хотелось бы. Анализ историографических концепций и теоретико-методологических подходов по проблемам истории Русско-Кавказской войны показывает, что ее репрезентация осуществляется с позиций одного из двух исторических субъектов – Российской империи, с одной стороны, и народов Кавказа, с другой[3].

[3] Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014. С. 11.

В основе же идеологизированности и политизированности лежит чрезмерная идеализация и мифологизация борьбы кавказских народов, представление их лишь в розовом цвете, с одной стороны; и чрезмерное стремление оправдать и представить как неизбежную, едва ли не божественную предопределенность, включение народов Кавказа в состав Российской империи, с другой. Соответственно, в большинстве случаев, в разработке вопросов Русско-Кавказской войны исследователи волей или неволей оказываются под воздействием этих двух основополагающих подходов и связанных с ними идеологических стереотипов и штампов.

Безусловно, подобная идеализация как одной, так и другой стороны, далека от научной истины, поэтому не может быть приемлема. При этом практически все понимают и отмечают жизненную необходимость «исторического консенсуса» и выработки концептуально общего подхода. Исследователи отмечают, что Русско-Кавказская война – трагическая страница нашей общей истории, важно провести гуманитарную реабилитацию болезненных проблем исторической памяти и национального сознания народов, участвовавших в войне с обеих сторон, деактуализировать и деполитизировать их, сделать упор на становление взаимопонимания и примирения, на уважение воинской доблести противоборствовавших сторон, создавать общее символическое пространство[4].

Пожелания, несомненно, благие и прекрасные, их только можно приветствовать. Но на какой общей платформе возможно установление взаимопонимания и примирения, если еще не выработана общая, взаимоприемлемая оценка Русско-Кавказской войны и не определен, принимаемый всеми сторонами ее характер? Российская империя вообще не признавала народы Кавказа и тем бо-

[4] Крылов А. Спекуляция вокруг Кавказской войны призваны ослабить Россию // http://www.kavkazoved.info/news/2020/05/21/spekulacii-vokrug-kavkazskoj-vojny-prizvany-oslabit-rossiju.html

лее Кавказ в целом легитимным субъектом и своим противником. Николай I в своем послании наместнику Кавказа князю Воронцову указывает: «Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве. Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое»[5].

Такой же позиции – отказ в какой-либо легитимной субъектности народов Северного Кавказа, продолжает придерживаться ряд исторических школ и центров РФ, которые пытаются доказать, что вообще не было никакой войны, а был лишь кризис на Северном Кавказе[6]. Можно сказать, что Русско-Кавказская война еще не завершена, она продолжается, но уже на историографическом поле с вытекающими отсюда последствиями, в частности, своего рода войной мемориалов и памятников и т.д.

Конечно, Русско-Кавказская война, продолжавшаяся столь длительное время, явление сложное, многоплановое, и ее нельзя рассматривать прямолинейно. Война принимала различные формы, в те или иные периоды на первый план выходили и становились определяющими различные факторы – геополитические, политические, культурные, религиозные, социальные и т.д. По тем или иным причинам не все народы Кавказа были вовлечены в войну, а были и те, которые переходили в подданство России, но как только сталкивались с попыткой установления имперского колониально-административного управления, ущемляющего их права и свободы, поднимались на народно-освободительную войну и т.д.

Но все эти факторы были порождением самой войны и сопутствовали ей. В чем же заключалась первопричина этой войны? Думаю, вряд ли у кого-то может вызывать сомнение то,

---

[5] Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. «Web Kniga», 2014. С. 32.

[6] Виноградов В.Б. «Кавказская война»: терминологические и стадиальные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы стереотипы (к 150-летию со дня окончания). Сб. научных статей. Краснодар, 2015. С. 43.

что первопричиной Русско-Кавказской войны является приход Российской империи на Кавказ. Как было свойственно всем мировым империям, Россия проводила государственную политику внешней экспансии для захвата территорий, формирования колоний и установления политического или экономического контроля над другими странами. Расширяясь, Российская империя подошла к Кавказу и начала его захватывать, используя мирные и военные методы. Многие народы Кавказа оказали сопротивление и встали на защиту своей родины. В связи с чем главным средством были признаны военные методы и военная колонизация, что и вызвало войну. Со стороны Российской империи это была война за новые земли, за людские и природные ресурсы, за новые возможности для конкуренции с другими мировыми империями и т.д., т.е. колониально-захватническая.

Как отмечает Н.В. Варивода, «завоевательная политика царизма на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. определила военно-казачий тип колонизации»[7]. Колонизацию региона Российское правительство рассматривало как одну из основных задач создания здесь многочисленного и сильного кавказского казачества как форпоста Российской империи в наступлении против кавказских народов[8]. В документах того времени отмечалось, что «единственно надежным средством для прочного утверждения нашего (Российского. – *Г. Г.*) владычества на Кавказе есть занятие горного и предгорного пространства нашим (российским. – *Г. Г.*) вооруженным казачьим населением»[9].

Российская колонизация Кавказа началась с Центрального Предкавказья с принудительным вытеснением кавказского на-

---

[7] Варивода Н.В. Военно-казачья колонизация Центрального Предкавказья в конце XVIII — первой половине XIX века (Демографические и социокультурные аспекты) // Кавказский сборник. М., 2017. Т. 10 (42). С. 47–48.

[8] Там же. С. 48.

[9] Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. № 589.

селения с равнинных, плодородных и обжитых земель в горы, а затем населения Западного Кавказа с последующим заселением этих территорий поселенцами-колонистами. О том, что военная колонизация Кавказа, сопровождаемая насильственным выселением проживавших здесь на протяжении тысячелетий народов, проводилась по спланированной государственной программе Российской империи, существует множество неопровержимых документальных свидетельств, многие из которых приведены в известной монографии Г.А. Дзидзария[10]. Так, наместник Кавказа князь Барятинский А.И. в своем письме Александру II пишет о том, что необходимо «избавить Кавказское плоскогорье от населения… и открыть тем самым прекрасные и плодородные места для казачьего поселения». В другом письме он отмечает: **«Во исполнение высочайшего указания царского правительства о выселении горцев в Турцию** (выделено авт. – *Г. Г.*) будем действовать осмотрительно, но решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье от населения. …Дело окончательного покорения восточного берега Черного моря наиболее зависит от быстроты выселения туземцев в Турцию»[11].

Директор походной канцелярии наместника Кавказа М.С. Воронцова Золотарев И.Ф. пишет: «…Первоначальным и главнейшим тому средством должно служить заселение богатых и плодородных местностей Кавказа русскими переселенцами»[12].

Командующий российскими войсками Кубанской области Н.И. Евдокимов: «**Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру**»[13]. Генерал-майор Ростислав Фадеев: «Изгнание горцев и заселение

---

[10] Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

[11] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 215.

[12] Речи, сказанные на Кавказских вечерах в С. Петербурге (1861–1872 гг.). СПб., 1873. С. 38.

[13] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 219.

западного Кавказа русскими – таков был план войны в последние четыре года. …Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покориться. Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие»[14].

Великий князь Михаил Николаевич в «Записке о положении в Абхазии» (1864 г. Март): «Ввиду близкого осуществления высочайше одобренных предложений о заселении казачьими станицами Восточного берега Чёрного моря от устья Кубани представляется необходимость решить вопрос о будущем положении владетеля Абхазского, а из казачьих поселений от р. Бзыби до р. Энгури могли бы составить Абхазское Казачье войско под управлением начальника Абхазского военного отдела»[15].

Таких свидетельств можно привести десятки, но и приведенные здесь факты, а также результат войны и последовавшие затем события отчетливо показывают, что Российская империя не была исключением – как и все империи, правда, с некоторыми отличительными особенностями, она проводила колониально-завоевательную политику. Да, конечно, при большом желании можно найти множество объяснений, оправданий, диктовавших Российской империи необходимость завоевания и колонизации Кавказа. Но они не могут изменить того непреложного факта, что со стороны Российской империи эта была колониально-захватническая, т.е. несправедливая война, направленная на захват и колонизацию исторически никогда ей не принадлежавших территорий.

С другой стороны, ни один кавказский народ не нападал на Россию, не претендовал на чужую землю, они защищали свою родину, свои семьи, свой образ жизни, как это они делали на протяжении тысячелетий, когда к ним приходили большие им-

---

[14] Фадеев Р. Письма с Кавказа. Письмо 5-е / Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 179, 183–185.

[15] Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 177.

перии с целью их покорения и захвата земель. Для кавказских народов эта была оборонительная, т.е. справедливая война.

Эта та истина, оспаривать которую невозможно и бессмысленно. Иначе надо переосмысливать все войны, которые вели мировые империи, вообще пересмотреть всю мировую историю. Именно такой подход к Русско-Кавказской войне может стать той общей платформой, на основе которой можно будет достичь взаимопонимания и примирения на поле историографии, а затем уже и гуманитарной реабилитации болезненных проблем исторической памяти и национального сознания участвовавших в войне народов.

Нет необходимости искать оправдание военным действиям Российской империи на Кавказе, заниматься мифотворчеством и выдумывать какие-то концепции, не имеющие ничего общего с исторической реальностью, типа «набеговой системы». Якобы в силу своей «дикой» и «хищнической» натуры, нахождения на стадии разложения патриархально-родового уклада и «военной демократии» кавказские народы совершали грабительские набеги на казачьи поселения. России же ничего не оставалось, как отвечать тем же. Несмотря на то, что в научной кавказоведческой литературе подобные взгляды подвергнуты убедительной критике как расистские и вполне справедливо отнесены к «ненаучной фантастике»[16], они, к сожалению, все еще имеют широкое хождение в российской, как околонаучной, так и научной литературе.

Действительно, как можно говорить о кавказских народах как о пребывающих в своем развитии на уровне «военной демократии» в XIX в., когда они на протяжении нескольких тысячелетий являются субъектами исторического процесса, упоминаются в письменных источниках II тыс. до н.э. В результате археологических, этнолингвистических, исторических, антропологических исследований все больше и больше выявляется,

[16] Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. Грозный, 2015. С. 83.

что т.н. горские народы были не только свидетелями, но и участниками становления древних цивилизаций, ставших во многом основами нынешних цивилизаций (европейских и азиатских). Кстати, именно хаты, находящиеся в этногенетическом родстве с представителями т.н. горских народов, являются первооткрывателями металлургии железа, без которого не было бы современной цивилизации.

Одной из главных причин непризнания справедливого, оборонительного характера войны со стороны кавказцев и колониального – со стороны Российской империи кроется в том, что якобы это дает основание для возникновения центробежных сил и несет угрозу безопасности России на Кавказе. Однако, как представляется, именно непризнание правды и отрицание очевидного многократно увеличивает угрозу возникновения центробежных сил, углубляет существующие и провоцирует новые противоречия, поскольку такой подход совершенно не учитывает менталитет, особенности этнопсихологии кавказских народов.

В научной литературе неоднократно отмечалась особая роль истории на Кавказе, поскольку этническая психология и самосознание народов Кавказа неразрывно связаны с их историей. Свойственное кавказским народам уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная в исторических преданиях, обусловило формирование менталитета, тяготеющего к истории. История – один из важных инструментов этнокультурной самоидентификации кавказских народов, она в значительной степени формирует общественное сознание.

Отсутствие письменности требовало особого «устройства» памяти: передача общественно значимых событий осуществлялась живыми носителями памяти непосредственно через имитацию и повторение. Благодаря этому основные навыки и умения «надежно» сохранялись «как в капсуле» и передавались новым

поколениям[17]. А Русско-Кавказская война для большинства народов Кавказа стала переломным периодом в их истории, разрушившая традиционный мир, повлекшая глубинные изменения и оставившая неизгладимый след в народной памяти. По историческим меркам эта война была «вчера», и люди помнят о ней по рассказам своих дедов и прадедов. Эти рассказы в той или иной степени в основном совпадают с документами того периода и письменными свидетельствами участников войны.

В этих условиях попытки представить искаженную картину исторической реальности Русско-Кавказской войны, где защитники своей родины, своих семей, чести и достоинства своего народа изображаются в негативном свете, хищниками и разбойниками, не только не воспринимаются, но и вызывают глубокое чувство возмущения. Если же учесть характерное для культуры кавказских народов трепетное отношение к памяти своих предков, многим все это воспринимается как святотатство, с вытекающими отсюда последствиями.

Речь в данном случае идет не обо всех народах, проживающих в географических пределах Кавказа, а собственно о народах – носителей кавказского менталитета, общих культурных традиций, систем мышления и поведения и т.д., представляющих собой основу кавказской историко-культурной общности, т.е., о так называемых горских народах Кавказа. «Так называемых» – потому, что понятие «горские народы», на мой взгляд, не совсем соответствует действительности. Как можно назвать горскими, например, черкесов, чеченцев, которые на протяжении тысячелетий проживали как в горах, так и в равнинной зоне Прикубанья и Центрального Кавказа. Да, были периоды, когда под натиском превосходящих сил они вынуждены были отступить в горы. Но затем, набравшись сил, освобождали свои

[17] Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы): проблема исторической памяти. // Кавказология / Caucasology № 1/2017 56 https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/e-journal-caucasology/

земли. Такая же ситуация сложилась и с приходом Российской империи – население, проживавшее на равнинах, было вытеснено в горы, но не смирилось и продолжало военные действия по освобождению своих земель.

Именно т.н. горские народы, носители кавказских культурных традиций, оказывали столь длительное и массовое сопротивление, несмотря на огромные и невосполнимые потери вели войну за свою свободу и независимость. В чем особенность кавказских культурных традиций или что такое кавказскость – тема уже отдельной и не одной международной конференции. Если в двух словах, то, как отмечал известный абхазский писатель Даур Зантария, Кавказ – это Мир с тысячелетним вольным укладом, с признанием свободы высшей ценностью, с цивилизацией, которая является не европейской и не азиатской в полной мере[18]. На протяжении тысячелетий завоевывать Кавказ приходили многие империи, бывало, завоевывали на время. Но покорить или усмирить кавказские народы никому не удавалось. Впрочем, ни одна из этих империй не стремилась покорить и установить колониальное правление, ограничиваясь лишь вассальными или союзническими отношениями.

Одна из главных причин ожесточенности и длительности Русско-Кавказской войны, имевшей столь трагические последствия для кавказских народов, является как раз стремление Российского императорского двора покорить и усмирить кавказские народы. Именно такое распоряжение дает император Николай I главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом генералу Паскевичу И.Ф.: «Предстоим Вам славное дело… усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных»[19]. Как известно, горские народы не покорились, и в результате многие древние народы с тысячелетней историей оказались перед

[18] Зантария Д.. Кавказская война и беженцы (рукопись).

[19] Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: Его жизнь и деятельность // Тифлис, 1904. С. 404.

реальной угрозой полного физического уничтожения или выселения на чужбину. Особенно это касается абхазов и черкесов, для которых Русско-Кавказская война имела катастрофические последствия. После окончания войны и насильственного выселения у себя на родине абхазов и черкесов (адыгов) осталось не более 10 %, а убыхский народ полностью исчез. Вследствие этого Русско-Кавказская война оставила неизгладимый след в коллективной памяти кавказских народов и занимает ключевое место в национальном сознании. Исторические исследования, любые публикации, связанные с этой войной, получают широкий общественный резонанс.

Поэтому важнейшая задача исторической науки наших стран – это снять налет политизированности, идеологизированности при освещении Русско-Кавказской войны. Необходимо примирение сторон уже на историографическом поле. Но это возможно только опираясь на правду, на объективную истину, поскольку на лжи ничего прочного нельзя построить. Нет никакой необходимости проецировать ситуацию XVIII–XIX вв. на современную эпоху и наоборот. В XIX в. была другая геополитическая ситуация, сегодня другая, тогда наши народы были противниками, отстаивали разные ценности.

Сегодня отношения России с народами Кавказа основаны не на подчинении, а на союзе, кавказские народы признаны легитимными политическими субъектами в качестве республик, составляющих Российскую Федерацию, а Абхазия и Южная Осетия признаны как независимые государства. Сегодня наши народы находятся на одной стороне, в одном лагере и отстаивают общие ценности. Президент РФ В.В. Путин так определяет, за что Россия сегодня сражается на поле боя: «…за суверенные, самостоятельные государства, которые не хотят унижаться и выполнять роль лакеев… За формирование нового, более справедливого, многополярного мира с равными правами и возмож-

ностями для всех стран и цивилизации, за принципы справедливого мироустройства, за свободу стран и народов»[20].

Сегодня наши народы вместе сражаются на поле брани против превосходящих сил коллективного Запада именно за те ценности, которые отстаивали народы Кавказа, за что погибали наши деды и прадеды. Это и есть именно те ценности, которые могут и должны стать определяющими в выработке и утверждении в общественном сознании и практике наших народов формулы гражданского консенсуса по проблеме Русско-Кавказской войны.

Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что существующий на историографическом поле накал страстей по проблемам Русско-Кавказской войны, влияющий и во многом формирующий общественное сознание, используется нашими общими противниками. В последние десятилетия наблюдается резкое возрастание интереса к Кавказу в международных научных кругах, показателем чего стало создание десятков научных кавказоведческих институтов и центров в разных странах Европы, Америки и Азии (США, Англия, Франция, Германия, Китай, Япония и др.)

Помимо научно-исследовательского, такой рост интереса к истории Кавказа, несомненно, связан с принципиально новой геополитической ролью, которую начал играть Кавказ после распада СССР. Свои взоры на регион обратили мировые державы, и еще вчера казавшиеся незыблемыми форматы и модели отношений трансформируются и переоцениваются. США и их союзники начали рассматривать Южный Кавказ в качестве плацдарма для «второго фронта» против России и создания на ее южных рубежах дуги нестабильности, о чем они открыто говорят и не скрывают.

Нет сомнения и в том, что вновь созданные институты, центры будут использовать болевые точки, противоположные взгляды по тем или иным проблемам, вызывающим эмоциональные споры, особенно по Русско-Кавказской войне, для манипули-

[20] Путин В.В. Выступление на съезде Федерации независимых профсоюзов России. 04.04. 2024 г. http://kremlin.ru/events/president/news/73791.

рования общественным сознанием и специального модулирования ситуации, чтобы вызывать антироссийские настроения в регионе. Но мы не можем допустить, чтобы наши противники использовали трагедию кавказских народов XIX века против современной России, а значит, и против кавказских народов.

Нам нужно направить усилия на ослабление, а то и вовсе на устранение антагонистических противоречий исторического, политического, духовно-культурного плана путем разработки новых теоретических и методологических позиций на основе общих ценностей, объединяющих наши народы. Однако, к большому сожалению, сторонники различных подходов фактически не ведут друг с другом научного диалога. Различные научные учреждения, центры, школы издают книги, монографии, сборники статей, в которых не учитываются результаты исследования их оппонентов из соседних республик и областей.

В этой связи было бы целесообразным учреждение Международного научного консультативного Совета по проблемам кавказоведения, особенно Русско-Кавказской войны, куда вошли бы ученые из Абхазии, республик Северного Кавказа, Юга России, Москвы, Петербурга и др. Как представляется, такой Кавказский консультативный совет с рекомендательными функциями мог бы сыграть важную роль в достижении взаимопонимания и согласованности различных интересов и точек зрения; способствовать эффективному общению между учеными по выработке общих подходов, концепции по тем или иным животрепещущим проблемам научного кавказоведения.

Литература

Абдурахманов Д.Б. Ахмадов Я.З. Битва за Чечню. Грозный, 2015.

Акаев В.Х. Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. Ростов-на-Дону, 2016.

Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т. 12. Тифлис, 1904. № 589.

Варивода Н.В. Военно-казачья колонизация Центрального Предкавказья в конце XVIII – первой половине XIX века (Демографические и социокультурные аспекты) // Кавказский сборник. М., 2017. Т. № 10 (42).

Виноградов В.Б. «Кавказская война»: терминологические и стадиальные аспекты исследования // Кавказская война: символы, образы стереотипы (к 150-летию со дня окончания). Сб. научных статей. Краснодар, 2015.

Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик, 2002.

Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. «WebKniga», 2014. С. 32.

Зантария Д. Кавказская война и беженцы (рукопись).

Дзамихов К.Ф. Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014.

Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982.

Кожев З.А. Кавказская война: закономерности промежуточных результатов, перспективы осмысления // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания) Нальчик, 2014.

Крылов А. Спекуляция вокруг Кавказской войны призваны ослабить Россию // http://www.kavkazoved.info/news/2020/05/21/spekulacii-vokrug-kavkazskoj-vojny-prizvany-oslabit-rossiju.html

Мирзоев А.С. Кавказская война – название, научное определение, хронология и периодизация // Кавказская война: Актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). Нальчик, 2014.

Путин В.В. Выступление на съезде Федерации независимых профсоюзов России. 04.04. 2024 г. http://kremlin.ru/events/president/news/73791

Речи, сказанные на Кавказских вечерах в С. Петербурге (1861-1872 гг.) С. Петербург, 1873 г.

Фадеев Р. Письма с Кавказа. Письмо 5-е/ Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010.

Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы): проблема исторической памяти. // Кавказология / Caucasology. № 1/2017 56 https://kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/e-journal-caucasology/

Щербатов А.П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич: его жизнь и деятельность. Тифлис, 1904.

РУССКО-КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА XIX ВЕКА И ПРОБЛЕМА ПОТОМКОВ КАВКАЗСКИХ ИЗГНАННИКОВ

160 лет назад завершилась одна из самых кровопролитных и длинных войн в мировой истории – Русско-Кавказская война. В результате этой войны и колонизации Кавказа Российской империей большая часть автохтонного населения Кавказа была уничтожена и изгнана. Целые древние народы Кавказа с тысячелетней историей оказались перед реальной угрозой полного физического исчезновения. Особенно это касается абхазов и черкесов, для которых Русско-Кавказская война имела катастрофические последствия. После окончания войны и насильственного выселения у себя на родине абхазов (абаза) и черкесов (адыгов) осталось не более 10 %, а убыхский народ исчез полностью[1]. Естественно, Русско-Кавказская война оставила неизгладимый след в коллективной памяти кавказских народов и занимает ключевое место в национальном сознании.

Однако, несмотря на огромный материал и высокую степень его изученности, благодаря которым трагические события насильственного выселения кавказцев в XIX веке можно восстановить даже по месяцам, до сих пор не определен международно-признанный статус кавказских изгнанников. Вследствие чего вопрос насильственно переселенных кавказских народов до сих пор находится вне поля зрения международного сообщества и соответствующих организаций. Более того, информация, которой обладает мировая общественность об этих событиях, очень скудна, противоречива, а порой полностью искажена. В

[1] См.: Г.А. Дзидзария. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX в. Сухуми, 1976.

советской и российской историографии превалирует тезис о якобы добровольном характере переселения кавказцев в Османскую империю по религиозным причинам. Отсюда и широко используемый в литературе, искусственно внедренный термин «мухаджиры» – для обозначения изгнанников. Безусловно, это абсолютно не соответствует исторической действительности, а имеет преднамеренную цель скрыть и исказить истинные причины, тем самым снять ответственность с ее организаторов. Хотя при этом следует отметить, что переселение населения из-за опасения преследований по религиозным убеждениям также является вынужденным переселением и не может характеризоваться как добровольное.

Вместе с тем, существуют неопровержимые документальные данные, которые свидетельствуют о том, что насильственное изгнание населения Кавказа проводилось по четко спланированной государственной программе правительства Российской империи. Так, наместник Кавказа князь Барятинский А.И. в своем письме царю Александру II пишет о том, что необходимо «избавить Кавказское плоскогорье от населения… и открыть тем самым прекрасные и плодородные места для казачьего поселения». В другом письме он отмечает: «**Во исполнение высочайшего указания царского правительства о выселении горцев в Турцию** (выделено авт. – *Г. Г.*) будем действовать осмотрительно, но решительно, чтобы окончательно очистить все Черноморское побережье от населения»[2].

Командующий российскими войсками Кубанской области Н.И. Евдокимов: «**Переселение горцев в Турцию, без сомнения, составляет важную государственную меру** (выделено авт. – *Г. Г.*)»[3]. Генерал-майор Ростислав Фадеев: «Изгнание горцев и заселение Западного Кавказа русскими – таков был план войны в последние четыре года. …Мы не могли отступить от

[2] См.: Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 215.

[3] Дзидзария Г.А. Указ. соч. С. 219.

начатого дела и бросить покорение Кавказа потому только, что горцы не хотели покориться. Надо было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие»[4].

Директор походной канцелярии наместника Кавказа М.С. Воронцова Золотарев И.Ф. пишет, что первоначальной и главнейшей задачей является заселение богатых и плодородных местностей Кавказа русскими переселенцами»[5].

Великий князь Михаил Николаевич в «Записке о положении в Абхазии» (1864 г. Март): «Ввиду близкого осуществления высочайше одобренных предложений о заселении казачьими станицами Восточного берега Чёрного моря от реки Кубани до реки Энгури представляется необходимость решить вопрос о будущем положении владетеля Абхазского»[6].

Таких свидетельств можно привести десятки и сотни. Но достаточно и одного официального распоряжения правительства Российской империи об изгнании абхазского и черкесского населения от реки Кубань на западе до реки Ингур на востоке (до границы Абхазии с Грузией) и заселения этой территории русскими, казаками и благонадежными к тому времени греками, грузинами, армянами, болгарами и др. поселенцами-колонистами. Все это, несомненно, ясное доказательство тому, что изгнание с родных мест абхазов (абаза) и адыгов (черкесов) в XIX в. было осуществлено по заранее спланированному плану Российского правительства с помощью войск, по т.н. тактике «выжженной земли». Отсюда со всей очевидностью вытекает, что кавказские переселенцы XIX в. подпадают под категорию насильственных изгнанников со своей Родины.

---

[4] Фадеев Р. Письма с Кавказа. Письмо 5-е // Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 179, 183–185.

[5] Речи, сказанные на Кавказских вечерах в С. Петербурге (1861–1872). СПб., 1873. С. 38.

[6] Дзидзария Г. А. Указ. соч. С. 177.

7 февраля 1992 года Верховный Совет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики принял Постановление (№ 977-XII-В) «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны»[7]. 12 мая 1994 года было принято Постановление Парламента Кабардино-Балкарской Республики (№ 21-П-П) «Об обращении в Государственную Думу Российской Федерации с вопросом признания геноцида черкесов»; аналогичное постановление было принято Государственным Советом — Хасэ Республики Адыгея[8].

15 октября 1997 года Народное собрание – Парламент Республики Абхазия принял Постановление (№ 109) «Об акте депортации абхазов (абаза) в XIX веке», в котором отмечалось, что «колониальная политика Российской империи в годы Русско-Кавказской войны (1817–1867) и в последующие периоды нанесла абхазскому (абаза) народу, его генофонду непоправимый урон. За участие в борьбе за свободу и независимость своей страны часть этноса была физически истреблена, 80 % из уцелевших было изгнано в Османскую империю.

– Признать массовое истребление и изгнание абхазов (абаза) в XIX веке в Османскую империю геноцидом – тягчайшим преступлением против человечества.

– Признать согласно Конвенции Генеральной Ассамблеи ООН от 28 июля 1951 года депортированных абхазов (абаза) в XIX веке беженцами.

– Признать незыблемым право добровольного и беспрепятственного возвращения потомков депортированных в XIX веке абхазов (абаза) на их историческую родину»[9].

20 мая 2011 года Парламент Грузии принял постановление о признании геноцида черкесов и согласно Конвенции Генераль-

[7] https://docs.cntd.ru/document/450209027

[8] https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/151773

[9] http://rrc.ge/law/dadg_1997_10_15_R.htm

ной Ассамблеи ООН от 28 июля 1951 года депортированных черкесов в XIX веке – беженцами[10].

Однако, к сожалению, проблема кавказских беженцев XIX и их потомков до сих пор находится вне поля зрения международного сообщества. Для привлечения достойного внимания международного сообщества к данному вопросу с последующим превращением ее в международную гуманитарную проблему предстоит большая и кропотливая работа. Такую возможность предоставляют существующие международные правовые механизмы.

В связи с этим было бы целесообразным и весьма актуальным принятие потомками кавказских переселенцев XIX века совместного научно и политически обоснованного обращения в Верховный комиссариат ООН по делам беженцев о придании кавказским переселенцам XIX в. статуса беженцев, коими они в действительности и являлись. Полагаю, что существующие абхазские и черкесские организации Турции правомочны принять такое обращение.

Стремление к признанию за кавказскими переселенцами XIX века статуса беженцев – не самоцель и продиктовано не политической конъюнктурой или попыткой предъявить какие-либо претензии кому-то, в результате которых стало бы возможным появление новых очагов напряженности и спровоцировало бы новые людские страдания. И, конечно, речь не идет о попытке проецирования современных международных правовых стандартов на исторические реалии XIX в. Признание со стороны международного сообщества за кавказскими переселенцами XIX в. беженцев необходимо лишь для признания права на добровольное возвращение потомков переселенцев XIX века на свою историческую Родину.

Всем хорошо известно, что изгнание абхазов и адыгов и заселение их родины поселенцами-колонистами имело катастро-

[10] https://lenta.ru/news/2011/05/20/cherkesy/

фические последствия. У себя на Родине мы стали этническим меньшинством, в результате чего происходит неминуемая ассимиляция, размывание этнической целостности и самобытности, исчезновение нашей древней культуры и языка. Такие же процессы идут и в странах проживания потомков кавказских изгнанников. Полное исчезновение с исторической арены этнической самобытности тысячелетних кавказских народов – вопрос времени. Естественно, мы не можем и не должны спокойно созерцать, как исчезают наши народы, уходят в небытие наша культура и язык. Это было бы преступлением не только против наших народов, но и против всего человечества. Поэтому признание за потомками кавказских изгнанников права на добровольное возвращение, является не столько политической, сколько международной гуманитарной проблемой. Ибо от решения этой проблемы в настоящее время непосредственно зависит вообще сама возможность выживания наших народов.

Право на возвращение не может и не несет каких-либо угроз каким-то государствам, установившимся политических границам, существенному изменению демографической ситуации в республиках Кавказа и, тем более, нарушению прав проживающего там населения. Сегодня для нас право на добровольное возвращение на Родину потомков кавказских изгнанников – это право на жизнь, право на сохранение своего языка, культуры, право на развитие и будущее. Отказ нам в этом праве означает лишить наши народы неотъемлемого права на жизнь.

Безусловно, при решении указанной проблемы существует и неизбежно будет возникать множество вопросов различного характера, предугадать которые сегодня достаточно сложно. Будут возникать проблемы не только политического, социально-экономического, но и морального, психологического характеров.

Но главное, конечно, это сами потомки кавказских изгнанников. Они являются полноправными гражданами в странах своего проживания и давно уже адаптировались. Возникает вопрос:

готовы ли потомки кавказских переселенцев XIX века принять статус беженцев с целью возвращения на историческую родину? Готовы ли на трудности и лишения, неизбежно возникающие в таких случаях?

Почему диаспора до сих пор не создала ни одну организацию, которая ставила бы целью возвращение на родину? Почему в странах проживания абхазов, черкесов и других кавказских народов до сих пор не создан какой-либо фонд помощи возвращающимся на родину? Да, пока вопросов много. Но если хотим иметь будущее в качестве достойных народов, мы должны ответить на них честно.

Сегодня уже назрела острая необходимость изучения проблем социально-политической, культурной, демографической, миграционной, профессиональной и конфессиональной структуры диаспоры; ее персонального и институционального состава как неразрывной части кавказской и мировой истории и культуры в целом. Необходимо раскрытие и определение эффективности возможных форм и механизмов политического, экономического и культурного взаимодействия диаспоры с родиной в современных условиях и возможности его дальнейшего совершенствования.

Установление тесного и многостороннего взаимодействия диаспоры с родиной даст мощный импульс обратиться к своим национальным истокам, национальной культуре. Все это будет способствовать поднятию национального самосознания на более высокий уровень, что позволит нашим народам избежать потери своей национальной идентичности как на родине, так и в диаспоре.

ГРУЗИНО-АБХАЗСКИЙ ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ 1992–1993 ГГ.: ПРОБЛЕМА БЕЖЕНЦЕВ И ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ

Взаимоотношения между абхазским и грузинским народами, подобно отношениям многих соседних народов, проживающих по соседству не одно тысячелетие, характеризовались чередованием периодов военных столкновений и мирного сосуществования. Хочется верить, что война 1992–1993 гг. была последней между нашими народами, но, конечно, она не первая. Но вооруженный конфликт 1992–1993 гг., ставший для абхазского народа Отечественной войной, по масштабам жестокости и последствиям существенно отличается от предыдущих столкновений. Война имела очень тяжелые последствия для обеих сторон: потери абхазской стороны составили около 4 % этнического населения, практически каждая абхазская семья понесла утраты, а материальный ущерб, нанесенный инфраструктуре Абхазии (поскольку боевые действия велись на ее территории), был огромен. Грузинская сторона также понесла значительные потери – более десяти тысяч погибших и сотни тысяч вынужденных переселенцев.

Результатом войны стало почти полное взаимное отчуждение абхазского и грузинского населения. Анализ последствий конфликта до сих пор носит условный характер, поскольку его политико-правовое урегулирование отсутствует. Современная ситуация «ни войны, ни мира», отсутствие мирного договора, открыто реваншистские настроения в Грузии, а также взаимное непризнание суверенитета сторон продолжают усугублять положение, отвлекая значительные ресурсы от восстановления и сдерживая демократические преобразования в наших странах.

Как и любой вооруженный конфликт, грузино-абхазская война сопровождалась интенсивными миграционными процессами. С первых дней боевых действий появились беженцы с обеих сторон. В период наступления абхазских формирований территорию Абхазии покинуло, отступая вместе с грузинскими войсками, около 250 тысяч человек грузинской и мегрельской национальности.

В настоящее время проблема грузинских беженцев и перемещенных лиц остается одним из ключевых факторов, определяющих характер взаимоотношений между Абхазией и Грузией. Сразу же после завершения активной фазы вооружённого конфликта он занял центральное место в переговорном процессе. 4 апреля 1994 г. было подписано Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц, провозглашавшее право на добровольное, безопасное и достойное возвращение беженцев и перемещённых лиц в места их прежнего проживания в Абхазии. Для обеспечения этого процесса была создана Четырехсторонняя комиссия с участием представителей Абхазии, Грузии, России и Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Однако деятельность Комиссии оказалась безрезультатной, поскольку Соглашение было принято без учета реальной политической ситуации и гуманитарных последствий принимаемых решений. Кроме того, абхазская и грузинская стороны по-разному интерпретировали положения Соглашения, что обусловило их кардинально противоположные подходы. Грузия настаивала на восстановлении своей территориальной целостности и массовом возвращении беженцев и перемещенных лиц на территорию Абхазии под юрисдикцией Грузии. Абхазия отстаивала право на самоопределение и поэтапное возвращение лишь тех грузинских беженцев, которые не участвовали в боевых действиях на стороне Грузии. Таким образом, абхазская сторона провела строгое разграничение между лицами, являющимися жертвами войны (беженца-

ми), и военными преступниками, которые не подпадают под определение беженцев и лишаются права на международную защиту.

Существуют также терминологические разночтения. Согласно трактовке грузинской стороны и УВКБ ООН[1], беженцами считаются лица, покинувшие Абхазию в результате военных действий и находящиеся за пределами Грузии; а население, переместившееся из Абхазии в Грузию, классифицируется как внутренне перемещенные лица (ВПЛ) в рамках одного государства. Абхазская сторона, напротив, определяет как беженцев всех лиц, покинувших территорию Абхазии, а к перемещенным лицам относит тех, кто сменил место жительства внутри Абхазии. Очевидно, что при таких противоположных подходах достижение консенсуса по вопросу о возвращении оказалось невозможным.

Несмотря на это, руководство Абхазии, основываясь на Четырехстороннем соглашении о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц от 4 апреля 1994 г., в марте 1999 г. в одностороннем порядке инициировало процесс возвращения грузинских беженцев в Галский район Абхазии. При правительстве Республики Абхазия была создана Комиссия по Галскому району, занимавшаяся вопросами социально-экономической реабилитации района и создания условий для организованного и безопасного возвращения грузинских беженцев. По данным абхазской стороны, первоначально на территорию республики, преимущественно в Галский район, вернулось около 60 тысяч человек.

Односторонняя инициатива властей Абхазии была встречена резко негативной реакцией со стороны Грузии, которая заявила о невозможности обеспечения полной безопасности возвращающимся. Кроме того, представители УВКБ ООН в Абхазии по

[1] См.: интервью главы миссии УКВБ в Грузии Таслимур Рахмана // «Все об Абхазии». № 3 (23). 1995.

настоянию Грузии не осуществили верификацию вернувшихся в Галский район лиц и не зафиксировали официально факт их возвращения. Абхазия расценила эти действия как свидетельство незаинтересованности грузинских властей в реальном возвращении беженцев до восстановления юрисдикции Грузии над Абхазией. По мнению абхазской стороны, проблема беженцев используется Грузией исключительно как инструмент политического давления, что подтверждается специальными заявлениями, направляемыми в ООН[2].

Следует отметить, что не все грузины покинули Абхазию в период и после войны. Помимо Галского района, грузины проживали и в остальных регионах Абхазии. По данным Управления государственной статистики Республики Абхазия, к 1 января 2023 г. в стране проживало 43 596 грузин и 3 260 мегрелов, в том числе:

грузин в городе Сухум проживает – 1 822,
Гагрском районе – 966,
Гудаутском районе – 502,
Сухумском районе – 225,
Гулрыпшском районе – 775,
Очамчырском районе – 2 079,
Ткуарчалском районе – 9 525,
Галском районе – 27 702.
Мегрелов в Сухуме проживает – 65,
Гагрском районе – 3,
Гудаутском районе – 19,
Сухумском районе – 2,
Гулрыпшском районе – 3,

[2] См., например, Вербальная нота Постоянного представительства Российской Федерации при Отделении Организации Объединенных Наций и других международных организациях в Женеве от 19 мая 2017 года в адрес Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека // https://www.google.com/search?q=%D0%92%D0%B5%D1%80%&sclient=gws-wiz-serp.

Очамчырском районе – 417,
Ткуарчалском районе – 722,
Галском районе – 2 029[3].

Правовые гарантии безопасности между сторонами в послевоенный период определялись Московским соглашением о прекращении огня и разъединении сил от 14 мая 1994 г. Однако в 2008 г., после признания Российской Федерацией независимости Республики Абхазия, Грузия заявила о выходе из Московского соглашения. Этим решением Грузия аннулировало и Соглашение о добровольном возвращении беженцев 1994 г., лишив процесс возвращения грузинских беженцев в Абхазию какой-либо правовой основы. Принятие Грузией закона «Об оккупированных территориях» в том же году полностью прервало переговорный процесс между Абхазией и Грузией.

С тех пор официальный Тбилиси настаивает на том, что грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликты являются частью конфликта между Грузией и Россией. Апеллируя к событиям августа 2008 г., а не к конфликту 1992–1993 гг., Грузия стремится избежать ответственности за развязывание войны с Абхазией, переключив внимание на российский фактор и позиционируя себя как жертву.

На Женевских международных дискуссиях – единственной площадке, где при посредничестве международных организаций обсуждается грузино-абхазское противостояние – Грузия представляет Абхазию и Южную Осетию как территории, оккупированные Россией, и не признает их в качестве самостоятельных сторон. Участники дискуссий присутствуют на них не в качестве официальных представителей сторон, а в личном качестве.

Закон Грузии «Об оккупированных территориях» оказал негативное влияние на все сферы жизни Абхазии, от экономики до

[3] Абхазия в цифрах. Абхазский статистический ежегодник. Официальное издание. Акуа, 2023. С. 22.

социальной сферы, но в первую очередь он ударил по обычным гражданам. Жители Абхазии были лишены права на свободное передвижение по миру. Не имея иных возможностей, они были вынуждены массово приобретать гражданство Российской Федерации для получения заграничных паспортов. Однако по ходатайству Грузии Европейский союз не признает российские паспорта, выданные на территории Абхазии, что создает дополнительные препятствия для их владельцев.

Закон также нанес значительный ущерб абхазской экономике. Финансовым институтам Абхазии закрыт доступ на международные рынки, все банковские операции с большими издержками осуществляются через корреспондентские счета в российских банках. Таким образом, Грузия, следуя принципу: чем хуже для Абхазии, тем лучше для Грузии, фактически отказывает абхазскому народу в праве не только на перемещение, но и на жизнь. Ясно, что подобный подход не только не способствует нормализации отношений между нашими народами, но и усугубляет существующее глубокое недоверие и вражду, блокируя решение проблем, связанных с беженцами.

Как уже отмечалось, в настоящее время, после денонсации Грузией Соглашения 1994 г., правовая база для возвращения грузинских беженцев в Абхазию отсутствует. В то же время Грузия регулярно инициирует в Генеральной Ассамблее ООН принятие резолюций, признающих право грузинских беженцев и перемещенных лиц на возвращение в Абхазию и Южную Осетию. Абхазия лишена возможности выступить на Генеральной Ассамблее ООН и других международных площадках, поскольку по настоянию Грузии абхазскому народу отказано также в праве на голос.

Стремление Грузии отказать абхазскому народу в правосубъектности и разорвать любые отношения с Абхазией, по всей видимости, приведет к постановке вопроса о пересмотре статуса грузинских беженцев и перемещенных лиц. В абхазском экспертном сообществе существует точка зрения, согласно которой категории «беженцы» или «внутренне перемещенные лица» не могут

быть применены к лицам грузинской национальности, покинувшим территорию Абхазии в ходе грузино-абхазской войны[4].

Для определения статуса лиц грузинской национальности, покинувших Абхазию в ходе вооруженного конфликта 1992–1993 гг., необходимо рассмотреть время, условия и причины появления грузинского населения (мегрелов, сванов и собственно грузин) на территории Абхазии. Согласно данным исторической литературы, до начала 1880-х годов XIX века Абхазия была моноэтничным образованием, состоявшим почти исключительно из коренного абхазского населения.

XIX век стал для абхазского народа периодом исторической катастрофы, связанной с разрушением его национально-государственного организма. В ходе и по окончании Русско-Кавказской войны абхазский народ подвергся истреблению и массовой депортации. Большая его часть была изгнана, а оставшееся население, физически и экономически истощенное, было рассеяно в горных районах Абхазии. Народ столкнулся с угрозой физического исчезновения.

После окончания Русско-Кавказской войны в 1864 г., ликвидации абхазской государственности и последовавших за этим крупных антиколониальных восстаний 1866–1867 и 1877–1878 гг., на территории Абхазии осталось около 15 % абхазов. Четыре из семи исторических областей Абхазии были полностью опустошены[5]. Абхазия была переименована в Сухумский военный отдел (с 1883 г. – округ) Российской империи. Был реализован план выселения черкесов и абхазов от реки Кубани до Ингура и заселения освободившихся территорий колонистами – русскими, казаками,

---

[4] См.: Гумба Г.Д. Форма и сущность национального движения абхазского народа. (К постановке проблемы). Сухум, 2003. С. 36 и далее.

[5] Постановлением Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия от 15 октября 1997 г. (№ 362-с-XIII) массовое истребление и изгнание абхазов (абаза) в XIX веке из исторической родины в результате Русско-Кавказской войны было признано тягчайшим преступлением против человечества – геноцидом.

мегрелами, грузинами, греками, армянами, болгарами и другими народами, лояльными Российской империи[6]. В результате с 1880-х гг. в Абхазии были основаны поселения представителей этих народов. При этом переселенцев размещали в селения и дома насильственно изгнанных абхазов, передавая им не только жилье, но и их имущество абхазских. Например, мегрельские колонисты заселили опустевшие абхазские села Мерхеул (1879 г.), Беслетка (1881 г.), Акапа (1882 г.), Келасур, Пшап (1883 г.), Гумста (1883 г.), Багажяшта, Мачара (1885 г.), Гульрипш, Багбаран (1886 г.), Бабушара (1886 г.), Уарча, Наа (1888 г.) и другие[7].

Переселению предшествовала активная пропаганда в грузинской периодической печати[8]. В результате Абхазия из моноэтничной превратилась в полиэтничную страну, что демонстрирует динамика национального состава населения по данным переписей с 1886 по 1989 г. (таблица 1).

---

[6] Вот как описывает Абхазию конца XIX века Зинаида Рихтер: «Трогательна история небольшого народа абхазцев, населяющих один из самых прекрасных уголков в мире; история, полная слез, страданий и подвигов. Царское правительство долго боролось с непокорными абхазцами и проявило в отношении их исключительную жестокость. Для абхазского «виновного» населения было создано особое военно-народное управление, т. е. управляла и расправлялась военщина. Абхазам было запрещено селиться близ морского побережья, а также в нагорной полосе, чтобы они не могли иметь сообщения с Турцией и северокавказскими горцами. Все лучшие земли горной полосы побережья были розданы сиятельствам, генералам, священникам или переселенцам-грекам, мингрельцам. Абхазы частью были истреблены; другие вынуждены были переселиться в Турцию» *(Рихтер З. В солнечной Абхазии и Хевсуретии. 1930).* http://apsnyteka.org/508-richter_z_v_solnechnoi_abkhazii_i_hevsuretii.html

[7] См.: Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX века). Акуа – Сухум, 2018. С. 205 и далее.

[8] «Дроеба», 1883, № 216; «Дроеба», 1883. № 240; «Иверия», 1898, № 51 и др. (см. Ачугба Т.А. Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.) Сухум, 1995. С. 48 и далее). Кстати, программу необходимости именно грузинской колонизации Абхазии одним из первых представил видный грузинский публицист и общественный деятель Я. Гогебашвили в своей статье под названием «Кем заселить Абхазию», опубликованной в газете «Тифлисский вестник», 1877 г. №№ 209, 210, 243-245, 248, 249.

Таблица 1. Динамика национального состава населения Абхазии с 1886 по 1989 гг. (тыс. чел.) [9]**.**

Народы	1886	%	1897	%	1926	%	1939	%	1959	%	1970	%	1979	%	1989	%
Всего	68.8	100	106.2	100	212.0	100	311.9	100	404.7	100	487.0	100	486.1	100	525.1	100
Абхазы	59.0	85.8	58.7	55.3	55.9	26.4	56.2	18.0	61.2	15.1	77.3	17.1	83.1	17.1	93.3	17.8
Грузины	0.5	0.7	1.9	1.7	67.5	31.8	92.0	29.5	158.2	39.1	199.6	41.0	213.3	43.9	239.9	45.7
Мегрелы	3.5	5.1	23.8	22.4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Русские	1.0	1.4	6.0	5.7	20.5	9.6	60.2	19.2	86.7	21.4	92.9	19.4	79.7	16.4	74.9	14.3
Армяне	1.3	1.9	6.5	6.1	30.0	14.2	49.7	15.9	64.4	15.9	74.8	15.2	73.3	15.1	76.5	14.6
Греки	2.0	3.0	5.4	5.1	27.1	12.8	34.6	11.1	9.0	2.2	13.1	2.4	13.3	2.8	14.7	2.3
Другие	1.5	2.1	3.9	3.7	11.0	5.2	19.2	6.3	24.1	6.0	29.1	5.9	23.5	4.8	25.8	4.9

[9] Ачугба Т.А. Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.) Сухум, 1995 http://apsnyteka.org/926-achugba_t_etnicheskaya_revolutsya_v_abhazii.html

Согласно переписи населения перед началом Первой мировой войны в 1914 году в сельской местности в Абхазии проживало 91 450 абхазов и 14 735 мегрелов и грузин. Городское население состояло в основном из русских – около 30 000 человек[10].

В 1917 г., после распада Российской империи, абхазский народ восстановил свою государственность. 8 ноября 1917 г. была избрана легитимная власть – Абхазский Народный Совет, который объявил о независимости, утвердил Конституцию страны и вошел в состав Горской Республики в качестве отдельного субъекта. В феврале 1918 г. был заключен Договор с Грузией о взаимном признании, согласно которому Абхазия признавалась независимым государством в границах от реки Ингур до реки Мзымта[11].

Однако в апреле 1918 г. в результате вооруженного переворота власть в Абхазии захватили большевики и объявили ее частью РСФСР. Абхазский Народный Совет обратился за помощью к Закавказской федерации. По решению Закавказского сейма в Абхазию были направлены войска под командованием генерала В. Джугели вместе с отрядом регулярной германской армии. После подавления мятежа грузинские войска под командованием генерала Мазниашвили, воспользовавшись сложившейся тяжелой ситуацией в Абхазии, вероломно разгоняют пригласивший их Абхазский Народный Совет и оккупируют страну.

После трех лет грузинской оккупации, 4 марта 1921 г., части IX Красной Армии вместе с абхазскими повстанцами изгнали грузинские власти и установили в Абхазии советскую власть. На начальном этапе Абхазия вошла в состав Советского государства как отдельная национально-административная единица, но впоследствии ее статус был понижен до автономии, и в 1931 г. она была включена в состав Грузинской ССР.

---

[10] См.: Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923. С. 37.

[11] ЦГА Абх. АССР, ф. И-39, д. 6, лл. 22–23.

В советский период, особенно после убийства руководителя советской Абхазии Н. Лакоба, заселение Абхазии грузинскими колонистами приняло организованный и интенсивный характер. Это было обусловлено не только административным подчинением Абхазии Тбилиси, но также во многом, благодаря тому, что политика ассимиляции абхазского народа в грузинской этнической среде, проводившаяся со стороны руководства советской Грузии, полностью соответствовала общей политике КПСС, направленной на слияние всех народов СССР и формированию некоего гибридного советского народа.

Так, в 1937–1943 гг. был создан государственный трест «Абхазпереселенстрой», занимавшийся массовым заселением грузинских колонистов на территорию Абхазии. Трест строил моноэтнические грузинские спецпоселения. В нарушение законов у абхазских сел отбирались земельные участки, куда заселяли крестьян-колонистов из различных регионов Грузии.

Как указывалось в документах того времени, «по инициативе товарища Л.П. Берия в Абхазию переселяются из малоземельных районов Грузии тысячи крестьянских хозяйств, которые осваивают огромное количество веками неосвоенных земель»[12]. Однако эти «веками неосвоенные земли» еще полвека назад принадлежали абхазам, насильственно оторванным от своей земли и изгнанным. Грузинских колонистов заселяли в те села, откуда ранее были изгнаны абхазы. Известно много случаев, когда при строительстве домов для грузинских колонистов разрушались кладбища абхазских беженцев XIX века.

Большинство спецпоселений было построено в Очамчырском, Гудаутском и Гагрском районах, где проживала основная часть абхазского населения. Поселения локализовались на прибрежной полосе, вдоль транспортных магистралей, у въездов в города и районные центры, то есть на экономически и стратегически важных территориях. Эти населенные пункты перекрыва-

[12] Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. Сухум, 1992. С. 52.

ли пути из ущелий, где были рассредоточены оставшиеся после изгнания абхазские села. Вскоре грузинских колонистов начали селить внутри самих абхазских сел, создавая анклавы и разрушая их компактность.

Таким образом, во всех абхазских селах помимо новых самостоятельных переселенческих колхозов создалось множество внутрисельских грузинских анклавов. В целях окончательного разрушения компактности абхазских сел, грузинских переселенцев «пристраивали» как по соседству с абхазскими населенными пунктами, так и внутри сел; для них находили «свободные» территории и образовывали грузинские мини-поселки в виде отдельных колхозных бригад или звеньев. В случае отсутствия территорий власти на местах умудрялись заселять грузинских колонистов малыми группами, по 8–10 дворов, в разных уголках абхазских сел. В Абхазии практически не осталось абхазского села, где бы не были подселены грузинские переселенцы[13].

В 1940-е годы немцы, турки, татары, греки, лазы были депортированы из Абхазии в Среднюю Азию, Казахстан и Сибирь, а их имущество безвозмездно передавалось новым переселенцам из Грузии[14]. Согласно архивным данным, за период между переписями 1939 и 1959 гг. численность грузин в Абхазии увеличилась примерно на 66 тысяч человек[15]. Официальная статистика свидетельствует, что с 1886 по 1959 г. (за 73 года) численность грузин, мегрелов и сванов увеличилась на 154,2 тыс. человек, а абхазов – лишь на 2,2 тыс. человек[16]. Интенсивный процесс переселения грузин из Грузии в Абхазию продолжался вплоть до 1992 г.

Неопровержимые документальные данные свидетельствуют, что грузинские (мегрельские, собственно грузинские, сванские)

---

[13] См.: Абхазия: документы свидетельствуют. С. 165

[14] Иоаниди Н.Н. Греки Абхазии. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми. 1990. С. 91.

[15] Абхазия: документы свидетельствуют. С. 144 и далее.

[16] Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX века). С. 186.

поселения в Абхазии появились после ликвидации абхазской государственности и превращения Абхазии в колонию Российской империи, а затем – Советского Союза. Грузинские колонисты, как и представители других народов, переселенные имперскими властями, заняли земли, дома и имущество насильственно изгнанных абхазов.

Подавляющее большинство абхазских крестьян владело землей на правах частной собственности. Более 80 % крестьян-абхазов были свободными («анхаюы цкьа»), и земли, которыми они владели на правах частной собственности, у них были незаконно отняты колониальными властями и переданы переселенцам-колонистам. Следует напомнить также, что в Абхазии нет ни одной пяди земли, помимо, конечно, общинных, которая на протяжении столетий не принадлежала бы на правах частной собственности какому-нибудь абхазскому роду – княжескому, дворянскому или крестьянскому. При этом более 75 % земли владели именно свободные крестьяне.

Большинство репатриантов – потомков абхазских беженцев XIX века – при приезде на родину довольно быстро находят свои родовые земли и могилы предков – по рассказам своих дедов и отцов. Некоторые даже точно очерчивают границы земельных владений своих дедов. При этом среди исторических собственников земли в Абхазии нет грузин, мегрелов или сванов, за исключением тех, кому земля была передана во владение колониальными властями.

Таким образом, грузинские и мегрельские поселения появились на территории Абхазии в период ее колониальной зависимости и изгнания большей части абхазского народа. В историческом, политическом и правовом отношении проблемы абхазских изгнанников XIX века и «грузинских беженцев» XX века имеют прямую причинно-следственную связь, поскольку одна порождена другой, и их следует рассматривать в едином контексте.

Следовательно, когда речь идет о требовании грузинской стороны о возвращении в Абхазию и компенсации ущерба (возврате земли, домов, имущества), возникает закономерный вопрос: чьи именно земли, дома и имущество подлежат возврату? Земли и имущество абхазских изгнанников, которые были незаконно переданы колониальной администрацией грузинским поселенцам?!

Абхазский народ никогда не мирился со своим положением и продолжал борьбу за свободу и независимость, которая в разные периоды принимала различные формы. В этой борьбе активное участие принимали потомки абхазских изгнанников XIX века. Они никогда не отказывались от своей родины и неотъемлемого права на возвращение в свою страну. Они никогда не мирились с колониальным статусом своей страны и при любой возможности принимали самое активное и непосредственное участие в деле ее освобождения и восстановления независимого абхазского государства, как это было, например, в 1918–1921 гг., 1992–1993 гг.

К концу 1980-х годов, в условиях преобразований в СССР, ситуация изменилась. Абхазия стала центром освободительного движения народов Кавказа. В 1989 г. Сухум был провозглашен столицей Конфедерации народов Кавказа, объявившей себя правопреемницей Горской Республики 1918 г. Это вызвало негативную реакцию как в Москве, так и в Тбилиси.

Как известно, в Советском Союзе народы были искусственно разделены на категории («союзные республики», «автономные республики», «автономные области» и т.д.) с разным объемом прав. Абхазия, Южная Осетия, Аджария на правах автономии входили, по меткому выражению известного правозащитники акад. Сахарова, в состав «малой империи» – Грузинской Советской Социалистической Республики.

При распаде СССР право на независимость было предоставлено только союзным республикам, в то время как народам

автономий в нем было отказано. Это вызвало национально-освободительные движения народов т.н. автономных республик, которые встретили сопротивление со стороны России и Грузии.

В июне 1992 г. на встрече Президента РФ Б.Н. Ельцина и председателя Государственного совета Грузии Э.А. Шеварднадзе в Дагомысе было достигнуто соглашение о совместных действиях против национально-освободительных движений народов Кавказа («Дагомысский сговор»)[17]. Э. Шеварднадзе получил согласие Б. Ельцина на проведение военной операции против Абхазии. Грузии было передано вооружение Закавказского военного округа, и 14 августа 1992 г. грузинские войска вторглись в Абхазию. Согласно плану «Меч» они должны были в течение трех дней взять под контроль всю территорию Абхазии и выйти на границу с Россией по реке Псоу[18].

Однако героическое сопротивление абхазского народа и поддержка народов Северного Кавказа сорвали эти планы. Вторжение грузинских войск в Абхазию всколыхнуло весь Северный Кавказ: в столицах республик начались многотысячные и многодневные митинги в поддержку Абхазии, по призыву Конфедерации народов Кавказа широкий размах получило добровольческое движение в помощь Абхазии. Практически нет ни одного северокавказского народа, представители которых не прибыли в Абхазию в защиту абхазского народа.

В результате освободительной войны грузинские вооруженные силы, включая формирования, сформированные из грузин-

---

[17] Впервые о «Дагомысском сговоре» Б. Ельцина и Э. Шеварднадзе против национальных движений народов Кавказа было озвучено автором этих строк на сессии Совета ООН по правам человека в Женеве через неделю после вторжения грузинских войск в Абхазию – 21 августа 1992 г.

[18] С 14 августа 1992 Б. Ельцин находился в Сочи. Три дня он не принимал, прибывших к нему руководителей Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Адыгеи, обеспокоенных сложившейся в Абхазии ситуации. Б. Ельцин ждал Э. Шеварднадзе, который должен был прибыть к нему после завоевания Абхазии и установления над ней контроля.

ских колонистов Абхазии, были изгнаны из страны. Большая часть грузинского населения покинула Абхазию еще до физического соприкосновения с наступающими абхазскими силами. Необходимо отметить, что ни политическое, ни военное руководство Абхазии не издавало каких-либо распоряжений или заявлений, которые могли бы спровоцировать массовый исход или санкционировать насильственное изгнание. Во всех своих заявлениях абхазская сторона подчеркивала, что война ведется против войск Госсовета Грузии, а не против грузинского народа и, тем более, грузинского населения Абхазии. Следовательно, ответственность за возвращение грузинских колонистов в Грузию не может быть возложена на руководство Абхазии, а обвинения в этнических чистках не имеют под собой правовых оснований[19].

Одной из причин, побудивших грузинских колонистов покинуть Абхазию, был страх перед возможным наказанием за участие в войне на стороне Грузии и совершение преступлений против мирного населения. Однако не менее важной причиной было предстоящее неминуемое лишение тех экономических, политических и социальных привилегий, которыми они обладали как поселенцы-колонисты в советский период.

Если в царский период определенными экономическими привилегиями в Абхазии обладали в основном русские колонисты, то в советский период ими пользовались практически только грузинские переселенцы, причем эти привилегии касались не только экономической, но и политической и культурной сфер. То, что угроза утраты этих привилегий являлась ключевой причиной исхода, подтверждается и тем, что главным условием

[19] Впрочем, если абхазы проводили этническую чистку, то почему это коснулось только грузин, а армяне, греки, русские и др. не были изгнаны из страны. Более того, многие греки, армяне, русские, бежавшие из оккупированных грузинскими войсками территорий Абхазии, вновь вернулись после освобождения страны. И сегодня абхазы у себя на родине составляют около 50 %.

своего возвращения грузинская сторона выдвигает требование восстановления юрисдикции Грузии над Абхазией, то есть превращение Абхазии в той или иной форме в колонию и возвращение грузинам тех же привилегий, которыми они обладали в советский период.

Случаи, когда поселенцы-колонисты покидают освободившуюся страну, лишившись привилегий, характерны для многих постколониальных государств. Более того, международной практике известны случаи, когда страны, освободившиеся от колониальной зависимости, на законодательном уровне принимали решения о депортации колонистов или лишении их гражданских прав как необходимое условие осуществления своего суверенитета и неотъемлемого права на самостоятельный выбор дальнейшего пути национального развития.

Безусловно, любое массовое переселение сопряжено с человеческими страданиями и нарушением прав. Однако люди, покинувшие освободившуюся от колониальной зависимости страну и вернувшиеся на историческую родину из-за утраты привилегий, которыми они обладали как колонисты, и требующие их восстановления, с точки зрения международного права и общечеловеческой морали не могут быть отнесены к категории беженцев или перемещенных лиц.

Литература

Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953. – Сухум, 1992.

Абхазия в цифрах. Абхазский статистический ежегодник. Официальное издание. Акуа, 2023.

Ачугба Т.А. Абхазия: депортация абхазов (XIX века). Акуа-Сухум, 2018.

Ачугба Т.А. Этническая «революция» в Абхазии (по следам грузинской периодики XIX в.). Сухум, 1995.

Басария С.П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.

Гумба Г.Д. Форма и сущность национального движения абхазского народа. (К постановке проблемы). Сухум, 2003.

Иоаниди Н.Н. Греки Абхазии. Очерки истории греческого населения Абхазской АССР. Сухуми, 1990.

«Тифлисский вестник», 1877 г. № 209, 210

ЦГА Абх. АССР, ф. И-39, д. 6, лл. 22–23.

Д.И. ГУЛИА И СТАНОВЛЕНИЕ АБХАЗСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Дмитрий Иосифович Гулиа оставил глубокий след в истории Абхазии. Его многогранная деятельность сыграла ключевую роль в формировании национального самосознания абхазского народа, сбережении и возрождении его культурного наследия. Дмитрий Гулиа – это символ абхазской культуры и ключевая фигура в становлении абхазской исторической науки. С его именем неразрывно связано зарождение и развитие этой науки, и он по праву считается ее основоположником. Его труды заложили фундамент научного изучения истории Абхазии. Д.И. Гулиа активно занимался сбором и исследованием абхазского фольклора, рассматривая его как важный источник для понимания истории и культуры народа. Его работы по эпосу и народным преданиям стали классикой абхазской этнографии (см.: Гулиа 1925; Гулиа 1926; Гулиа 1928).

«История Абхазии» Д.И. Гулиа – первый систематический труд по истории абхазского народа, охватывающий период с древнейших времен до X века. В монографии впервые исследуются проблемы этногенеза абхазского народа и древнего периода истории Абхазии, включая эпоху Колхидского царства и раннесредневекового абхазского царства. Как отмечается в предисловии, автор выражал надежду, что его труд станет «первым камнем, брошенным в спокойную гладь научного равнодушия, и возбудит приток сил к разработке задач по истории и культур и наций Кавказа. …Главная цель труда – привлечь внимание к абхазскому языковедению, возбудить интерес к проблемам, связанным с историей прекраснейшей в мире столь богатой красотами природы страны и побудить научные круги обратить вни-

мание на абхазоведение как на путь к решению ряда вопросов о прошлом не только Кавказа, но и всей Передней Азии» *(Гулиа 1925: 13–14)*.

Несмотря на скромные задачи, которые ставил перед собой Д.И. Гулиа, его прозорливость позволила впервые осветить многие неизвестные страницы древний истории Абхазии. Многие его научные положения получили подтверждение и дальнейшее развитие, в частности, гипотезы о проживании абхазов в древности на всём Восточном Причерноморье, об абхазском облике Колхиды, о тождественности терминов «колхи» и «гениохи» и др. В то же время некоторые идеи, например, об эфиопском происхождении абхазов, не нашли подтверждения.

С выходом в свет «История Абхазии» Д.И. Гулиа и доклада С.М. Ашхацава «Пути развития абхазской истории» (прочитанного на I Всесоюзном краеведческом съезде в Абхазии 12 сентября 1924 г.), можно говорить о начале становления абхазской исторической науки и формирования национальной историографии. Однако после включения Абхазии в состав Грузинской ССР развитие этой науки не только замедлилось, но и было практически свёрнуто. В конце 1930-х годов, в период репрессий, абхазскому народу было отказано в праве на собственную идентичность: абхазский язык объявили диалектом грузинского, а абхазов – этнографической группой грузин.

Исследования истории и культуры абхазского народа оказались под запретом, поскольку историческая наука всегда тесно связана с политическими и идеологическими процессами. Лишь с середины 1950-х годов началось возрождение абхазской историографии.

Однако и в дальнейшем её развитие происходило в условиях неравной борьбы с грузинской историографией, отстаивавшей идею культурно-политической интеграции Абхазии в грузинское пространство. Именно в борьбе за право национальной интерпретации своей истории против многократно превосходившей ее в кадровом и научном потенциале грузинской историо-

графии ковалась абхазская историческая наука. Она стала полем идеологических сражений между абхазскими и грузинскими историками, где сталкивались национальные интересы, а подлинно научные исторические знания становились важнейшим инструментом отстаивания национальных интересов.

За последнее столетие историография древней и средневековой Абхазии обогатилась различными концепциями, отражающими сложные процессы формирования абхазской государственности и культуры. Эти концепции формировались под влиянием политических, идеологических и культурных факторов, а также в контексте взаимодействия Абхазии с соседними странами.

Однако, к сожалению, историография истории древней и средневековой Абхазии до сих пор еще не исследована в достаточной степени. Между тем, эта тема очень актуальна, прежде всего, для решения важных задач, стоящих перед абхазской исторической наукой на современном этапе, поскольку возникшие в основном в XX веке и существующие поныне методологические направления, различные взгляды на историю Абхазии концептуального характера еще не проанализированы, и им не дана научная оценка.

Цель данной статьи – рассмотреть основные концепции древней и средневековой истории Абхазии, проследить их возникновение и трансформацию. Существующие в историографии точки зрения можно сгруппировать вокруг нескольких направлений, которые отражают концептуально различные взгляды на историю Абхазии.

Основные концепции истории Абхазии. Национально-государственная концепция

Попытка научного обоснования концептуального взгляда на историю Абхазии впервые предпринята Д.И. Гулиа. В своей монографии «История Абхазии» он научно обосновал взгляд на абхазов как на один из древнейших народов мира, чья история

является результатом самостоятельного развития в неразрывной связи с историческими судьбами народов Кавказа и Передней Азии. По его мнению, в древности абхазы населяли всё Восточное Причерноморье, включая современную Абхазию и часть Северо-Востока Малой Азии.

Эта концепция получила развитие в трудах абхазских историков. Более всех развил и углубил ее Ш.Д. Инал-ипа в своих монографиях «Абхазы» и «Вопросы этнокультурной истории абхазов» *(Инал-ипа 1965; Инал-ипа 1976).* Он утверждал, что древние абхазы достигли высокого для того времени уровня развития материальной и духовной культуры. Происходило это в результате закономерного самостоятельного социально-экономического, политического и культурного развития, в тесном взаимодействии и культурном взаимовлиянии с соседними народами и государствами. Все это неизбежно привело к формированию абхазской государственности. Созданные древними абхазами государства – Колхидское царство (I тыс. до н.э.), Абхазское царство (раннее средневековье) на протяжении многих веков играли большую роль на Кавказе и Черноморском бассейне.

Данный взгляд на историю абхазского народа подчеркивает его взаимодействие и взаимовлияние с различными культурами соседних, как близких, так и далеких народов, но акцентирует внимание на уникальности абхазской культуры. Таким образом, по этой концепции, абхазский народ с древних времен является значимым субъектом мировой истории и культуры.

Грузинская (советская) концепция

В 1940-е годы оформилась грузинская (советская) историографическая школа, рассматривавшая Абхазию как неотъемлемую часть грузинского этнокультурного и политического пространства. Согласно этой концепции абхазы имели в некотором роде самобытную, но не самостоятельную историю, ибо Абха-

зия во все времена являлась составной частью Грузии, и абхазы не могут мыслиться вне этнополитической и культурной истории грузинского народа. Соответственно абхазы не могли достигнуть уровня государственности и создать самостоятельное государство вне Грузии и грузинского этноса. Абхазия является субъектом истории Грузии, и развитие абхазов происходило и может происходить лишь в рамках грузинского политического и культурного мира.

Авторами грузинской концепции истории Абхазии являются Н.А. Бердзенишвили, И.А. Джавахишвили, С.Н. Джанашиа, В.Д. Дондуа и др. *(Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946; Бердзенишвили, Дондуа… 1962).* Примечательно, что её формирование происходило не столько на основе научных изысканий, сколько по прямому указанию И.В. Сталина (Джугашвили), о чём свидетельствуют мемуары директора Института истории АН Грузинской ССР Н.А. Бердзенишвили *(Бердзенишвили 1998: 97–111).*

В самой грузинской концепции истории Абхазии существуют различные взгляды, направления. Некоторые допускают проживание абхазских племен в древнем Колхидском царстве, которое они считают грузинским. Другие считают, что абхазские племена появились в Колхиде на рубеже новой эры; третьи утверждают, что абазги, апсилы, саниги, мисимиане относятся не к абхазским, а к грузинским племенам, современные же абхазы появились в Абхазии в XVII веке. Что касается раннесредневекового абхазского царства, то оно превращается в грузинское царство и т.д. и т.п.

Концепция внешнего влияния

Указанные две концепции в историографии хорошо известны и широко обсуждаются в критической научной литературе, но есть еще третья, которая пока еще находится вне поля критики

и публично не обсуждается. Эта концепция также рассматривает абхазов как древний этнически самобытный народ со своей историей, культурой и языком. Научно обоснованно опровергается претензия Грузии на Абхазию, вообще концепция грузинской историографии о том, что исторически Абхазия была частью Грузии и т.д. Но в то же время согласно этой концепции абхазы также рассматриваются как не имевшие самостоятельной ни политической, ни культурной истории, а их социально-политическая и культурная история является результатом внешнего влияния и воздействия больших империй.

Так, колонизация Абхазии древними греками, затем римлянами, византийцами и т.д. играла для Абхазии цивилизаторскую, прогрессивную роль, стимулировавшая экономическое, политическое и культурное развитие абхазов. Так, например, утверждается, что «Уклад городской жизни и проистекающую из него государственность на территорию Абхазии принесли греки», основавшие колонии в Абхазии в VII–VI веках до н.э. *(Воронов 2006: 91; Бгажба, Лакоба 2007: 58)*; одновременно утверждается, что в VII–VIII веках н.э. абхазы еще жили в родоплеменном строе. (Получается, что городскую культуру и государственность греки принесли в Абхазию в VII–VI вв. до н.э., а абхазы восприняли это лишь через тысячу лет, создав в VIII в. н.э. Абхазское царство?!)

По этой концепции отрицается существование Колхидского царства, а колхи причисляются к грузинским племенам. Не признается наличие государственности у апсилов, абазгов в античный период. Что касается раннесредневекового Абхазского царства, то и здесь ее возникновение в большей степени связывается с внешними силами. На первый план выдвигаются благоприятные внешние условия, в особенности родственные связи Леона II с византийским императором и хазарским каганом. Акцентируется внимание на культурном и этническом разнообразии и подчеркивается, что Абхазия на протяжении всей

своей истории была многоэтничным регионом, где помимо абхазов проживали и другие народы. Такой взгляд на историю Абхазии наиболее заметно отражен в работах Ю.Н. Воронова (см.: *История Абхазии 1991: Воронов 2006: Воронов 2014*).

Таким образом, политическое и культурное развитие абхазского народа, начиная с древних времен до настоящего времени, было возможным лишь благодаря перманентным завоеваниям и колонизации Абхазии мировыми империями. Правда, непонятно, по какому принципу из перечня мировых держав, почетных цивилизаторов абхазов выпадают Хеттская и Ахеменидская империи, Арабский Халифат и Османская империя, также находившиеся в непосредственных контактах с древними и средневековыми абхазами, данная концепция не объясняет.

Словом, по этой концепции также отрицается способность абхазского народа на самостоятельное развитие без помощи извне и внедряется мысль, что Абхазия всегда был объектом истории. Т.е. данная концепция, как и грузинская, не рассматривает абхазов как субъект истории, а лишь объектом, правда, в отличие от грузинской, которая утверждает, что абхазы были объектом истории Грузии, в данном случае эти рамки расширяются, и Абхазия рассматривается как объект крупных империй.

В абхазской историографии данная концепция открыто и публично не подвергалась критике по различным причинам, но, главным образом, это было связано с тем, что в советский период основные силы абхазской историографии были направлены на отражение натиска грузинской историографии, и все, что противостояло ей, воспринималось в качестве союзника. А данная концепция очень резко и весьма успешно критиковала грузинскую точку зрения на историю Абхазии.

Как бы это ни казалось странным, именно эта концепция в настоящее время является превалирующей сегодня в абхазской историографии. Это отражается во многих работах, статьях, озвучивается на научных конференциях как в Абхазии, так и за ру-

бежом и, что самое печальное и в школьных и вузовских учебниках. Безусловно, как бы не были полно изучены те или иные вопросы истории, с течением времени наши познания углубляются и расширяются. Те или иные факты и события истории получают новые интерпретации, новое освещение, что позволяют реконструировать наиболее приближенную к исторической реальности картину. Поэтому, конечно, никакая концепция не может претендовать на абсолютную истину и монополию.

Вместе с тем исследование должно соответствовать правилам и апробированным традициям научно-исследовательской работы, то есть основываться на принципах объективности и правдивости. В этой связи становится весьма актуальным определение теоретико-концептуальной и методологической основы абхазской историографии на современном этапе.

Здесь уместно будет напомнить, что история играет колоссальную роль в отстаивании самобытности, выработке веры народа в собственные силы и способности самостоятельного развития. То, как освещаются и преподносятся широкому читателю, например, причины возникновения и развития абхазской государственности, имеет не просто научное, а очень важное прикладное значение для современного абхазского общества. Прежде всего потому, что исторические исследования, особенно касающиеся государственности, всегда очень приближены к настоящему, к обществу, в котором они воспроизводятся, и обладают способностью конструировать общественное сознание, т.е. социальную реальность, формируют национальное самосознание. А какую социальную реальность конструируют и оказывают влияние на умы людей концепции, которые отрицают самодостаточность народа, его способность к самостоятельному развитию без внешней помощи, думаю, не трудно догадаться.

Перед нами стоит задача выработки концепции развития исторического абхазоведения, стратегии мероприятий, в результате реализации которых историческое абхазоведение бу-

дет стимулировать укрепление независимой абхазской государственности и способствовать усилению национального самосознания. Поскольку в основе самосознания абхазского народа лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории Абхазии традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сбережение и защита их являются обязательным условием гармоничного развития страны. Поэтому важно выработать цельную научную концепцию, которая бы объективно отражала прошлое Абхазии, способствуя укреплению её государственности. Необходима государственная политика в области исторического просвещения, направленная на распространение достоверных знаний и поддержку национальной исторической школы.

Литература

Ашхацава 1924: Ашхацава С.М. Пути развития абхазской истории. Сухум, 1924.

Бгажба, Лакоба 2007: Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.

Бердзенишвили, Джавахишвили, Джанашиа 1946: Бердзенишвили Н.А., Джавахашвили И.А., Джанашиа С.Н. История Грузии. Ч. 1. Тбилиси, 1946.

Бердзенишвили, Дондуа… 1962: Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К., Меликишвили Г.А., Месхи Ш.А. История Грузии с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Учебное пособие. Тбилиси, 1962.

Бердзенишвили 1998: Бердзенишвили Н.А. В гостях у товарища Сталина в Сочи. 20 октября в 11 часов, 21 октября, 22 октября, 23 октября – 3 часа 45 года // Цискари. Тбилиси, 1998. № 1. С. 97–111; Институт рукописей им. К. Кекелидзе Академии наук Грузии (Тбилиси), архив Н. Бердзенишвили, рукопись № 1675–1678, ст. 3r-v).

Воронов 2006: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 1. Сухум, 2006.

Воронов 2014: Воронов Ю.Н. Научные труды. Т. 4. Сухум, 2014.

Гулиа 1925: Гулиа Д.И. История Абхазии. Сухум, 1925.

Гулиа 1926: Гулиа Д.И. Божество охоты и охотничий язык у абхазов, Сухум, 1926.

Гулиа 1928: Гулиа Д.И. Культ козла у абхазов. Сухум, 1928.

Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сухум, 1965.

Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

История Абхазии: История Абхазии. Учебное пособие. Сухум, 1991.

О ЗАДАЧАХ ИСТОРИЧЕСКОГО АБХАЗОВЕДЕНИЯ

Хорошо известно, что в советский период Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (АбНИИЯЛИ) им. Д.И. Гулиа, помимо своей непосредственной научной деятельности, являлся интеллектуальным и духовным центром. Именно в стенах Института генерировались идеи национально-освободительного движения абхазского народа. Национально мыслящая часть его сотрудников остро реагировала на вызовы времени и в большинстве случаев не только научно обосновывала, но и принимала активное профессиональное участие в решении приоритетных задач, возникавших на том или ином этапе национальной борьбы. В советский период такими приоритетами являлись сохранение и возрождение языка, национальной культуры, целостности этноса и самобытности абхазов.

Однако с момента обретения абхазским народом независимой государственности решение этих задач требует качественно нового подхода. Во-первых, национальная самобытность абхазов, как и любого народа, не может быть «законсервирована» в её нынешнем состоянии в условиях острого противоборства традиций и инноваций. Необходима ориентация на реальное возрождение подлинных национальных традиций в соответствии со сложившимися новыми условиями – возрождение не в фольклорных формах, выполняющих курортно-сервисные функции, а истинное, сопровождаемое растущим влиянием на экономическую и политическую систему, социальный быт и общий мировоззренческий настрой народа. Во-вторых, ранее, в советский период, перед Абхазией не стояла задача выбора путей социально-экономического, политического и культурного

развития, не стоял вопрос о том, какие институты и ценности должны быть положены в основу политической и экономической систем общества, поскольку они привносились извне, игнорируя при этом традиционное социальное устройство, экономический уклад и политические институты абхазского народа.

Сегодня ситуация совершенно иная. Мы – самостоятельное государство, и должны сами, в соответствии со своим социальным устройством, экономическим укладом, национальной культурой, морально-этическими устоями и менталитетом, выбрать путь своего развития, определить, какие институты и ценности должны быть положены в основу нашего государства, его культурную и идеологическую основу. Мы достигли независимости, но независимость сама по себе не имеет ценности; ценность она приобретает лишь в процессе претворения в жизнь вышеуказанных задач. Только решив эти задачи, мы можем говорить о сколько-нибудь ощутимом начале возрождения и дальнейшем развитии абхазского народа в качестве независимого государства.

Однако перед научной общественностью и абхазским обществом в целом такие задачи до сих пор системно не ставились. Более того, к сожалению, отсутствует даже понимание необходимости их постановки. В середине 1990-х годов основатель современного абхазского государства Владислав Ардзинба в нескольких интервью начал озвучивать эти проблемы. Однако болезнь и ряд других, не зависящих от него причин не позволили ему раскрыть их полностью. Тем не менее в этих выступлениях он поставил главные вопросы: зачем мы добивались независимого абхазского государства, если в нём не будет абхазского языка и абхазской культуры, если мы не сможем вернуть на родину большую часть абхазского народа, находящуюся в диаспоре?

На мой взгляд, было бы разумным чаще транслировать эти интервью Владислава Ардзинбы по абхазскому телевидению. Это необходимо, прежде всего, для тех абхазов, которые уже от-

крыто заявляют, что в абхазском государстве необязательно полноценное функционирование абхазской культуры и абхазского языка. Как это ни прискорбно, таких людей в нашем обществе становится всё больше. Если в советское время, когда Абхазская АССР входила в состав Грузинской ССР, определённая, незначительная часть абхазской интеллигенции считала и заявляла, что Абхазия составляет часть грузинской культуры и истории, то сегодня появляются люди, считающие и заявляющие с высоких трибун, что Абхазия – часть русского культурного мира.

Безусловно, у каждого народа всегда существует определённый круг лиц, оторванных от своих национальных корней, подвергшихся культурной ассимиляции; их обычно называют «манкуртами», и они составляют маргинальную часть общества. Совсем другое дело, когда в стране создаются условия, при которых такие лица публично начинают навязывать обществу свои антинациональные взгляды. В советский период любые заявления о том, что Абхазия является частью грузинского культурного мира, получали немедленный отпор со стороны абхазской интеллигенции, особенно сотрудников АбНИИ. Но сегодня на заявления о принадлежности Абхазии к иному (но только не абхазскому) культурному миру общество не даёт практически никакой реакции. Ни один институт, ни одна общественная организация, не говоря уже о власти, не выступают в защиту абхазской культуры.

Это очень серьёзный симптом и неутешительный диагноз для абхазского общества. Это свидетельство того, что идёт ускоренный процесс деабхазизации абхазов и Абхазии. К сожалению, у нас пока еще не сложились жизнеспособные институты, способные противостоять идущему процессу ассимиляции абхазского народа, центры, в которых генерировались бы идеи, определялись стратегические цели и пути их реализации. Как показывает опыт, власть, за редким исключением, не способна решить эти проблемы. Свои функции она свела к решению

повседневных вопросов, перераспределению имущества и финансов, контролю и распоряжению собственностью и, конечно, удержанию власти.

Определять и выражать политические, идеологические и духовно-нравственные устремления народа – задача научной и творческой общественности. Думаю, вы согласитесь с тем, что сегодня, кроме нашего Института, нет центра, который мог бы взять на себя такие функции. Именно от Абхазского института гуманитарных исследований (АбИГИ) им. Д.И. Гулиа люди ждут или, по крайней мере, пока ещё надеются на выработку и чёткую формулировку стратегии национального развития, определение места Абхазии в мире, формулирование системы ценностей и моральных критериев как гарантов сохранения и развития абхазского культурного мира.

Разумеется, я не собираюсь охватить все озвученные проблемы. Предлагаю обсудить задачи и роль исторической науки в строительстве современного абхазского государства. Историческая наука сверхактуальна для сегодняшних политических и идеологических процессов, поскольку эти процессы базируются на истории, и история придаёт им векторность. Она играет также колоссальную роль в отстаивании самобытности, формировании национального самосознания, выработке веры народа в собственные силы и способность к самостоятельному развитию.

Ещё более значима роль истории на Кавказе, поскольку этническая психология и самосознание его народов неразрывно связаны с их прошлым. Свойственное кавказским народам уважение к предкам, глубина исторической памяти, зафиксированная в преданиях и генеалогиях, особенности социально-экономического и культурного развития обусловили формирование менталитета, тяготеющего к истории.

Именно этим в основном объясняется и то, что становление и развитие абхазской историографии в XX веке происходили в

бескомпромиссной и неравной борьбе с грузинской историографией за отстаивание самобытности истории и культуры абхазского народа. Без преувеличения можно сказать, что в XX веке историческая наука стала полем идеологических сражений между абхазскими и грузинскими историками, где сталкивались национальные интересы, а подлинно научные исторические знания становились важнейшим инструментом их отстаивания. Абхазская историческая наука ковалась в борьбе за право национальной интерпретации своей истории против многократно превосходившей её в кадровом и научном потенциале грузинской историографии, и она с честью выполнила эту задачу. Она стала одним из основных столпов национально-освободительного движения абхазского народа, которое в результате освободительной войны достигло своей цели – свободы и независимости.

Сегодня, в условиях строительства независимого государства, перед абхазской исторической наукой встают новые задачи. Прежде всего:

1. Выявление основ идеологии национальной независимости Абхазии: системы взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок, выражающих абхазские национальные интересы, а также разработка методики и методологии обеспечения этих интересов.

2. Определение культурной и духовно-нравственной основы Абхазского государства.

3. Историко-теоретическое обоснование тысячелетней абхазской государственности.

4. Выявление государственных традиций, наследником и правопреемником которых является современное абхазское государство.

Для исследования обозначенных тем становится весьма актуальным определение теоретико-концептуальной и методологической основы абхазской историографии на современном этапе.

С решением указанных проблем мы уже катастрофически отстали, а без их решения строительство самостоятельного государства практически невозможно. Но, как я уже отметил, перед абхазской научной общественностью эти задачи даже не поставлены. Мы же не только должны их поставить, но и обязаны решить, потому что никто, кроме нас, этого не сделает.

Перед нами стоит задача выработки перспективной концепции развития исторического абхазоведения хотя бы на ближайшие 10–20 лет. Необходимо выработать стратегию мероприятий, реализация которых будет стимулировать укрепление независимой абхазской государственности и способствовать усилению национального самосознания. Составной частью этой комплексной программы должна стать подготовка специалистов, необходимых для решения научных задач.

В целях концентрации усилий исследователей как на указанных, так и на других актуальных проблемах исторического абхазоведения на данном этапе представляется необходимым создание временных комплексных творческих групп. В них могут входить не только сотрудники разных отделов нашего Института, но и других научных учреждений Республики Абхазия.

На данном этапе представляется возможным создание следующих групп:

1. По исследованию традиционных институтов абхазского народа (обычное право), социального устройства, типов экономических отношений, морально-этических устоев, норм поведения, системы мышления, ценностных ориентаций и установок – всего того, что скрепляет абхазов как народ и обеспечивает его существование как единого целого. На эту же группу целесообразно возложить, в случае необходимости с привлечением других специалистов, исследование истории, культуры и быта этнических диаспор Абхазии (русских, армян, грузин, греков и др.).

2. По исследованию истории абхазской диаспоры.

3. По написанию краткой научно-популярной истории абхазского народа с древнейших времён до наших дней (15–20 п. л.) с целью её издания на четырёх языках: абхазском, русском, английском и турецком.

Следующая важная задача связана со сбором и введением в научный оборот хеттских, урартских, ассирийских клинописей, греко-латинских, персидских, арабских, турецких, армянских, грузинских и других древних и средневековых письменных источников по истории Абхазии. Определённая работа в этом направлении ведётся, издан ряд важных документов по истории Абхазии XIX в. и особенно XX в., но необходимо активизировать её, создав группу по сбору источников и подготовке к изданию свода «Древние и средневековые письменные источники об Абхазии». Существует также острая необходимость скорейшей подготовки «Хрестоматии по истории Абхазии» для школ и вузов республики.

Целесообразно создание ещё двух групп, необходимость которых отмечал Владислав Ардзинба, будучи директором АбНИИ. Речь идёт о творческих группах по ономастике и археологии. Основной задачей ономастической группы будет сбор и систематизация ономастического материала как по данным литературы (архивным и иным документам), так и по материалам полевых исследований. На основе соответствующей картотеки следует подготовить «Атлас топонимов и гидронимов Республики Абхазия». Конечным результатом деятельности группы «Археология Абхазии» должно стать издание обобщающей монографии «Археология Абхазии».

В целях определения теоретико-концептуальной и методологической основ абхазской историографии на современном этапе представляется весьма актуальным проведение ряда научных сессий и семинаров, в частности:

- по проблеме этногенеза абхазского народа;
- по проблеме периодизации истории абхазского народа;

- о причинах и времени возникновения абхазской государственности;
- по проблеме этнокультурной и политической истории Колхиды;
- по истории Абхазского царства;
- по истории Абхазии позднесредневекового периода;
- по истории религиозных течений в Абхазии;
- несколько научных семинаров по проблемам истории Абхазии XIX–XX вв.

Требует к себе большого внимания ещё одна важная проблема – преподавание истории Абхазии в школах и вузах страны. Как известно, качественное массовое историческое образование в современном мире представляет собой основу формирования национальной идентичности, без чего невозможно обеспечить стабильное суверенное развитие государства. В основе единства и стабильности любого современного общества лежит солидарность его граждан, а в основе этой солидарности – принятие и сохранение народом собственной истории.

Этот базовый консенсус обеспечивает преемственность поколений, стимулирует гражданскую солидарность, укрепляет легитимность государства, помогает обосновывать его достоинства и привлекательность. Любое государство заинтересовано в укреплении своих основ и не может оставаться безучастным к тому, каким образом формируется историческое сознание его граждан. За последние 100 лет абхазской истории мы имеем целый ряд наглядных уроков того, что история народа, сохраняемая и воспроизводимая в виде коллективной памяти, – сфера национальной безопасности.

Однако с большим сожалением вынуждены констатировать, что в школах Республики Абхазия не уделяется должного внимания изучению истории Абхазии. Так, с 5-го по 11-й класс на историю Абхазии выделено недостаточное количество часов, а с 5-го по 8-й класс её как отдельный предмет вообще не из-

учают. В то же время, начиная с 5-го класса, изучается история России, на которую отводится в два раза больше часов, чем на историю Абхазии. Нет никакого сомнения в необходимости полноценного изучения истории России, и весьма отрадно, что в школах Абхазии этому предмету уделяется пристальное внимание. Однако это не должно происходить в ущерб истории собственной страны. Кроме того, человек, плохо знающий и не ценящий историю своей страны, вряд ли будет ценить и понимать историю соседней.

Думаю, нам предстоит создание творческой группы для изучения состояния преподавания истории Абхазии в школах и вузах республики с участием представителей Института педагогики, Абхазского государственного университета и Министерства просвещения. Результаты работы группы должны быть обсуждены на специальном научном семинаре. Считаю целесообразным также провести на этом семинаре обсуждение вопросов методологии преподавания истории Абхазии и всемирной истории в школах и вузах Республики Абхазия.

Содержание

К вопросу идентификации реки Эгрисцкали Джуаншера Джуаншериани 3
Еще раз о юго-восточной границе Абхазии в раннем Средневековье 14
Некоторые проблемы исторической географии древней Абхазии 23
Фасианы (пасианы) и колхи в сообщении Ксенофонта 32
Каменные стелы – Вишапы и кавказские параллели 38
Гаргары Кавказской Албании в античных и армянских Источниках 49
Южная граница Азиатской Сарматии античных и армянских источников 72
Аланы, асы и дигоры по «Ашхарацуйцу» 104
Проблемы этногенеза и этнокультурной истории нахских народов 136
К проблеме автохтонности картвелов (грузин) на Кавказе 152
Основа исторической концепции и генеалогической таблицы народов Кавказа Леонти Мровели 174
Русско-Кавказская война: опыт осмысления в контексте современных вызовов 210
Русско-Кавказская война XIX века и проблема потомков кавказских изгнанников 226
Грузино-абхазский вооруженный конфликт 1992-1993 гг.: проблема беженцев и перемещенных лиц 233
Д.И. Гулиа и становление абхазской исторической науки 251
О задачах исторического абхазоведения 261

Научное издание

Гурам Джотович Гумба

Кавказоведческие исследования

Сборник статей

Редактор *Т.Ю. Алексеева*
Компьютерная верстка *А.Ш. Береджи*

Подписано в печать 28.05.2026 г.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. лист 17

Тираж: 200 экз.

Отпечатано в соответствии с
предоставленными материалами
в типографии АГУ

г. Сухум, ул. Университетская 1.
E-mail: tipografiya.agu@mail.ru